

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА
Научный журнал

Т. 7, № 3
2020

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 7, № 3
2020

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
пространства
Научный журнал

Т. 7, № 3
2020

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 7, № 3
2020

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Научный журнал «Проблемы постсоветского пространства» входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 18 июля 2019 г.) по следующим специальностям:

- 07.00.15 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
- 08.00.14 — Мировая экономика (экономические науки)
- 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии (политические науки)
- 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, д. п. н., заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- *Владимир Иванович Аникин*, д. э. н., Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
- *Евгений Петрович Бажанов*, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- *Анджея Вержбицки*, д. п. н., Варшавский университет, Варшава, Польша
- *Светлана Михайловна Гаврилова*, к. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- *Майкл Глянц*, Университет Колорадо, США
- *Олег Евгеньевич Гришин*, к. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- *Лукаш Донай*, д. п. н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша
- *Игорь Сергеевич Зонн*, д. геогр. н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации,

водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия

- *Андрей Вячеславович Ишин*, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- *Леонид Александрович Карабешкин*, к. п. н., Евроакадемия, Таллин, Эстония
- *Балташ Нурмухамбетович Карипов*, д. п. н., Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан
- *Олег Геннадьевич Карпович*, д. п. н., д. ю. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- *Геннадий Владимирович Косов*, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- *Андрей Геннадьевич Костяной*, д. ф.-м. н., Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, Москва, Россия
- *Елена Михайловна Кузьмина*, к. п. н., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия

- **Рустам Мамедов**, д. ю. н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан
- **Алексей Михайлович Мастепанов**, д. э. н., Институт проблем нефти и газа РАН, Москва, Россия
- **Николай Павлович Медведев**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Марк Афроимович Неймарк**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Ольга Алексеевна Нестерчук**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Юлий Анатольевич Нисневич**, д. п. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Панин**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Лидия Александровна Пархамчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан
- **Александр Вячеславович Семенов**, д. э. н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Пётр Иванович Толмачёв**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Сергей Борисович Филимонов**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Владимир Анатольевич Цык**, д. ф. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к. и. н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Александр Андреевич Шириняц**, д. п. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Нарцисс Шукуралиева**, д. п. н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Андрей Юрьевич Шутов**, д. и. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Владимир Владимирович Штоль**, д. п. н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия
- **Валерий Теодорович Юнгблюд**, д. э. н., Вятский государственный университет, Киров, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2014 г. (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57418 от 27 марта 2014 г. — печатное издание)
ISSN	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель:	Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»
Адрес издателя и редакции:	127576, Москва, ул. Абрамцевская, д. 8А
Типография:	Типография «Буки Веди», Москва, Партийный переулок, д. 1, корп. 58
Тираж:	500 экземпляров
Сайт:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Подписано в печать:	03.09.2020
	© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

Academic periodic journal «Post-Soviet Issues» is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on July 18, 2019).

- 07.00.15 «The history of international relations and foreign policy»;
- 08.00.14 «World economy»;
- 23.00.02 «Political institutions, Processes and Technologies»;
- 23.00.04 «Political problems of international relations, global and regional development».

CHIEF EDITOR

- **Sergey S. Zhiltsov**, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia

EDITORIAL BOARD

- **Vladimir I. Anikin**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Baltash N. Karipov**, Doctor of Political Science, Kokshetaush University, Kokshetaush, Kazakhstan

- **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Oleg G. Karpovich**, Doctor of Political Science, Doctor of Law, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland

- **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

- **Sergey B. Filimonov**, Doctor of History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Andrej G. Kostyanov**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia

- **Svetlana M. Gavrilova**, PhD in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

- **Michael H. Glantz**, Colorado, USA

- **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan

- **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Nikolai P. Medvedev**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Andrej V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Alexey M. Mastepanov**, Doctor of Economic Science, The Institute of Oil and Gas problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Aleksandr V. Semenov**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Alexander A. Shirinyants**, Doctor of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland
- **Andrey Y. Shutov**, Doctor of History, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Vladimir V. Shtol**, Doctor of Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
- **Peter I. Tolmachev**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine
- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland
- **Valery T. Yungblud**, Doctor of Economic Science, Vyatka State University, Kirov, Russia
- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology “Soyuzvodproekt”, Moscow, Russia

ISSN:	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Publication Frequency:	Quarterly
Founder:	Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis “The Centre of regional research”
Publisher’s address:	Moscow, 127576, Abramzevskaj str. 8A
Printing house:	“Buki Vedi”, Moscow, Partyinyi lane, 1, bld. 58
Number of Copies:	500
Web-site:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Signed for printing:	03.09.2020
	© “Post-Soviet Issues”. All materials are distributed under CC BY 4.0

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

- Роль западных стран в развитии Украины** 266
Сергей С. Жильцов
- Арктическая пятерка: поиск баланса сил в регионе** 276
Игорь С. Дорошенко
- «Детские» экзозабастовки как технология формирования нового мирового порядка и интересы России** 288
Петр И. Паиковский, Евгений В. Крыжко
- Страны Центральной Азии: трудности на пути сближения** 300
Гулбара Ч. Акунова
- Болезнь “X” меняет мир. Последствия пандемии COVID-19 для стран-участников СНГ** 312
Олег Г. Карпович, Валерий О. Литвинов

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Потенциал развития экономического сотрудничества России со странами ЕАЭС и СНГ** 327
Аза А. Мигранян
- Основные тенденции и итоги внешнеэкономического сотрудничества Казахстана со странами ЕАЭС** 347
Вячеслав Ю. Додонов
- Энергетическая политика стран Центральной Азии: основные итоги** 365
Елена А. Маркова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

- Русский язык в Центральной Азии: современное состояние и перспективы** 373
Александр Н. Евдокимов, Татьяна А. Давыдова, Дмитрий А. Савкин

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

- Эволюция внешней политики России в отношении стран Балтии на современном этапе** 389
Семен С. Бойков

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL POLICY

- West's role in the development of Ukraine** 266
Sergey S. Zhiltsov
- The Arctic Five: search for a balance of power in the region** 276
Igor S. Doroshenko
- “Children’s” Eco-strikes as a Technology
 for the Formation of a New World Order and Russia’s Interests** 288
Petr I. Pashkovsky, Evgeniy V. Kryzhko
- Central Asian States: Difficulties on the Path of Rapprochement** 300
Gulbara CH. Akunova
- Disease “X” changes the world.
 Consequences of COVID-19 pandemic for CIS member-countries** 312
Oleg G. Karpovich, Valery O. Litvinov

ECONOMY

- Potential of development of economic cooperation
 between Russia and EAEU and CIS countries** 327
Aza A. Migranyan
- Key Trends and Results of Kazakhstan’s
 foreign economic cooperation with the EAEU Countries** 347
Vyacheslav Yu. Dodonov
- Energy Policies in Central Asia: Main Outcomes** 365
Elena A. Markova

POLITICS

- Russian language in Central Asia: current status and prospects** 373
Alexander N. Evdokimov, Tatyana A. Davydova, Dmitry A. Savkin

HISTORY AND RELIGION

- Evolution of Russian foreign policy
 towards the Baltic States at the present Stage** 389
Semyon S. Boykov

Роль западных стран в развитии Украины

Сергей С. Жильцов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

serg.serg56@mail.ru

Аннотация: после распада СССР Украина стала проводить политику, направленную на расширение сотрудничества с западными странами. Большое значение на Украине придавали экономическому взаимодействию с ЕС и США, а также получению финансовой помощи от западных стран и международных финансовых организаций, прежде всего Международного валютного фонда (МВФ). Интерес к сотрудничеству с МВФ определялся потребностями украинской экономики в решении текущих социально-экономических проблем, сохранению политической стабильности находящихся у власти элит. Повышенное внимание украинской стороны к получению внешней финансовой помощи было связано с неспособностью Украиной самостоятельно решать экономические проблемы, которые проявились после распада СССР и проводить внешнеэкономическую политику. Неэффективность экономики дополняло отсутствие четкого государственного курса. В тоже время, Украина проводила курс на открытие страны западному капиталу. Это ослабило позиции Украины на мировых рынках, негативно сказались на ее экономическом потенциале. В результате, для решения экономических проблем Украина пошла на сотрудничество с МВФ, с целью получения финансовой помощи. В свою очередь, МВФ проявлял большое внимание к Украине. Предоставление финансовых средств, которые выделялись Украине в рамках программ сотрудничества, сопровождалось выдвиганием экономических условий и политических требований. Проводимая политика заимствований привела к росту внешнего долга Украины, усилив зависимости украинских властей от МВФ. В последние годы, при новом президенте Украины В. Зеленском, Украина продолжила политику сотрудничества с МВФ.

Ключевые слова: Украина, МВФ, внешняя политика, внешний долг, кредиты

Для цитирования: Жильцов С.С. Роль западных стран в развитии Украины. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(3):266-275. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-266-275>

Статья поступила 22.05.2020

Принята в печать 26.06.2020

Опубликована 03.09.2020

West's role in the development of Ukraine

Sergey S. Zhiltsov

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
serg.serg56@mail.ru

Abstract: The collapse of the USSR pushed Ukraine for pursuing a policy aimed at expanding cooperation with Western countries. Ukraine placed great emphasis on economic cooperation with the EU and United States, as well as financial assistance from Western countries and international financial organizations, primarily the International Monetary Fund (IMF). Such interest in collaborating with the IMF was driven by the needs of the Ukrainian economy to solve current social and economic problems, maintain the political stability for the elites in power. The increased focus of the Ukrainian side on external financial assistance related to the Ukraine failure to address economic challenges, appeared after the collapse of the USSR, and initiate a new foreign economic policy. The inefficiency of the economy was aggravated by clear-cut governmental policy deficiency. At the same time, Ukraine continued to open up the country to Western capital. This weakened Ukraine's position on world markets, negatively affected its economic potential. Hence, Ukraine went in for cooperation with the IMF to gain financial assistance and tackle its economic problems. On the other hand, the IMF showed great attention to Ukraine, granting funds to Ukraine as a part of cooperation programs but setting economic conditions and political demands. The ongoing borrowing policy has led to Ukraine foreign debt increase, triggering the dependence of the Ukrainian authorities on the IMF. In recent years, under the new President of Ukraine V. Zelensky, Ukraine has proceeded with the policy of cooperation with the IMF.

Keywords: Ukraine, IMF, foreign policy, foreign debt, loans

For citation: Zhiltsov S.S. West's role in the development of Ukraine. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(3):266-275. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-266-275>

Received 22.05.2020

Revised 26.06.2020

Published 03.09.2020

ВВЕДЕНИЕ

В 2020 год Украина вступила с комплексом проблем, ряд которых формировался с момента образования украинского государства. Победа на выборах президента в мае 2019 года Владимира Зеленского не приблизила страну к решению фундаментальных проблем. Одной из ключевых проблем развития украинского государства стало наращивание внешнего долга за счет

увеличения заимствований у Международного валютного фонда (МВФ).

В последние двадцать лет проблемы в украинской экономике были связаны с проводимой политикой. Наращивание объемов импорта из западных стран привело к тому, что Украина поддерживала западного производителя за счет отвлечения средств из реального сектора украинской

экономики. Это привело к росту внутренних и внешних заимствований. Еще в 1998 году внешний долг составлял 3% ВВП. В последующие годы он возрос и уже через 10 лет достиг 56 % ВВП. Задолженность выросла прежде всего за счет кредитов МВФ, а также эмиссии облигаций внутреннего государственного займа. Динамика долговых платежей и их значительный удельный вес, превышающий долю платежей по внутренним долговым обязательствам, негативно сказывается на развитии украинского государства. Зависимость от кредитов МВФ создала угрозу государственному бюджету.

РАСШИРЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА С МВФ

С конца 90-х годов XX века Украина скорректировала подходы к отношениям с МВФ, расширив сотрудничество с этой организацией. Речь шла о получении средств МВФ для решения текущих социально-экономических задач. В свою очередь, МВФ не ограничился выделением кредитов, а стал увязывать их предоставление с выполнением экономических и политических рекомендаций, которые больше напоминали требования. На протяжении многих лет неизменным требованием МВФ было повышение уровня внутренних цен для населения на услуги жилищно-коммунального хозяйства, снижение участия государства в регулировании экономики. Отдельно требования МВФ касались курса национальной валюты Украины. Речь шла о создании условий для расширения поставок импортной продукции и нанесении удара по национальным производителям. В конечном итоге, следование Украины рекомендациям МВФ привело к расширению присутствия зарубежного капитала в экономике Украины. При этом МВФ навязал Украине свою модель управления экономикой. В итоге, Украина фактически находилась под внешним управлением МВФ, ко-

торый диктовал, какими должны быть цены на газ для населения, пенсионный возраст, налоговая система.

В 2008 году Украина подписала меморандум с МВФ о предоставлении почти 16 млрд долл. [1]. Однако навязанные фондом непопулярные реформы привели лишь к социальной напряженности и обнищанию населения. Согласившись на контроль со стороны МВФ, украинские власти продемонстрировали неспособность самостоятельно решить внутренние и внешние проблемы.

В условиях экономического кризиса, с чем столкнулась украинская экономика в 2008–2010 годах, роль внешнего фактора на развитие Украины сильно возросла. Украина утратила экономическую независимость, а с ней и политическую самостоятельность. Экономическое давление позволяло третьим странам влиять на позицию государства.

В 2011 году Украина должна была выплатить порядка 54 млрд гривен (около 7 млрд долл.), что составляло почти 20 % доходной части украинского бюджета. При этом почти половина приходилась на ОГВЗ (25,6 млрд гривен) и 13 млрд гривен необходимо было выплатить в виде процентов по находящимся в обращении ценным бумагам. В 2012–2013 годах выплаты по государственному долгу оставались на прежнем уровне, но изменилась структура выплат. Большую часть необходимо было выплачивать международным кредиторам [2].

В 2013–2016 годах график погашения долга для Украины было особенно тяжелым, поскольку его размер приблизился к 60 % ВВП. Соответственно, это повышало вероятность угрозы дефолта [2].

НОВЫЙ ЭТАП

После прихода в 2014 году к власти нового президента – Петра Порошенко,

ситуация в экономике страны не улучшилась. Происходило ухудшение макроэкономических показателей. Продолжался рост внешней задолженности, которая по итогам 2017 года превысила 82% ВВП (77 млрд долл.) [1]. Этот показатель не учитывал предоставленные 1 млрд долл. со стороны МВФ и макрофинансового кредита ЕС. При этом официальный Киев планировал сохранить политику наращивания внешнего долга. Без этого украинская сторона не могла поддерживать деятельность промышленных предприятий и выполнять социально-экономические обязательства.

К началу 2018 года Украина получила 8,7 млрд долл. из общего объема в 17,5 млрд долл., которые были предусмотрены программой сотрудничества с МВФ. В 2018 году Украина рассчитывала получить 1,9 млрд долл. Для возобновления новых траншей от Киева требовали принять закон об Антикоррупционном суде и повысить цены на газ для населения [3].

Еще до рассмотрения закона украинским парламентом свою позицию в отношении положений законопроекта высказали представители МВФ, ЕС и Всемирного банка, подвергнув его критике. Украине был выдвинут ультиматум — создание Антикоррупционного суда является ключевым условием дальнейшего сотрудничества. Подобное требование западных стран фактически вынудило представителей украинского президента сделать заявления о его последующей корректировке между первым и вторым чтениями. Однако законопроект так и не был внесен в повестку дня в январе 2018 года, хотя П. Порошенко рассчитывал на его принятие в первом чтении к концу месяца. Первоначально принятие данного закона связывалось со встречей президента с главой МВФ Кристин Лагард на экономическом форуме в Давосе. Для главы украинского государ-

ства было важно продемонстрировать готовность борьбы с коррупцией, на чем настаивали зарубежные партнеры Украины. Кроме того, средства фонда нужны были украинской стороне для решения текущих социально-экономических задач. Наконец, интерес П. Порошенко к законопроекту определялся президентскими амбициями. Глава государства не исключал своего участия в кампании по выборам президента, которые должны были пройти в 2019 году.

Основные дискуссии между Украиной и западными странами развернулись вокруг процедуры подбора судей и полномочий Общественного совета международных экспертов. Президентский законопроект о создании Антикоррупционного суда предусматривал создание при Высшей квалификационной комиссии судей Общественного совета международных экспертов. При этом в президентском варианте законопроекта совету отводилась совещательная, консультативная роль, а его решения могли быть оспорены комиссией судей. Подобное положение не устраивало США и ЕС. Они настаивали на принятии советом окончательных решений. В этом случае общественный совет превращался в важнейший инструмент, деятельность которого никак бы не регулировалась Конституцией Украины и другими законами.

Другой вопрос, по которому шли дискуссии — это юрисдикция Антикоррупционного суда и приведение его в соответствие с юрисдикцией Национального антикоррупционного бюро Украины (НАБУ) и Специализированной антикоррупционной прокуратуры (САП). В случае принятия закона с учетом требований западных стран общественный совет наряду с НАБУ и САП фактически становился мощным инструментом давления на украинскую элиту.

Несмотря на давление со стороны ЕС и США, украинская власть затягивала

принятие закона об Антикоррупционном суде. Позиция украинского парламента определялась нежеланием сформировать структуру, которая в перспективе должна была стать мощным инструментом давления на представителей украинской бизнес-элиты. Тем более что, формирование Антикоррупционного суда должно было проходить при участии международных экспертов, что изначально выводило его из подчинения украинской Конституции [3].

Откладывать принятие данного закона становится все труднее, поскольку Киев нуждается во внешней подпитке своей экономики. В 2018 году Украина должна была выплатить 3,4 млрд долл., в 2019 году — 5 млрд долл. [2]. Соответственно, ЕС и США настаивали на принятии данного закона. Акцент делался на объеме выплат по внешним долгам Украины.

В феврале 2018 года президент Украины вновь обратился к депутатам Верховной рады с просьбой приступить к рассмотрению закона «О Высшем Антикоррупционном суде». В свою очередь, МВФ, ВБ и ЕС заняли жесткую позицию, настаивая на привлечении зарубежных экспертов и критикуя президентский законопроект, поскольку назначение на должности судей зарубежных экспертов и их возможности прямого влияния на политическую элиту Украины больше напоминали механизм внешнего управления. С его помощью страны получали возможность определять внутривнутриполитическую ситуацию в стране и направления развития внешней политики. Кроме того, требование западных стран ускорить внедрение данного механизма определялось приближением выборов президента Украины, на которых могли быть опробованы новые технологии поддержки нужных кандидатов [4].

Для П. Порошенко и правительства было важно получить очередной транш МВФ.

Средства фонда были необходимы украинской экономике. Кроме того, в условиях усиления политической борьбы, связанной с приближением президентских выборов, П. Порошенко был заинтересован возобновить сотрудничество с МВФ, поскольку это трактовалось бы как поддержка его политики. Исходя из этого П. Порошенко вновь инициировал рассмотрение закона «Об антикоррупционном суде». В результате, 1 марта Верховная рада приняла в первом чтении законопроект №7440 в редакции президента «О Высшем антикоррупционном суде». Однако это не изменило позицию МВФ и ЕС, которые считали, что законопроект нарушает обязательства Украины и не отвечает требованиям Венецианской комиссии. Это вынудило президента, украинский парламент и ЕС и США вновь приступить к его обсуждению [4].

Итогом длительного обсуждения стало принятие Верховной радой закона «О высшем антикоррупционном суде», в редакции П. Порошенко. Закон был опубликован 7 июня 2018 года «Голос Украины» и вступил в силу с 14 июня 2018 года [5]. В декабре 2018 года Совет директоров МВФ принял решение открыть для Украины очередную программу общим объемом в 3,9 млрд долл. Был выделен транш в объеме 1,4 млрд долларов.

ПОЛИТИКА ВЛАДИМИРА ЗЕЛЕНСКОГО

В 2019 году на выборах президента победил Владимир Зеленский. Новый президент продолжил курс на расширение сотрудничества с МВФ, поскольку Украина сталкивалась с экономическими проблемами [6]. Так, в «2020 году Украину ждал очередной пик выплат по долговым обязательствам: на погашение и обслуживание госдолга должна была быть потрачена треть государственного бюджета страны» [7].

На Украине инициировали подписание нового соглашения с МВФ. Средства МВФ должны были пойти на пополнение золотовалютных резервов и в государственный бюджет. В свою очередь, деятельность МВФ определялась интересами крупнейших международных банков и корпораций, а также геополитическими задачами западных стран. По этой причине, деятельность МВФ никогда не ограничивалась представлением кредитов. Советы и рекомендации МВФ были направлены на корректировку экономической политики Украины. Типичными требованиями МВФ выступали: повышение внутренних цен для населения за услуги, уменьшение государственного регулирования экономики, завышение курса национальной валюты, что облегчает импортную экспансию и уничтожение национального производства. В конечном итоге, это может негативно отразиться на развитии украинского государства, кардинально снизив жизненный уровень населения.

Подписание новой программы МВФ увязывал с принятием двух законов. Это касалось закона, который должен был отменить мораторий на продажу земель сельскохозяйственного назначения и закона, который должен был запретить возвращение национализированных банков их владельцам. Кроме того, этот закон должен был запретить выплачивать компенсацию прежнему владельцу [8]. Это был так называемый «антиколомойский» закон, поскольку касался Приват-банка и его акционера Игоря Коломойского [9].

На этом настаивал МВФ, увязывая с принятием этих законов выделение новых средств [10]. По словам президента Украины В. Зеленского, «утверждение двух законов позволит Украине получить от МВФ кредитную программу на сумму около 8 млрд долл. (в декабре обсуждалась сумма в 5,5 млрд долларов) плюс финансо-

вую помощь от МВФ и кредиты (на сумму 2-3 млрд долларов) от других международных финансовых организаций» [11].

Закон о земле был принят уже в конце марта 2020 года [12]. Однако сложности возникли с законом о банках. Однако, несмотря на сопротивление части украинской элиты, закон был принят весной 2020 года. К этому украинского президента и парламент подталкивала сложная ситуация в украинской экономике и пандемия коронавируса, а также выплаты по внешнему долгу. Ожидалось, что в 2020 году правительство Украины, предприятия и банки должны выплатить по внешним долгам 17,06 млрд долл. [13]. По этой причине, украинская сторона рассчитывала получить средства МВФ [14].

После принятия двух законов Киев получил поддержку со стороны международной финансовой организации, которая приняла положительное решение. В июне 2020 года Совет директоров МВФ утвердил новую программу для Украины в размере 5 млрд долларов. При этом первый транш в размере 2,1 млрд долл. практически сразу был выделен Киеву. В заявлении Фонда, помимо стандартных формулировок о необходимости поддержать платежный баланс и оказать бюджетную поддержку Украине, а также способствовать достижению экономического роста, прибавилась фраза о поддержке страны в решении проблем, связанных с коронавирусом.

В обосновании выделения новых средств Украине, сложно было увидеть новые аргументы. Несмотря на наличие серьезных проблемы, МВФ отметил успехи в стабилизации экономики в последние пять лет, прежде всего, усилия властей в достижения устойчивого роста.

Новое соглашение заменило прежнюю программу на 3,9 млрд долл., подписанную в декабре 2018 года. Еще раньше,

в 2015 году была подписана программа на 17,2 млрд долл. из которых Киев получил лишь 8,7 млрд долларов. За 25 лет, с момента начала сотрудничества Киева с МВФ, украинская сторона получила в сумме 34 млрд долл., хотя речь шла о выделении значительно больших средств [15]. С одной стороны, выделяемые средства позволили стране с минимальными потерями преодолеть трудные периоды, связанные с падением экономики и кризисами. С другой стороны, это показало, что страна не способна развиваться без внешней экономической помощи. Более того, предоставляемые МВФ средства позволяли диктовать Украине направления экономической политики. В среднем получалось, что МВФ выделял 1,36 млрд долл. в год, что рассматривалось Западом в качестве приемлемой цены, которая позволяла диктовать экономические условия и выдвигать попутно политические требования [15].

Однако уже для получения второго транша от Украины потребовали предпринять шаги, которые в очередной раз должны были привести к повышению тарифов на газ для населения и на коммунальные услуги. Соответствующие меры должны были сопровождаться усилением борьбы с должниками, которых с каждым годом становилось все больше. Помимо этого, от Киева требовали активно работать с проблемными банками.

При этом, Киев получал средства не только от МВФ. Суммарная поддержка от ЕС с 2014 года, в виде макрофинансовой помощи, достигла 3,8 млрд евро. Помимо этих средств, Киев рассчитывает получить до конца текущего года до 1 млрд долларов от Всемирного банка. В результате, Украина намерена решать свои проблемы за счет внешних источников.

Внешнее управление со стороны МВФ, который диктует, какими должны быть цены на газ для населения, пенсионный

возраст, налоговая система и в целом экономическая политика, позволяет Украине преодолевать текущие проблемы, не допуская дефолта. При этом, несмотря на значительную поддержку, уже в ближайшие годы Украина будет вынуждена вновь корректировать свою экономическую политику, которая находится под жестким прессингом западного капитала. Этому связано с долговой зависимостью и экономической слабостью украинской экономики [16].

В политическом плане МВФ выступает в качестве мощного и эффективного инструмента удержания Киева в орбите интересов Запада. С помощью кредитов и финансовой помощи Киев ограждает от каких-либо шагов, направленных на восстановление политического диалога с Россией, развитие торгово-экономического взаимодействия. Однако такая политика противоречит интересам Украины, которая попала в зависимость от США и ЕС. Это лишний раз подтверждает слабость украинской власти, ее неспособность самостоятельно решить внутренние и внешние проблемы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За годы независимого развития в полной мере проявилась экономическая слабость украинского государства, граничащая с несостоятельностью самостоятельного развития на рыночных принципах. Это вынуждало всех руководителей украинского государства расширять сотрудничество с западными странами и международными финансовыми организациями.

В последние годы основным источником покрытия бюджетного дефицита выступали кредиты международных организаций. Главная проблема заключается в том, что в обозримом будущем на Украине отсутствуют предпосылки для экономического роста и сокращения дефицита бюджета. Динамика наращивания внешнего

долга ведет к усилению зависимости украинского государства от западных стран. Последние выдвигают многочисленные

условия для выделения средств в рамках программ кредитования, в том числе, во внешней политике.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Украина становится вечным должником: экономические итоги 2017 года. 2017. 25 декабря. URL: <https://cadaily.com/ru/news/2017/12/25/ukraina-stanovitsya-vechnym-dolzhnikom-ekonomicheskie-itogi-2017-goda> (дата обращения: 23.12.2018)
2. Опубликован график выплат Украины по госдолгу. 2018. 28 августа. URL: <https://korrespondent.net/business/financial/4005195-opublikovan-hrafyk-vyplat-ukrayny-po-hosdolhu> (дата обращения: 15.08.2019)
3. Как Рада принимала закон об Антикоррупционном суде: хроника. 2018. 7 июня. URL: <https://nv.ua/ukraine/politics/rada-prinimaet-zakon-ob-antikorrupcionnom-sude-onlajn-transljatsija-2474546.html> (дата обращения: 24.11.2019)
4. Судебно-юридическая газета. URL: <http://sud.ua/ru/news/blog/125184-antikorrupcionnyy-sud-misiya-nevypolnima> 2018. 13 сентября (дата обращения: 24.11.2019)
5. В Украине вступил в силу закон о «Высшем антикоррупционном суде». 2018. 14 июня. URL: <https://www.unian.net/politics/10152371-v-ukraine-vstupil-v-silu-zakon-o-vysshem-antikorrupcionnom-sude.html> (дата обращения: 12.11.2019).
6. Украина должна выплатить \$24,8 млрд до конца 2020. 2019. 18 сентября. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/4141285-ukrayna-dolzha-vyplatyt-248-mlrd-do-kontsa-2020> (дата обращения: 15.07.2020)
7. Тихий Ф. Долговая яма Украины. Сколько, кому и есть ли деньги. 2019. 5 декабря. URL: <https://ukraina.ru/exclusive/20191205/1025918458.html> (дата обращения: 20.06.2020)
8. Антиколомойский закон: дьявол кроется в деталях. 2020. 26 марта. URL: <https://nv.ua/biz/experts/antikolomoyskiy-zakon-chto-v-nem-vazhno-dlya-mvf-i-dlya-budushchego-ukrainy-50077951.html> (дата обращения: 17.06.2020)
9. Авдеенко В. Украинская экономика летит в пропасть: как этого избежать 2020. 11 апреля. URL: <https://inosmi.ru/economic/20200411/247243696.html> (дата обращения: 26.05.2020)
10. МВФ не буде продовжувати переговори з Україною без «антиколомойского» закону – глава Мінфіну. 2020. 8 мая. URL: https://dt.ua/ECONOMICS/mvf-ne-bude-prodovzhuvati-peregovori-z-ukrayinoyu-bez-antikolomoyskogo-zakonu-glava-minfinu-347119_.html (дата обращения: 22.07.2020)
11. Ивженко Т. В Украине нашли способ обхитрить МВФ. *Независимая газета*. 2020. 1 апреля.
12. Закон України № 552-IX «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо умов обігу земель сільськогосподарського призначення». URL: <http://www.golos.com.ua/article/330442> (дата обращения: 13.06.2020)
13. В 2020 году Украина выплатит по внешним долгам \$17,06 млрд Пик нагрузки - первый и третий кварталы. 2019. 24 декабря. URL: <https://nv.ua/biz/finance/vneshniy-dolg-v-2020-godu-ukraina-dolzha-otdat-svyshe-17-mlrd-novosti-ukrainy-50061107.html> (дата обращения: 18.05.2020)
14. Украина ожидает в 2020 г. два транша от МВФ по \$1,75 млрд, обсуждает дальнейшее увеличение суммы траншей. 2020. 27

апреля. URL: <https://interfax.com.ua/news/political/658123.html> (дата обращения: 28.06.2020)

15. Жильцов С.С. МВФ определяет развитие Украины. *Независимая газета*. 2020. 14 июня.

16. Кулицкий С. Проблемы развития экономики Украины, обусловленные пандемией коронавируса COVID-19 в мире, и поиск путей их решения. *Украина: события, факты, комментарии*. 2020;9:47-53.

REFERENCES:

1. Ukraine becomes an eternal debtor: economic results of 2017. December 25, 2017. URL: <https://easaily.com/ru/news/2017/12/25/ukraine-stanovitsya-vechnym-dolzhnikom-ekonomicheskie-itogi-2017-goda> [Accessed: 23.12.2018]
2. Published Ukraine's payment schedule on the state debt. August 28, 2018. URL: <https://korrespondent.net/business/financial/4005195-opublikovan-hrafyk-vyplat-ukrayny-po-hosdolhu> [Accessed: 15.08.2019]
3. How the Rada adopted the Anti-Corruption Court Act: Chronicle. June 7, 2018. URL: <https://nv.ua/ukraine/politics/rada-prinimaet-zakon-ob-antikorrupcionnom-sude-onlajn-transljatsija-2474546.html> [Accessed: 24.11.2019]
4. Legal and Judicial newspaper September 13, 2018. URL: <http://sud.ua/ru/news/blog/125184-antikorrupcionnyy-sud-missiya-nevypolnima> [Accessed: 24.11.2019]
5. The "High Anti-Corruption Court" Act came into force in Ukraine. June 14, 2018. URL: <https://www.unian.net/politics/10152371-v-ukraine-vstupil-v-silu-zakon-o-vysshem-antikorrupcionnom-sude.html> [Accessed: 12.11.2019]
6. Ukraine is to pay \$ 24.8 billion by the end of 2020 2019. September 18, 2019. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/4141285-ukrayna-dolzhna-vyplatyt-248-mlrd-do-kontsa-2020> [Accessed: 15.07.2020]
7. Tikhy F. Ukraine debt pit. How much money, to whom and if there is any. December 5, 2019. URL: <https://ukraina.ru/exclusive/20191205/1025918458.html> [Accessed: 20.06.2020]
8. Anti-Kolomoisky Act: the devil is in the details. March 26, 2020. URL: <https://nv.ua/biz/experts/antikolomoyskiy-zakon-chto-v-nem-vazhno-dlya-mvf-i-dlya-budushchego-ukrainy-50077951.html> [Accessed: 17.06.2020]
9. Avdeenko V. Ukrainian economy heads for the abyss: how to avoid it. April 11, 2020. URL: <https://inosmi.ru/economic/20200411/247243696.html> [Accessed: 26.05.2020]
10. IMF not to continue negotiations with Ukraine without adopting anti-Kolomoisky Act: Finance Minister. May 8, 2020. URL: <https://dt.ua/ECONOMICS/mvf-ne-bude-prodovzhuvatiperegovori-z-ukrayinoyu-bez-antikolomoyskogo-zakonu-glava-minfinu-347119.html> [Accessed: 22.07.2020] (In Ukr.)
11. Ivzhenko T. Ukraine found a way to outwit the IMF. *Nezavisimaya gazeta* 2020. 1 April.
12. Ukraine Act No. 552-IX. On amendments to the legislative acts of Ukraine on the conditions for the turnover of agricultural lands. URL: <http://www.golos.com.ua/article/330442> [Accessed: 13.06.2020] (In Ukr.)
13. Ukraine to pay off \$ 17.06 billion on external debts in 2020. The peak load - the first and third quarters. December 24, 2019. URL: <https://nv.ua/biz/finance/vneshniy-dolg-v-2020-godu-ukraina-dolzhna-otdat-svyshe-17-mlrd-novosti-ukrainy-50061107.html> [Accessed: 18.05.2020]
14. Ukraine expects two tranches from the IMF in 2020 for \$ 1.75 billion, discussing a further increase in tranches. April 27, 2020. URL: <https://>

- interfax.com.ua/news/political/658123.html
[Accessed: 28.06.2020]
15. Zhiltsov S.S. The IMF determines the development of Ukraine. *Nezavisimaya gazeta*. 2020. June 14
16. Kulitsky S. Problems of the Ukrainian economy development caused by the coronavirus COVID-19 pandemic in the world, and the search for ways to solve them. *Ukraine: events, facts, comments*. 2020;9:47-53

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей С. Жильцов, Доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2;
serg.serg56@mail.ru

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
serg.serg56@mail.ru

Арктическая пятерка: поиск баланса сил в регионе

Игорь С. Дорошенко

Министерство иностранных дел России, Москва, Россия,

is.doroshenko@gmail.com

Аннотация: Арктический регион в силу климатических изменений становится местом геополитического соперничества как арктических, так и неарктических государств. Традиционные форматы определения повестки дня в регионе действуют эффективно, однако с появлением интереса все большего числа международных акторов, эти форматы трансформируются, что может отразиться на балансе сил в регионе. Рост активности азиатских стран в Арктике, в первую очередь Китая, заставляют региональные государства вносить коррективы в стратегию освоения региона. Стремительное возобновление России своего потенциала на северных территориях вызвало негативную реакцию со стороны западных стран, особенно после 2014 года. Появились такие стремления как интернационализация региона со стороны Северной Европы и Китая, стремление внести четкие границы со стороны России и Канады и наращивание влияния США на своих коллег по североатлантическому блоку. Данная ситуация может вызвать неконтролируемый рост напряженности в регионе, особенно в случае создания новых альянсов арктических стран с неарктическими. Автором рассматриваются нынешние подходы стран арктической пятерки, анализируются истинные мотивы интернационализации и роль формата арктической пятерки в сохранении баланса сил и стабильности в северных широтах.

Ключевые слова: Арктическая пятерка международные отношения; неарктические государства; баланс сил; вопрос интернационализации

Для цитирования: Дорошенко И.С. Арктическая пятерка: поиск баланса сил в регионе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(3):276-287. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-276-287>

Статья поступила: 21.03.2020

Принята в печать: 14.07.2020

Опубликована: 03.09.2020

The Arctic Five: search for a balance of power in the region

Igor S. Doroshenko

Foreign Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russia,
is.doroshenko@gmail.com

Abstract: Due to climate change, the Arctic region becomes a place of geopolitical rivalry of both Arctic and non-Arctic states. Traditional formats for determining the agenda in the region are effective, but with the advent of the interest of an increasing number of international actors, these formats are transforming, which may affect the balance of power in the region. The growing activity of Asian countries in the Arctic, primarily China, is forcing regional states to make adjustments to the development strategy of the region. The rapid renewal of its potential in the northern territories of Russia caused a negative reaction from the western countries, especially after 2014.

Such aspirations have emerged as the internationalization of the region by Northern Europe and China, the desire to draw clear boundaries on the part of Russia and Canada, and the buildup of US influence on its colleagues in the North Atlantic bloc. This situation may cause an uncontrolled increase in tension in the region, especially if new alliances between the Arctic and non-Arctic countries are created. The author considers the current approaches of the countries of the Arctic five, analyzes the true motives of internationalization and the role of the format of the Arctic five in maintaining a balance of power and stability in the northern latitudes.

Keywords: The Arctic Five; international relations; non-arctic states; the balance of power; internationalization issue

For citation: Doroshenko I.S. The Arctic Five: search for a balance of power in the region. *Post-SovietIssues*.2020;7(3):276-287. DOI:<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-276-287>

Received 21.03.2020

Revised 14.07.2020

Published 03.09.2020

INTRODUCTION

The Arctic region is changing over the past decade because of the discovery of new opportunities for its development. Melting glaciers allows the Arctic five (USA, Norway, Russia, Canada, Denmark) to develop new mineral deposits, improve logistics through the northern sea routes and this is interesting for both the Arctic and non-Arctic states. However, some issues currently do not fall into the existing

base of international law, which may give rise tensions in the region. The Documents like the Spitsbergen Treaty of 1920 [1], the Convention on International Law of the Sea of 1982 [2], the Ilulissat Declaration of 2008 [3] form the basis of the regulatory framework for regional relations. Each of the five countries of the Arctic “five” has its approaches to the international development of the region.

POLICY OF «ARCTIC FIVE»

The Decree of the President of the Russian Federation of March 5, 2020 N 164 «On the Basics of State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the Period Until 2035» speaks of an attempt by some foreign states to revise the basic provisions of international treaties governing economic and other activities in the Arctic and create systems of national legal regulation without taking into account such treaties and regional formats of cooperation. This definition includes attempts to internationalize a region. The document also recognizes “the incompleteness of the international legal delimitation of sea spaces in the Arctic, which can be corrected through mutually beneficial cooperation and the peaceful resolution of all disputes in the Arctic based on international law” [4].

This approach implies the priority of the Arctic states in addressing the regulation of international relations in the region, as well as the participation of the Arctic and non-Arctic states in its development, where the Arctic Council should play the role of a key regional association.

In September 2019, Canada published the Arctic and Northern Political Framework Program [5], which highlights the general direction of the Canadian government in the Arctic until 2030. This document developed in conjunction with local governments, indigenous peoples, Inuit, and Métis peoples and replaced Canada’s 2009 Northern Strategy and Canada’s Arctic Foreign Policy Statement 2010. To address specific international challenges, Canada will implement an international Arctic policy that identifies priority areas including strengthening cooperation based on the rules of international order; Enhanced engagement with Arctic and non-Arctic states and a clear definition of Canada’s Arctic borders.

Trudeau’s new policy mentions the sovereignty of the Arctic, but much lesser than in the

previous approach. It affirms the importance of “a rule-based international order in the Arctic” and calls for the resumption of leadership by Canada, as well as “the representation and participation of Arctic and Northern Canadians in relevant international forums and negotiations” [5]. It calls for strengthening Canada’s military capabilities in the Arctic, but only after discussing security threats.

Despite the new Arctic policy, the principle of maintaining sovereignty will remain one of the main ones. Canada didn’t want to become an observer of the Arctic Council of China, and also negatively assesses the actions of the Chinese in Iceland and Greenland. Canada expresses its open position of non-admission of the EU to the Arctic Council and any possible expansion of its presence in the Arctic. Canada has several complaints about the American approach to internationalizing the Northwest Passage, to which the Canadian government extends its sovereignty by analogy with the North Sea Route of Russia.

A new round of changes in US state planning regarding the Arctic region occurred with the publication on June 6, 2019, of the US Department of Defense’s Arctic Strategy [6] which updated the previous 2016 strategy.

Back in early May 2019, Secretary of State Michael Pompeo visited Finland as part of the Arctic Council Ministerial Meeting, and through his speeches, he announced key areas that were reflected in the new Arctic strategy a month later. He announced the intensification of US policy in this region, in the context of rivalry between different countries, and security threats from Russia and China [7]. This is a new trend, since the Arctic Council practically did not discuss security issues earlier, and mainly discussions related to environmental protection, climate change and sustainable development of the region.

The U.S. Department of Defense’s published Arctic Strategy traces far more specific practi-

cal aspects than in previous documents. The main theme was the competition of the United States with Russia and China. But a strategic advantage for the USA, unlike rivals, it is a network of allies and partners with common national interests.

Although the new Arctic strategy of the US Department of Defense is more specific than previous documents, however, it states more likely a statement of the current situation than concrete solutions to problems. Perhaps these options are defined in more detail in the closed part of the report.

Priority for the United States is to maintain as long a period of low tension in the Arctic as possible to have time to fill in the gaps that remain at the moment.

In 2009, Norway secured its status as a pioneer in the field of international cooperation and legal regulation in the Arctic among the countries of Northern Europe. Russia is the main opponent in territorial disputes [8]. At the border negotiations in the Barents Sea, Norway was unable to achieve the application of the principle of the median line. Signed September 15, 2010. The Murmansk Treaty [9] is attributed to the victory of Russian diplomacy. However, scientists disagree on to whom this agreement has become more beneficial. In any case, the signing of the document confirms that Oslo seeks to resolve controversial issues through diplomatic means.

Norway is one of the Arctic leaders who has, first of all, economic interests in the region. The most important sector of the economy is fishing. The latest version of the Norwegian strategy of 2017 [10] clearly shows the contradiction between the economic interests of the state and environmental protection. This becomes a particularly important “image problem” of Norway, which positions itself as a leader in environmental safety and, at the same time, relies on a hydrocarbon-dependent economy [11].

The document pays considerable attention to international cooperation. Norway notes the priority of the principles of international law. The Arctic is defined as a region of peace, stability and predictable development. The priority areas for international transboundary cooperation include such areas as climate change, environmental protection, resource management, health and maritime security.

Special attention is paid to the importance of NATO in the region, through participation in which Norway realizes its security policy in the region. In the 2017 strategy, it also mentions the role of Russia and its activation in the military sphere in the Arctic in recent years, but it also indicates that this military activity of Russia is not aimed at Norway. Nevertheless, Norway intends to create a balance in the field of security in the Arctic.

Relations with North-West Russia through the Barents Euro The Arctic cooperation is a priority for the Norwegians, the Barents Secretariat in Kirkenes has special experience in the field of cross-border cooperation. Even though Northern Norway differs from Sweden, Finland and Russia in that it has a high level of employment, there is a need to harmonize and promote labour mobility in the region, including in the North-West of Russia, which implies an exchange between educational institutions. Norway is also promoting an initiative to create a coordination mechanism for the EU [12].

The Kingdom of Denmark is among the Arctic countries (the “Arctic Five”) due to Greenland, which is under the jurisdiction of Denmark. After the 2008 referendum on the status of Greenland, one of the goals of Denmark was the international recognition of the territorial autonomy of the island and maintaining the status of an important actor in the Arctic [13].

In general, the current Danish policy towards the Arctic is characterized by a certain restraint and constructiveness when considering and

making decisions on controversial issues, both in the field of defining borders and concerning economic, environmental, scientific, technical and military international cooperation. At the same time, it is important to take into account the fact that Denmark is a member of NATO and the EU, therefore, in most cases, it expresses the interests of the West.

So, in 2004, the Joint Committee for the Cooperation of Greenland, Denmark and the United States was created based on the Igaliku Agreement, which consists of three parts: the Agreement on updating the 1951 defense agreement and the creation of an advisory group, the Joint Statement on Environmental Cooperation and the Agreement on technical and economic cooperation [14].

In 2010, Denmark and Canada signed a Memorandum of Understanding to expand cooperation in the field of operational defense in the Arctic, focusing on joint military exercises and the exchange of information for cooperation in rescue operations. The agreement catalyzes enhancing day-to-day cooperation between the commands in Greenland [15].

The Danish side does not exclude that increasing international activity in the Arctic can change the geostrategic significance of the region, which justifies the tasks set for the Danish Armed Forces in the “Agreement on Military Security 2018-2023” [16].

It is worth noting that Denmark strongly supported the granting of observer status to China in the Arctic Council. It is the only country in Northern Europe to have comprehensive strategic partnerships with China. In the political sphere, close contacts are maintained at a high level, interaction is constantly being carried out, and political mutual trust is constantly deepening.

However, not all aspects of bilateral cooperation between the two countries can be characterized as positive. The kingdom is opposed to the participation of Chinese companies in

the construction of three airports in Greenland, the government is concerned that China’s participation in this project could adversely affect relations with the United States.

THE QUESTION OF THE INTERNATIONALIZATION OF THE REGION

The internationalization of the Arctic region is possible for a number of reasons.

Firstly, none of the Arctic states has the exclusive right to the entire territory and water area of the region. The sectoral principle, which was officially recognized only by Canada and the USSR, also did not provide for the countries of the “Arctic Five” (USA, Canada, Norway, Denmark, Russia) the right to the entire sector, but only to the land and coastal parts. According to the Convention on the Law of the Sea, the Arctic countries have a 200-mile economic zone and the ability to expand their rights by proving their relationship to the continental shelf. Other methods under international law in the northern latitudes are not provided.

Secondly, the main regional structure of the Arctic Council, which implies the active participation of organizations of indigenous peoples of the north and other non-governmental organizations along with official delegations of states, as well as the advisory nature of the decisions made, makes it possible to lobby the interests of non-regional players or to bypass the organization. A good example was the activity of the “Arctic Five”. Five countries come together on a joint initiative. Thus, the Ilulissat Declaration [17] was signed, which was initially negatively received by the international community, since representatives of 3 members of the Arctic Council (the Arctic states: Iceland, Sweden, Finland) and representatives of the indigenous peoples of the north were not invited to the meeting. The accusation of “separatism” was replaced by approval of the initiative, since the agreements reached in

search and rescue, oil pollution and scientific cooperation served as an impetus for strengthening international cooperation in the region. Regulatory documents were signed based on the Arctic Council in 2011 [18], 2013 [19] and 2017 [20] respectively.

The countries of Northern Europe (NE), having a direct interest in international cooperation within the region, are promoting their interests, gaining support from the European Union and China. In turn, the Northern Europeans uphold the rights of the EU and China in the Arctic Council. Internationalization will allow NE countries to appeal unhindered to the help of influential actors, thereby building the necessary balance of power in the region. For example, the Norwegian internationalist R. Bertelsen in his work "The Arctic as a laboratory of global governance: Knowledge-based cooperation and scientific diplomacy" argues that the experience of the "Arctic laboratory" of transnational relations, based on knowledge in international system processes, is that these relations can play a useful role in managing consolidating processes that have high risks of overgrowing into conflict [21]. In his opinion, the experience of Russian-Western scientific cooperation and Chinese scientific cooperation with the Arctic states illustrates the possibilities of introducing global governance in the region. The main message of Bertelsen and other North European researchers, is that the main link in the possible internationalization is scientific cooperation [21].

However, the Norwegian does not take into account the geopolitical and economic aspects of the development of the region. It is these aspects that pose the risks of increased tension, where the scientific community plays a secondary role.

The PRC, having published the Arctic Strategy in 2018, declared its main interest in the region - the development of the Northern Sea Route. However, in order to satisfy its inter-

ests in the Arctic, China needs to review the leadership of the Arctic five in the region to implement the global project of the Northern Silk Road.

Chinese researchers also pay great attention to scientific cooperation [22]. The second aspect that the Chinese want to make their "leverage" for internationalization is ecology. An analytical article by China daily: "The Need for Global Governance for Interaction in the Arctic" [23] published an interview with C. Baoji, a senior fellow at the Shanghai Institute of International Relations about the prospects of China's participation in the development of the Arctic through an environmental agenda. The article traces the negative attitude towards American policy in this area (not signing the Paris Treaty, not recognizing its influence on climate change in the Arctic by signing a joint statement in the Arctic Council, etc.). The scientist suggests that non-Arctic states with a developed environmental development program for the region will help to avoid climate collapse and mitigate the negative consequences of development. Thus, we can conclude that the North Europeans and the Chinese are trying under the pretext of benefits to science and ecology to make the Arctic public domain, which contradicts the approaches of Russia and Canada in the first place. Such attempts may give rise to a conflict of interests in the region, therefore, it is necessary to rethink the general approach to peaceful interaction, taking into account geopolitics, economics, science and ecology.

SEARCH FOR BALANCE OF FORCES

The strongest possible alliance in the open spaces of the northern latitudes may be the alliance of Russia and China, where the Arctic and world economic leaders are united. This situation runs counter to all US interests in the region. Washington is also interested in the internationalization of the main logistics routes,

(the Northwest Passage and the North Sea Route) are not international. Not having much potential in the northern latitudes, the United States spreads its influence within NATO within Northern Europe, and also exerts pressure on Sweden and Finland to join the alliance, thereby promoting American interests.

Attempts to internationalize the Northwest Passage may push Canada to Russia, which also defends its rights to the North Sea Route. Both countries consider themselves responsible for international actors whose behaviour in the Arctic complies with established legal principles and norms. Despite the suspension of economic and military cooperation since 2014, complex interdependence has led to regional cooperation in search and rescue, cross-border fishing, the expansion of continental shelves, navigation, a mandatory polar code, and scientific cooperation.

The Russian and Canadian approaches are close but do not have sufficient grounds for rapprochement since the traditional influence of the United States on its northern neighbour remains strong.

At the same time, the Trump administration's policy of sovereignty and destabilization of relations between Western countries within NATO provides an opportunity for North Europeans to expand their relations with China and the EU in the region.

All 5 Northern European states (Sweden, Norway, Iceland, Finland and Denmark) develop their relations with the Celestial Empire, including in the Arctic direction. However, any attempts by the Chinese side to invest in significant projects in the northern latitudes are met by alarmist articles of the Western media and local government bans on similar activities (Chinese entrepreneurs wanted to invest in the construction of three airports in Greenland, the Chinese billionaire Juan Budo tried to buy a plot of 300 sq. km. in Iceland). It says about the caution of the North Europeans and the

preservation of the West-centric view of world politics.

The countries of Northern Europe - Sweden, Finland and Denmark are members of the European Union and are actively promoting the interests of Brussels in the North. Norway and Iceland remain neutral towards such activities. There is an agreement between Northern Norway and the EU on cooperation in the Arctic [24], which indicates the active cooperation of the Scandinavian country with the rest of Europe. Even though in March 2015 the Government of Iceland demanded that it not be considered as a candidate country for EU accession, the island state actively maintains relations with the association in economic matters [24].

Several factors (not accepting the EU application as an observer of the Arctic Council, Brexit, deterioration of relations in a pandemic) suggest that strengthening the EU's position in the North is postponed indefinitely. At the same time, the Arctic agenda appears in such formats as the Nordic-Baltic eight "Nordic-Baltic-8" (Regional format for co-operation, which includes: Denmark, Iceland, Latvia, Lithuania, Norway, Finland, Sweden, Estonia. As part of The meetings of the Prime Ministers of the Nordic and Baltic countries, the Ministers of Foreign Affairs and the Speakers of Parliaments regularly take place on the co-operation. On September 10, 2019, a meeting of representatives of the G8 and the USA took place, where security issues in the Arctic were discussed [25]. On November 14, 2019, the Estonian government decided to apply to the Arctic Council with a request to grant it observer status, all this indicates the desire of the United States to expand the number of "satellites" in the region.

CONCLUSION

So far, the "Arctic Five" remains the main participants in the Arctic. Each of the 5 coun-

tries pursues its interests in the region, however, the decisive vote in this cooperation remains with the United States and Russia. For example, despite the deterioration of relations within NATO, Canada, Denmark and Norway remain committed to Western cooperation, especially in security matters. At the same time, the development of the Northern Sea Route is unthinkable without Russian icebreakers and scientific competencies.

At first glance, the United States has an advantage in this format, since Norway, Canada, Denmark are west-centric states. However, the top five equally have such aspirations as internationalization and the preservation of the sectoral principle, geopolitical rivalry and cooperation in science and social projects, where Russia's contribution plays an important role.

While maintaining an aggressive American policy of imposing their interests, the allies will increasingly move away to other centers of power. With the advent of China in the region, the balance of power may disappear, the promising Russia-PRC link will not leave any chance for other regional actors to influence

the situation, which could create an increase in tension on the part of Western countries.

At the moment, China does not play a role in decision-making in the Arctic Council. In this regard, very cautious proposals were made from Beijing to create a wider legal framework for the Arctic, to which Secretary of State Pompeo in his speech in Rovaniemi clearly stated that the United States "reject attempts by non-Arctic states to claim a role in managing the Arctic" [26]. Hypothetically, the United States may deprive the PRC of observer status in the Arctic Council, but this does not mean that the PRC, in turn, will not create an alternative format for cooperation with the Arctic and Arctic states, therefore the American side urges the northern countries not to agree to Chinese investments, calling them opaque.

In a pandemic, it is difficult to predict a return to the previous dynamics of Arctic exploration, but it is worth noting that the successful struggle of China with coronavirus gives this superpower a big head start, which could increase investment in the northern countries.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Договор о Шпицбергене от 9 февраля 1920 года URL: <http://docs.cntd.ru/document/902038168> (дата обращения: 20.04.2020)
2. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву вступила в силу 16 ноября 1994 года, URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 20.04.2020)
3. Илулиссатская декларация от 28 мая 2008 года URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2017/07/2008-Ilulissat-Declaration.pdf> (дата обращения: 20.04.2020)
4. Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. N 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/> (дата обращения: 20.04.2020)
5. Арктическая и северная политика Канады от 10 сентября 2019 года URL: <https://www.rcaanc-cirnac.gc.ca/eng/1560523306861/1560523330587> (дата обращения: 20.04.2020)
6. Доклад Конгрессу Министерства обороны об арктической стратегии, июнь 2019 года URL: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF> (дата обращения: 20.04.2020)
7. «Взгляд на север: обострение арктического фокуса Америки» М. Помпео, Государственный Секретарь США, Рованиemi, Финляндия, обращение от 6 мая 2019 года

- URL: <https://www.state.gov/looking-north-sharpening-americas-arctic-focus/> (дата обращения: 22.04.2020)
8. Кондратов Н.А. «Межгосударственное взаимодействие на Севере Европы: географический аспект». Arctic Environmental Research. 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhgosudarstvennoe-vzaimodeystvie-na-severe-evropy-geograficheskij-aspekt> (дата обращения: 23.04.2020)
  9. Договор с Норвегией о разграничении морских пространств от 15 сентября 2010 года URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/8921> (дата обращения: 22.04.2020)
  10. Арктическая стратегия Норвегии – «между геополитикой и социальным развитием» от 16 июля 2017 года. <https://www.regjeringen.no/contentassets/fad46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/arctic-strategy.pdf> (дата обращения: 22.04.2020)
  11. Дженсен Л., Дженсен О., Роттем С. «Норвежская внешняя политика на Крайнем Севере. Энергетика, международное право и безопасность». *AtlantischPerspectief*. 2011;35(3)16.
  12. Северная Норвегия и арктическая политика ЕС // Европейское бюро Северной Норвегии, февраль 2014 года. URL: https://www.nfk.no/f/p34/idec89e3f-d7db-459a-be50-04f3ce046f85/north_norway_and_eu_arctic_policy_feb14.pdf(дата обращения: 22.04.2020)
  13. Бэйлис А., Хейнинен Л., «Стратегические документы по Арктике или Крайнему Северу: сравнительное исследование и анализ». *Центр малых государственных исследований. Институт международных отношений*. 2012:39.
  14. Официальный сайт Посольства США в Дании URL: <https://dk.usembassy.gov/our-relationship/u-s-greenland/joint-committee/> (дата обращения: 10.01.2018)
  15. Арктический регион Хрестоматия в 3 томах РСМД URL: <https://mgimo.ru/upload/docs-7/Arctic%20Anthology%20Vol%201.pdf#9> (дата обращения: 10.01.2018)
  16. Соглашение о безопасности Дании 2018-2023 URL: <https://fmn.dk/temaer/forsvarsforlig/Documents/danish-defence-agreement-2018-2023-pdfa.pdf> (дата обращения: 22.04.2020)
  17. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Арктика – 2018: жив ли дух Илулиссатской декларации? // Российский совет по международным делам. 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arktika-2018-zhiv-li-dukh-ilulissatskoj-deklaratsii/> (дата обращения: 13.02.2020)
  18. Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике между Правительством Королевства Дания, Правительством Исландии, Правительством Канады, Правительством Королевства Норвегия, Правительством Российской Федерации, Правительством Соединенных Штатов Америки, Правительством Финляндской Республики, Правительством Королевства Швеция от 12 мая 2011 года URL: <http://docs.cntd.ru/document/902395150> (дата обращения: 13.03.2020)
  19. Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике между Правительством Королевства Дания, Правительством Исландии, Правительством Канады, Правительством Королевства Норвегия, Правительством Российской Федерации, Правительством Соединенных Штатов Америки, Правительством Финляндской Республики, Правительством Королевства Швеция от 13 мая 2013 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499065181> (дата обращения: 13.03.2020)
  20. Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества между Правительством Королевства Дания, Правительством Исландии, Правительством Канады, Правительством Королевства Норвегия, Правительством Российской Федерации, Правительством Соединенных Штатов

- Америки, Правительством Финляндской Республики, Правительством Королевства Швеция от 31 мая 2018 года URL: <http://docs.cntd.ru/document/542624227> (дата обращения: 13.03.2020)
21. Расмус Й.Б. Арктика как лаборатория глобального управления: пример сотрудничества, основанного на знаниях, и научной дипломатии. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/244224217> (дата обращения: 22.04.2020)
22. Фэнши Ву. Восхождение Китая в глобальном управлении и Арктике. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения.* 2016;2:118–126
23. Глобальное управление, необходимое для арктического взаимодействия. URL: http://www.chinadaily.com.cn/global/2019-05/10/content_37467376.htm (дата обращения: 13.03.2020)
24. Меньше ЕС в Арктике после 2020 года. Арктический ежегодник. URL: <https://arcticyearbook.com/arctic-yearbook/2018/2018-briefing-notes/298-less-eu-in-the-arctic-region-after-2020> (дата обращения: 13.03.2020)
25. Министерство обороны укрепляет связи со странами Северной Европы и Балтии URL: <https://www.defense.gov/Explore/News/Article/Article/1959661/dod-strengthens-ties-with-nordic-baltic-nations/> (дата обращения: 13.03.2020)
26. Территория конфликта»: борьба США с растущей активностью Китая в Арктике. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/01/14/territoriya-konflikta-borba-ssha-s-rastushchey-aktivnostyu-kitaya-v-arktike> (дата обращения: 13.03.2020)

REFERENCES

1. Svalbard Treaty of February 9, 1920. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902038168> [Accessed: 20.04.2020]
2. United Nations Convention on the Law of the Sea of November 16, 1994. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf [Accessed: 20.04.2020]
3. Ilulissat Declaration of May 28, 2008. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2017/07/2008-Ilulissat-Declaration.pdf> [Accessed: 20.04.2020]
4. Decree of the President of the Russian Federation of March 5, 2020. N 164 “On the Basics of State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the Period Until 2035” URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/> [Accessed: 20.04.2020]
5. Canada’s Arctic and Northern Policy Framework 2019 URL: <https://www.rcaanc-cirnac.gc.ca/eng/1560523306861/1560523330587> [Accessed: 20.04.2020]
6. Report to Congress Department of Defense Arctic Strategy 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF> [Accessed: 22.04.2020]
7. «Looking North: Sharpening America’s Arctic Focus» MICHAEL R. POMPEO, SECRETARY OF STATE, ROVANIEMI, FINLAND, MAY 6, 2019. URL: <https://www.state.gov/looking-north-sharpening-americas-arctic-focus/> [Accessed: 22.04.2020]
8. Kondratov N. «Interstate interaction in the North of Europe: geographical aspect». Arctic Environmental Research. 2010. No3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhgosudarstvennoe-vzaimodeystvie-na-severe-evropy-geograficheskiy-aspekt> [Accessed: 22.04.2020]
9. The agreement between Russia and Norway on the delimitation of sea spaces of September 15, 2010. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/8921> [Accessed: 22.04.2020]

10. Norway's Arctic Strategy – between geopolitics and social development 2017. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/fad-46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/arctic-strategy.pdf> [Accessed: 22.04.2020]
11. Jensen L.C., Jensen O., Rottem S.V. Norwegian foreign policy in the High North. Energy, international law and security. *AtlantischPerspectief*. 2011;35(3):16
12. «North Norway and the EU's Arctic Policy 2014» URL: https://www.nfk.no/_f/p34/ide-c89e3f-d7db-459a-be50-04f3ce046f85/north-norway-and-eu-arctic-policy-feb14.pdf [Accessed: 22.04.2020]
13. Bailes A. Jk., Heininen L. Strategy Papers on the Arctic or High North: a comparative study and analysis. *Centre for Small State Study. Institute of International Affairs*. 2012:39.
14. Official Website of the US Embassy in Denmark URL: <https://dk.usembassy.gov/our-relationship/u-s-greenland/joint-committee/> [Accessed: 10.01.2018]
15. Arctic region Reader in 3 volumes // Russian Council on International Affairs URL: <https://mgimo.ru/upload/docs-7/Arctic%20Anthology%20Vol%201.pdf#9> [Accessed: 10.01.2018]
16. Defence Agreement 2018–2023 URL: <https://fmn.dk/temaer/forsvarsforlig/Documents/danish-defence-agreement-2018-2023-pdfa.pdf> [Accessed: 22.04.2020]
17. Konyshov V.N., Sergunin A.A. Arctic 2018: Is the spirit of the Ilulissat Declaration alive? Russian Council on Foreign Affairs. 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arktika-2018-zhiv-li-dukhi-ilulissatskoy-deklaratsii/> [Accessed: 13.02.2020]
18. Agreement on cooperation in aviation and marine search and rescue in the Arctic between the Government of the Kingdom of Denmark, the Government of Iceland, the Government of Canada, the Government of the Kingdom of Norway, the Government of the Russian Federation, the Government of the United States of America, the Government of the Republic of Finland, and the Government of the Kingdom of Sweden dated May 12, 2011 URL: <http://docs.cntd.ru/document/902395150> [Accessed: 13.03.2020]
19. Agreement on cooperation in the field of preparedness and response to sea oil pollution in the Arctic between the Government of the Kingdom of Denmark, the Government of Iceland, the Government of Canada, the Government of the Kingdom of Norway, the Government of the Russian Federation, the Government of the United States of America, the Government of the Republic of Finland, and the Government of the Kingdom of Sweden dated May 13, 2013. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499065181> [Accessed: 13.03.2020]
20. Agreement on strengthening international Arctic scientific cooperation between the Government of the Kingdom of Denmark, the Government of Iceland, the Government of Canada, the Government of the Kingdom of Norway, the Government of the Russian Federation, the Government of the United States of America, the Government of the Republic of Finland, and the Government of the Kingdom of Sweden dated May 31, 2018. URL: <http://docs.cntd.ru/document/542624227> [Accessed: 13.03.2020]
21. Rasmus Gjedssø Bertelsen «The Arctic as a laboratory of global governance: the case of knowledge-based cooperation and science diplomacy». URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/244224217> [Accessed: 22.04.2020]
22. Fengshi Wu. China's ascent in global governance and the Arctic. *Vestnik of Saint Petersburg University. Political science. International relations*. 2016;2:118–126.
23. Global governance needed for Arctic affairs. URL: http://www.chinadaily.com.cn/global/2019-05/10/content_37467376.htm [Accessed: 13.03.2020]
24. Less EU in the Arctic after 2020. Arctic Yearbook URL: <https://arcticyearbook.com/arctic-yearbook/2018/2018-briefing-notes/298-less-eu-in-the-arctic-region-after-2020> [Accessed: 13.03.2020]

25. US Department of Defense official website. «DOD Strengthens Ties With Nordic, Baltic Nations». URL: <https://www.defense.gov/Explore/News/Article/Article/1959661/dod-strengthens-ties-with-nordic-baltic-nations/> [Accessed: 13.03.2020]
26. The Territory of Conflict: US fight against China's growing activity in the Arctic. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2020/01/14/territoriya-konflikta-borba-ssha-s-rastushchey-aktivnostyu-kitaya-v-arktike> [Accessed: 13.03.2020]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Игорь С. Дорошенко, Представительство Министерства иностранных дел России в Санкт-Петербурге, Россия; 191187, Россия, Санкт-Петербург, наб. Кутузова д. 34 is.doroshenko@gmail.com

Igor S. Doroshenko, The Representative of the Foreign Ministry of the Russian Federation in Saint-Petersburg, Russia; bld. 34, Kutuzova emb., Saint-Petersburg, Russia, 191187; is.doroshenko@gmail.com

«Детские» экозабастовки как технология формирования нового мирового порядка и интересы России

Петр И. Пашковский¹, Евгений В. Крыжко²

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия,*

¹petr.pash@yandex.ru, ²jeyson1030@gmail.com

Аннотация: Феномен «детских» движений имеет исторические аналоги, которые традиционно являлись следствием продуманных технологий взрослых, направленных на реализацию их интересов и достижение конкретных целей. Использование геополитического и цивилизационного подходов обусловило рассмотрение явления «детских» экозабастовок как политической технологии инициаторов нового мирового порядка. Охарактеризованы генезис, сущность и предназначение «проекта Грета Тунберг» и массовых экологических акций в контексте формирования нового мироустройства и интересов России. Показано, что инициаторами этой технологии являются «старые» глобалистские и неолиберальные элиты западных государств, часть американского истеблишмента, международный крупный капитал и мощные корпорации в нематериальной цифровой сфере. Для достижения своих целей по нивелированию оппонентов в экономической и политической областях они используют протестный потенциал «зеленых», которые за последние несколько десятков лет фактически стали частью западной неолиберальной элиты. В рамках усилий по формированию нового миропорядка эти акторы стремятся сохранить и укрепить свою власть, продолжить эксплуатировать страны третьего мира, подавить имеющиеся антисистемные движения и ослабить своих основных геополитических конкурентов – главным образом, Китай и Россию, находящиеся в поиске безопасных транспортных артерий и новых источников ресурсов. Поэтому, по инициативе глобалистских и неолиберальных элит, выдвигаются проекты создания в богатых ресурсами «спорных районах» экзон и, как следствие, консервации там перспектив экономической активности. Образ «детских» экозабастовок, представленный средствами массовой информации, воспроизводит новую социальную идею и стимулирует поддержку со стороны электората с целью трансформации мирового порядка, что подтверждается фактом массовости движения в различных странах мира. Молодежные забастовки с экологическими лозунгами способствуют смещению главенствующих позиций традиционной промышленно-ресурсной элиты в сторону цифровой, открывая для неё новые финансово-экономические возможности и перспективы глобального лидерства. Активизация данного движения совпала по времени с притязаниями США на Северный морской путь и освоение ресурсов Арктики, что напрямую затрагивает интересы России.

Ключевые слова: экозабастовки, новый мировой порядок, геополитика, политическая технология, Грета Тунберг, глобалистские и неолиберальные элиты, Россия

Для цитирования: Пашковский П.И., Крыжко Е.В. «Детские» экозабастовки как технология формирования нового мирового порядка и интересы России. *Проблемы постсоветского пространства.* 2020;7(3):288-299. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-288-299>

Статья поступила 06.08.2020

Принята в печать 25.08.2020

Опубликована 03.09.2020

“Children’s” Eco-strikes as a Technology for the Formation of a New World Order and Russia’s Interests

Petr I. Pashkovsky¹, Evgeniy V. Kryzhko²

Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia,

¹petr.pash@yandex.ru, ²jeyson1030@gmail.com

Abstract: The phenomenon of «children’s» movements has historical analogs, which traditionally were the result of thoughtful technologies of adults, which were aimed at realizing their interests and achieving specific goals. The use of geopolitical and civilizational approaches has led to the consideration of the phenomenon of «children’s» eco-strikes as a political technology of the initiators of a New World Order. The genesis, essence and purpose of the «Greta Thunberg project» and mass environmental actions in the context of the formation of a New World Order and the interests of Russia have been characterized. It is shown that the initiators of this technology are the «old» globalist and neoliberal elites of Western states, part of the American establishment, international big capital and powerful corporations in the non-material digital sphere. To achieve their goals of neutralizing opponents in the economic and political spheres, they use the protest potential of the «greens», which over the past few decades have actually become part of the Western neoliberal elite. In the context of efforts to create a New World Order, these actors seek to maintain and strengthen their power, continue to exploit third world countries, suppress existing anti-system movements and weaken their main geopolitical competitors – mainly China and Russia, which are looking for safe transport routes and new sources of resources. Therefore, on the initiative of the globalist and neoliberal elites, projects are being put forward to create ecozones in resource-rich «disputed areas» and, as a result, to preserve the prospects for economic activity there. The image of «children’s» eco-strikes, which is presented by the media, reproduces a new social idea and stimulates support from the electorate for the purpose of the transformation of the World Order, which is confirmed by the fact that the movement is massive in various countries of the world. Youth strikes with environmental slogans help to shift the dominant positions from the traditional industrial-resource elite to the digital elite, opening up new financial and economic opportunities and prospects for global leadership for the latter. The intensification of this movement coincided in time with the USA claims to the Northern Sea Route and the development of Arctic resources, which directly affects the interests of Russia.

Keywords: eco-strikes, New World Order, geopolitics, political technology, Greta Thunberg, globalist and neoliberal elites, Russia

For citation: Pashkovsky P.I., Kryzhko E.V. «Children»s Eco-strikes as a Technology for the Formation of a New World Order and Russia»s Interests. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(3):288-299. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-288-299>

Received 06.08.2020

Revised 25.08.2020

Published 03.09.2020

ВВЕДЕНИЕ

«Детские» экозабастовки представляют собой общественный феномен, наиболее ярко проявившийся в деятельности шведской школьницы и экологической активистки, Греты Тунберг, а также в последующих аналогичных протестных акциях в ряде стран, которые приобретают всё более глобальный характер. В средствах массовой информации и экспертных кругах это явление породило жаркие дискуссии, в основе которых лежали следующие дилеммы: поиск исторических аналогий указанных ситуаций; выявление «сценаристов» данного движения и их мотивации; определение финансовых потоков, направленных на организацию экозабастовок; использование «детского» фактора как определённой технологии в целях трансформации мироустройства. Поэтому актуальным представляется рассмотрение указанных вопросов с геополитической точки зрения в контексте интересов России и её перспектив в условиях формирования нового мирового порядка.

ОБСУЖДЕНИЕ

Изучение проблемы «детских» экозабастовок, в силу относительной новизны данного явления, проявилось, главным образом, в работах публицистического характера и нескольких основательных научных трудах. Так, феномену Греты Тунберг и её деятельности посвящены работы П. Акопо-

ва [1] и О. Барабанова [2]. Особенности состава и методов «инициаторов» «детских» экозабастовок освещаются в публикациях Н. Кнудсен [3], Ю. Латыниной [4] и В. Малышева [5]. Вопросы финансирования массовых экологических выступлений в плане интересов государств «золотого миллиарда» раскрываются в трудах И. Мальцева [6], С. Маркова [7] и Э. Чеснокова [8]. В исследованиях В. Малышева [9], З. Милошевича [10], А. Привалова [11], Р. Хубиева [12], Е. Крыжко [13] и Ч. Голдмана [14] рассматривались проблемы борьбы за ресурсы в ракурсе противостояния России и стран Запада на постсоветском пространстве. Исторические аналогии использования «детского» фактора, императивы и последствия этого явления освещаются в работах Д. Исаева [15], О. Кудрявцева [16], С. Маркова [7], В. Рыжова [17] и А. Сидорчика [18]. Среди работ общего характера, в которых осуществляется анализ этапов эволюции систем международных отношений и ключевых вопросов внешней политики (в том числе, относительно специфики взаимодействия России с коллективным Западом), отмечаются исследования Г. Киссинджера [19], А. Уткина [20], П. Пашковского [21; 22]. При этом в рамках обозначенного направления продолжают оставаться вопросы, требующие дополнительных разъяснений, среди которых — особенности

технологии формирования нового мирового порядка с применением «детского» фактора. Рассмотрению отмеченной проблемы посвящена настоящая статья.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Задолго до появления Греты Тунберг в истории были примеры массовых девиаций детского и юношеского поведения, которые зачастую имели изначально заложённые императивы и политический подтекст, обусловленные влиянием взрослых, решающих свои задачи и преследующих свои интересы.

Так, в XIII веке произошёл знаменитый «Крестовый поход детей». Во Франции в мае 1212 г. некоему Стефану (пастушку из Клуа) якобы явился Иисус в образе белого монаха и предложил возглавить новый Крестовый поход, в котором должны были участвовать только дети, дабы без оружия с именем Божиим на устах освободить Иерусалим. Возможно, идея «Крестового похода детей» была связана с поверьями о «святости» и «непорочности» юных душ, а также с надеждой, что им не может быть причинён физический вред оружием. Пастух начал так страстно проповедовать, что дети убежали из домов вслед за ним. По оценкам исследователей, к середине лета 1212 г. собралось более 30 000 детей и подростков [23]. К ним часто присоединялись преступники. Играя роль участников, они живились за счёт подаяний благочестивых католиков. «Крестоносцы» дошли до Марселя, где стали ждать, что перед ними расступится море [24]. Там помощь им оказали два купца – Гуго Ферреус («Железный») и Вильям Поркус («Свинья»), которые предоставили 7 кораблей для дальнейшего путешествия. В итоге 2 из них разбились о скалы близ Сардинии, остальные 5 пришли не в Палестину, а в Алжир. «Сердоболь-

ные» марсельские купцы заранее продали пилигримов – европейские девочки высоко ценились в гаремах, мальчики должны были стать рабами. Часть непроданных на местном базаре детей и подростков отправили на рынки Александрии, где около 400 купил султан Малек Камель. В 1230 г. один из них вернулся в Европу и рассказал, что в Каире находилось порядка 700 французов. При этом ещё несколько сотен были проданы в Багдаде [17].

В 1212 г., когда слухи о «чудесном пастушке» Стефане достигли берегов Рейна, некий, оставшийся безмянным, сапожник из Трира послал своего 10-летнего сына Николая проповедовать у Гробницы трех волхвов в Кёльне. Некоторые авторы утверждают, что Николай был умственно неполноценным и слепо выполнял волю своего алчного родителя. В отличие от мальчика Стефана, прагматичный немец сразу же организовал сбор пожертвований, большую часть которых отправлял в свой карман. Возможно, он намеревался тем и ограничиться, но ситуация быстро вышла из-под контроля. Не успели Николай и его отец «оглянуться», как за их плечами оказались десятки тысяч «крестоносцев», которых все-таки пришлось вести в Иерусалим [17]. Около 20 000 детей и подростков двинулись с Николаем через Альпы, чтобы «отомстить за погибших крестоносцев Германии». В предгорьях от воинства осталось примерно 15 000 человек, а на другую сторону Альп перешло 7 000. Они дошли до Бриндизи, но здесь, благодаря энергии местного епископа, им помешали предпринять морское путешествие на Восток. После этого часть мальчиков направилась в Рим, чтобы просить у Папы разрешения от крестного обета, однако он не исполнил их просьбы, хотя и приказал бросить это предприятие. Обратный путь уничтожил почти весь остаток этого детского войска [15].

Исторические аналогии не ограничиваются этими примерами. Так, с 1494 по 1498 г. во Флоренции, по инициативе монаха и реформатора Джироламо Савонаролы, формировались команды подростков. «Юная Христовая инквизиция» состояла из 1300 детей моложе 16 лет, организованных в 4 отряда — по числу городских кварталов во Флоренции. Эти отряды (своего рода «полиция нравов») врываются в дома с целью контроля за соблюдением десяти заповедей, изымая книги светского содержания, музыкальные инструменты, духи, игральные кости и карты, которые впоследствии публично сжигались (костры «анафемы суеты») [16]. Известна ситуация, которая имела место в колониальном Массачусетсе в 1692–1693 гг. Знаменитые процессы над «салемскими ведьмами» — один из классических случаев массовой истерии, где тоже все началось с девочек-подростков. В XX веке подлинным мастером в использовании огромных масс подростков в политических целях стал Мао Цзэдун, что проявилось в деятельности хунвейбинов в КНР [4]. В числе «прямых предшественниц» Греты Тунберг отмечается экологическая активистка из Канады Северн Куллис-Судзуки, основавшая в возрасте 9 лет Организацию защиты детей (ЕСО) — группа детей, которая была предназначена обучать других детей по вопросам окружающей среды, — а в 1992 г., в возрасте 12 лет, принявшая участие в «Саммите Земли» в Рио-де-Жанейро. Вспоминается и Малала Юсуфзай — уроженка пакистанского города Мингора, которая в возрасте 11 лет стала вести блог для Би-би-си, выступая против радикальных мусульман и за развитие образования для девочек в странах ислама. В 2014 г. 17-летняя пакистанка стала самой молодой обладательницей Нобелевской премии мира. Награда была ей присвоена «за борьбу против притеснений детей и молодёжи и за права детей на образование» [18].

Однако по масштабам своих последствий феномен Греты Тунберг сравним, пожалуй, лишь с примерами «детских крестовых походов» и деятельностью хунвейбинов, заслуживая особого внимания.

Впервые о Грете Тунберг заговорили 20 августа 2018 г., когда 15-летняя школьница начала забастовку у стены Риксдага в Стокгольме. Девятиклассница отказалась ходить в школу, пока политики не обратят внимания на засуху и лесные пожары в Швеции. Разместив справа от себя картонный баннер с написанным от руки лозунгом на шведском языке «Школьная забастовка в защиту климата», Грета положила начало движению, которое, во многом благодаря СМИ, приняло глобальные масштабы [3]. Постепенно «школьные стачки» становятся популярными по всей Европе, затем — по всему западному миру. СМИ наперебой объявляют Грету самым влиятельным человеком современности и лидером поколения. Она совсем забрасывает учебу, ездит с одного экологического митинга на другой, встречается с Бараком Обамой, Арнольдом Шварценеггером и Папой Римским. А чего стоит дерзкое выступление в Нью-Йорке, 24 сентября 2019 г., на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в рамках которого она восклицала: «Вы украли мое детство. Люди страдают. Люди умирают. Экосистема Земли коллапсирует. Мы на пороге массового вымирания. А всё, о чем вы можете сказать, — это сказки про бесконечный экономический рост...» [8].

Одна из первых крупных акций подобного рода за пределами Швеции состоялась в Брюсселе, где 27 января 2019 г. на улицы вышло примерно 75 000 подростков и молодёжи с лозунгами экологической направленности [8]. В пятницу, 27 сентября 2019 г., сотни тысяч студентов и школьников в разных странах мира оставили классы и толпами вышли на улицы с лозунгами и транспа-

рантами, призывающими защищать климат на планете. Так, в Милане центр города заполнили около 300 000 человек. На центральной площади толпа молодых людей под крики и улюлюканье сожгла огромный макет земного шара, скандируя: «Спасти планету!», «Наш дом в огне!», «Действовать быстро!». Подобные акции прошли одновременно в 180 итальянских городах с участием около 1 000 000 человек. Бастующих молодых людей словно охватило безумие. Неистовые демонстрации, для которых был придуман специальный слоган «Fridays for Future» («Пятницы для будущего»), состоялись и во многих городах за пределами Италии. «Рассерженные» юноши и девушки призывали каждую пятницу бастовать, не ходить на занятия и требовать от властей неотложных мер по предотвращению «гибели планеты» [5]. В целом, в «глобальных забастовках за климат» 20 и 27 сентября 2019 г. участвовали около 4 000 000 человек в 156 странах. Центром этого движения стала вовсе не Швеция. Самая массовая «экозабастовка» с участием Тунберг состоялась в Нью-Йорке, где на улицы вышли 250 000 протестующих против глобального потепления [11].

Как показывает исторический опыт и логика реальной политики, подобные события не могут быть случайностью или спонтанными проявлениями негодования молодежи. Они являются следствием действий заинтересованных в этом взрослых инициаторов и «кукловодов».

О самой Грете Тунберг известно довольно много. Она родилась в Стокгольме в 2003 г. в семье Сванте Тунберга (профессионального актёра и продюсера) и Малены Эрман (оперной певицы) [8]. В возрасте 11 лет у неё был обнаружен синдром Аспергера (мягкая форма расстройства аутистического спектра), обсессивно-компульсивное расстройство и селективный мутизм. Это

специфический вид аутизма, для которого свойственно формирование у человека черно-белой картины мира и очень ограниченного, стереотипного набора интересов и занятий. Таким людям характерна жесткость идей и действий. «Вероятно, — отмечает политолог С. Марков, — именно из такого рода людей и рождаются фанатики. Может быть когда-нибудь будет доказано, что у итальянского монаха Дж. Савонаролы и пророков разных религий был синдром Аспергера. Собственно, никто и не скрывает, что Грета фанатично предана идеям борьбы за чистоту природы и выступает против глобального изменения климата» [7], не понимая заложницей чьих идей она является.

Кто же стоит за феноменом Греты Тунберг и «рассерженных детей»? Начать следует с её родителей, которые, конечно, не выступают главными инициаторами и «продюсерами» этого проекта, но, в известном смысле, способствуют его реализации. Имеется информация, что на книге-бестселлере «Эпизоды из сердца» (с мемуарами Греты) её родители заработали сотни тысяч евро. Планируется выход в свет и второго издания книги, которое уже подготовлено [8]. Родителями Греты был основан семейный фонд «Греты Тунберг и Беаты Эрман», который в конце 2019 г. подал заявку на охрану товарных знаков «Skolstrejk» и «Fridays for Future» в Бюро интеллектуальной собственности ЕС. По данным исследователей, предварительная оценка стоимости брендов, связанных с Гретой, составляет от 3 до 6 млрд евро [6].

Автором сидячей забастовки в защиту климата считается Бо Торен — шведский инженер-программист, увлечённый идеями «зелёных». Он является соучредителем экологической организации «Fossilfritt Dalsland» и одним из инициаторов движения «Extinction Rebellion». С самого начала раскруткой этого проекта занимался

известный шведский пиарщик Ингмар Ренцхог. Однако сотрудничество оборвалось, когда выяснилось, что он использовал имя Греты в рекламных целях, чтобы добиться инвестиций в 10 млн крон. В проекте активно участвует Кевин Андерссон — шведский климатолог, бывший научный сотрудник в университетах Упсала (Швеция) и Манчестера (Великобритания). Он убеждён, что планета на грани климатического коллапса и для спасения необходимы радикальные и болезненные реформы [25].

Но кто финансирует и способствует глобальному продвижению этого явления? В этом отношении известно, что транспортным спонсором выступает Пьер Казираги — миллионер, принц Монако (восьмой в очереди на престол), владелец яхты «Малиция II», которая передвигается благодаря гидротурбинам. На её борту Грета прибыла в Нью-Йорк на саммит ООН по климату в сентябре 2019 г. [25]. Ранее эта яхта носила название «Эдмонд де Ротшильд», а её заказчиком был глава французской ветви Ротшильдов, бывший работодатель Эммануэля Макрона, Бенджамин де Ротшильд [11].

К раскрутке проекта имеет отношение Римский клуб (обнародовавший в марте 2019 г. специальное заявление в поддержку Тунберг) и фонды Джорджа Сороса. Это подтверждает тот факт, что на многих фото рядом с Гретой можно увидеть немецкого политолога Луизу-Марию Нойбауэр — функционера соросовской организации «Открытое общество» и глобалистского фонда «ONE» Билла и Мелинды Гейтс [5]. В некоторых европейских СМИ появляются публикации о связи семьи Греты с американским фондом «Реальность климата», который возглавляет Альберт Гор — бывший вице-президент США в администрации Билла Клинтона [8]. Имеется информация о поддержке «проекта Грета Тунберг» мощными политическими и биз-

нес-группировками, связанными с корпорациями в нематериальной цифровой сфере экономики, например, с FAGA (Facebook, Amazon, Google, Apple). Также очевидно, что в продвижении этого проекта заинтересована значительная часть западного истеблишмента [7].

Исходя из сказанного, представляется возможным выделить ряд позиций, которые объясняют мотивацию глобальных игроков при поддержке «детских» экозабастовок.

Во-первых, в вопросах климата и устойчивого развития экологические ограничения могут вступать в противоречия с правом на развитие стран третьего мира. Логика этого утверждения обусловлена тем, что государства «золотого миллиарда», проводя свою промышленную модернизацию, внесли основной вклад в пагубное воздействие на окружающую среду. При этом сейчас они настойчиво требуют от развивающихся стран проведения дорогостоящих природоохранных мероприятий, тем самым подрывая их экономическую конкурентоспособность на глобальном уровне [2].

Во-вторых, неолиберальные силы «старой элиты» всё чаще проигрывают несистемным правым и левым политикам. Поэтому выдвижение на первый план «экологистов» и «зелёных» может оказаться действенным способом сохранения у власти глобалистских элит и отвлечения мирового общественного мнения от набирающих силу правых и левых несистемных движений. В результате внимание общества переключается с социально-экономических проблем и массового наплыва мигрантов на якобы гораздо более важные глобальные угрозы гибели планеты. Это увеличивает рейтинг «зелёных» партий, являющихся своеобразным противовесом набирающим популярность антисистемным движениям националистов и евроскептиков. В свою очередь, «зелёные», выражая на словах не-

согласие с истеблишментом, на деле давно являются его частью и вполне вписаны в современные европейские элиты [1].

В-третьих, западный истеблишмент, учитывая возможности социальной инженерии, хочет использовать свой контроль над средствами массовых коммуникаций, манипулируя сознанием для достижения общественной поддержки новых социальных идей. Грета Тунберг и «детские» экозабастовки предназначены породить массовое движение европейской молодёжи, которое помогало бы глобалистским элитам формировать новый мировой порядок [7].

В-четвёртых, экологические лозунги и связанные с ними молодёжные забастовки поддерживаются мощными экономическими игроками в нематериальной цифровой сфере, которые за счёт требуемого «зелёными» ограничения традиционных ресурсных корпораций получают многомиллионные прибыли [7].

В-пятых, вряд ли можно считать случайностью, что «экодемонстрации» школьников и студентов во многих странах мира совпали по времени с претензиями Вашингтона на Северный морской путь. В 2019 г. Министерство обороны США представило Конгрессу новую «Арктическую доктрину», направленную на блокирование Северного морского пути [26]. Эксперты отмечают, что именно Арктика в ближайшие годы станет ареной противостояний России и сторонников Северного морского пути — с одной стороны, и противников этого во главе с Соединёнными Штатами — с другой [9; 10]. Реализация новой «Арктической доктрины» Вашингтона подразумевает ослабление России и Китая, которые признаются главными стратегическими конкурентами США в борьбе за ключевые локации в северных широтах [12]. Так, по самым общим оценкам, в Арктике может находиться около 30% неиспользованных

запасов природного газа и 13% нефти, а также огромные запасы полезных ископаемых по ряду элементов. По мере таяния льдов и развития новых технологий природные ресурсы становятся легче добывать. Потепление в Северном Ледовитом океане открывает новые возможности для развития Северного морского пути (более безопасного, дешёвого и быстрого, чем Суэцкий канал для торговли и туристического взаимодействия с Восточной Азией) и экспорта товаров из Китая в Европу через территорию России, что даёт последней колоссальные экономические преимущества [14]. Вашингтон намерен препятствовать развитию Северного морского пути методами политических и экономических санкций, для расширения которых необходимо подготовить общественное мнение. С этой целью осуществляется продвижение «проекта Грета Тунберг» и детских «зелёных» забастовок, громогласно призывающих объявить всю территорию Арктики заповедником, запретив там не только добычу сырья, но и перевозку грузов [11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ретроспективный анализ показывает, что «детский» фактор не является инновационной политической технологией. История знает примеры использования детей и подростков различными силами для достижения конкретных экономических и политических целей. В настоящее время проявилась ситуация, связанная с применением западным истеблишментом в своих интересах нейтральной принадлежности движения «зелёных», которые за последние несколько десятков лет фактически стали частью элиты. Образ «детских» экозабастовок, представленный средствами массовой информации, воспроизводит новую социальную идею, стимулируя электоральную поддержку в целях трансформации мирового

порядка, что подтверждается фактом массовости движения в различных странах мира. Молодежные забастовки с экологическими лозунгами способствуют смещению первоначальных позиций от традиционной промышленно-ресурсной элиты к цифровой, что открывает для последней новые возможности в финансово-экономическом плане и перспективы глобального лидерства. Кроме того, экологические акции детей и молодежи представляются проявлением геополитического давления коллективного Запада в отношении России и Китая (находящихся в процессе освоения выгодных транспортных артерий и открытия новых

источников ресурсов) путем создания эконизон и, как следствие, консервации в них перспектив экономической активности.

Современное увеличение международной напряженности, обострение соперничества Российской Федерации с Западом и его производные – антироссийские санкции и технология «детских» экозабастовок – обуславливают то, что перед руководством нашего государства возникает острая необходимость выдвинуть новый проект развития, параметры которого станут понятны внутри страны, притягательны для ближнего окружения и будут идентифицировать Россию в ряду великих мировых держав.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акопов П. Грета Тунберг служит господству реальной элиты. 2019. 26 сентября. URL: https://vz.ru/world/2019/9/26/999703.html?utm_campaign=vz&utm_medium=referral&utm_source=push (дата обращения: 05.08.2020).
2. Барабанов О. ООН и Грета Тунберг: новый стиль или возвращение архаики в мировую политику. 2019. 26 сентября. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/oon-i-greta-tunberg-novyj-stil-ili-vozvrashchenie/> (дата обращения: 05.08.2020).
3. Кнудсен Н. Глобальная Грета. Как проблемная девочка стала мировой проблемой. 2019. 23 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4179068> (дата обращения: 05.08.2020).
4. Латынина Ю. Пионерка Грета Тунберг. Использование детей в идеологических битвах есть классический признак тоталитарных идеологий. 2019. 27 сентября. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/09/26/82123-pionerka-greta-tunberg> (дата обращения: 24.02.2020).
5. Малышев В. Проект «Грета Тунберг». Как дети становятся инструментом в политических играх взрослых. 2019. 1 октября. URL: http://www.stoletie.ru/politika/projekt_greta_tunberg_143.htm (дата обращения: 05.08.2020).
6. Мальцев И. Как Грета Тунберг заработала шесть миллиардов долларов. 2020. 4 февраля. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fvz.ru%2Fopinions%2F2020%2F2%2F4%2F1021726.html> (дата обращения: 05.08.2020).
7. Марков С. Роль Греты Тунберг — между пророком неопантеизма и новой рациональностью. 2019. 20 декабря. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-grety-tunberg-mezhdu-prorokom-neopanteizma-i-novoy-ratsionalnostyu/> (дата обращения: 05.08.2020).
8. Чесноков Э. Экозащитницу Грету Тунберг опекает бывший вице-президент США Ал. Гор, заработавший на климатических аферах \$100 млн. 2019. 25 сентября. URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/27034.4/4098070/> (дата обращения: 05.08.2020).
9. Малышев В. О Северной доктрине Майка Помпео. Как госсекретарь США объявил Арктику американской. 2019. 18 октября. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/10/18/>

- [o-severnoj-doktrine-majka-pompeo-49254.html?print](#) (дата обращения: 05.08.2020).
10. Милошевич З. Арктика и новая «Северная доктрина» США. 2019. 14 октября. URL: <https://inosmi.ru/politic/20191014/246026553.html> (дата обращения: 05.08.2020).
11. Привалов А. Тунберггейт. США используют Грету Тунберг в борьбе с Россией за Северный морской путь. 2019. 21 октября. URL: <https://versia.ru/ssha-ispolzuyut-gretu-tunberg-v-borbe-s-rossiej-za-severnyj-morskoj-put> (дата обращения: 05.08.2020).
12. Хубиев Р.И. Арктика тоже: что лежит за приятием в США новой «Северной доктрины». 2019. 30 сентября. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2733316.html> (дата обращения: 05.08.2020).
13. Крыжко Е.В., Пашковский П.И. К вопросу об энергетическом измерении международной конкуренции в Центральной Азии. *Международные отношения*. 2017; 2:118-127.
14. Goldman Ch. The Kremlin's Key to World Dominance: Climate Change. 2019. 9 February. URL: <https://nationalinterest.org/feature/kremlins-key-world-dominance-climate-change-43942?page=0%2C1> (дата обращения: 05.08.2020).
15. Исаев Д. Детский Крестовый поход. Причина зарождения и катастрофы. 2016. 9 января. URL: <http://www.ansar.ru/history/detskij-krestovij-pohod-prichina-narozhdeniya-i-katastrofy> (дата обращения: 05.08.2020).
16. Кудрявцев О. Ф. Савонарола Джироламо. В: Степин В. С., Гусейнов А. А., Семигин Г. Ю., Огурцов А. П. Новая философская энциклопедия: в 4-х т. Т. 3. Москва: Мысль; 2010. С. 480.
17. Рыжов В.А. Крестовые походы детей. 2019. 3 мая. URL: <https://topwar.ru/157474-krestovye-pohody-detej.html> (дата обращения: 05.08.2020).
18. Сидорчик А. Детский крестовый поход. Кто был предшественником Греты Тунберг. 2019. 28 сентября. URL: <https://aif.ru/society/people/detskij-krestovyy-pohod-cto-bylo-predshestvennikom-grety-tunberg> (дата обращения: 05.08.2020).
19. Киссинджер Г. Мировой порядок. Москва: АСТ; 2016. 512 с.
20. Уткин А. И. Новый мировой порядок. Москва: Алгоритм, Эксмо; 2006. 640 с.
21. Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991–2011 гг.). Киев: Интерсервис; 2012. 189 с.
22. Пашковский П. И. Россия на международной арене: взгляд в будущее. В: Кальной И. И. 1917–2017: Россия в поисках будущего: Монография. Симферополь: ИТ «АРИАЛ»; 2018. С. 73-92.
23. Детский крестовый поход 1212 года. URL: <http://www.istorya.ru/articles/detcpohod.php> (дата обращения: 05.08.2020).
24. Проданные в рабство и погибшие в Альпах: чем закончился детский крестовый поход, самая ужасная авантюра Средневековья. URL: <https://bigpicture.ru/?p=1240946> (дата обращения: 05.08.2020).
25. Великолепная шестёрка. Кто ковал успех Греты Тунберг. 2019. 23 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4199599> (дата обращения: 05.08.2020).
26. «Арктическая доктрина» США: Северный морской путь будет заблокирован. 2019. 18 октября. URL: <https://ria.ru/20191018/1559911797.html> (дата обращения: 05.08.2020).

REFERENCES:

1. Akopov P. Greta Thunberg Serves the Rule of the Real Elite. 26 September 2019. URL: https://vz.ru/world/2019/9/26/999703.html?utm_campaign=vz&utm_medium=referal&utm_source=push [Accessed: 05.08.2020] (In Russ.)

2. Barabanov O. UN and Greta Thunberg: a New Style or the Return of the Archaic to World Politics. 26 September 2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/oon-i-greta-tunberg-novyy-stil-ili-vozvrashchenie/> [Accessed: 05.08.2020] (In Russ.)
3. Knudsen N. Global Greta. How a Problem Girl Became a Global Problem. 23 December 2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4179068> [Accessed: 05.08.2020] (In Russ.)
4. Latynina Y. Pioneer Greta Thunberg. The Use of Children in Ideological Battles is a Classic Feature of Totalitarian Ideologies. 27 September 2019. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/09/26/82123-pionerka-greta-tunberg> [Accessed: 24.02.2020] (In Russ.)
5. Malyshev V. Project "Greta Thunberg". How Children Become Instruments in the Political Games of Adults. 1 October 2019. URL: http://www.stoletie.ru/politika/projekt_greta_tunberg_143.htm [Accessed: 05.08.2020] (In Russ.)
6. Maltsev I. How Greta Thunberg Earned Six Billion Dollars. 4 February 2020. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fvz.ru%2Fopinions%2F2020%2F2%2F4%2F1021726.html> [Accessed: 05.08.2020] (In Russ.)
7. Markov S. The role of Greta Thunberg - Between the Prophet of Neopanteism and New Rationality. 20 December 2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-grety-tunberg-mezhdu-prorokom-neopanteizma-i-novoy-ratsionalnostyu/> [Accessed: 05.08.2020] (In Russ.)
8. Chesnokov E. Eco-defender Greta Thunberg is Taken Care of by Former US Vice President A. Gore, who Earned \$ 100 Million from Climate Scams. 25 September 2019. URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/27034.4/4098070/> [Accessed: 05.08.2020] (In Russ.)
9. Malyshev V. On the Northern Doctrine of Mike Pompeo. As US Secretary of State Declared the Arctic to be American. 18 October 2019. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/10/18/o-severnoj-doktrine-majka-pompeo-49254.html?print> [Accessed: 05.08.2020] (In Russ.)
10. Milosevic Z. Arctic and the New "Northern Doctrine" of the United States. 14 October 2019. URL: <https://inosmi.ru/politic/20191014/246026553.html> [Accessed: 05.08.2020] (In Russ.)
11. Privalov A. Thunbergate. The United States uses Greta Thunberg in the Fight Against Russia for the Northern Sea Route. 21 October 2019. URL: <https://versia.ru/ssha-ispolzuyut-gretu-tunberg-v-borbe-s-rossiej-za-severnyj-morskoj-put> [Accessed: 05.08.2020] (In Russ.)
12. Khubiev R.I. Arctic too: what Lies Behind the adoption in the United States of the New "Northern Doctrine". 30 September 2019. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2733316.html> [Accessed: 05.08.2020] (In Russ.)
13. Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I. On the Issue of the Energy Dimension of International Competition in Central Asia. *International Relations*. 2017; 2: 118-127. (In Russ.)
14. Goldman Ch. The Kremlin's Key to World Dominance: Climate Change. 9 February 2019. URL: <https://nationalinterest.org/feature/kremlins-key-world-dominance-climate-change-43942?page=0%2C1> [Accessed: 05.08.2020]
15. Isaev D. Children's Crusade. The Cause of Birth and Catastrophe. 9 January 2016. URL: <http://www.ansar.ru/history/detskij-krestovyj-pohod-prichina-narozhdeniya-i-katastrofy> [Accessed: 05.08.2020] (In Russ.)
16. Kudryavtsev O.F. Savonarola Girolamo. In: Stepin V.S., Guseinov A.A., Semigin G.Yu., Ogurtsov A.P. *New Philosophical Encyclopedia: in 4 Volumes. Vol. 3. Moscow: Mysl'; 2010. p. 480. (In Russ.)*
17. Ryzhov V.A. Crusades of Children. 3 May 2019. URL: <https://topwar.ru/157474-krestovye-pohody-detej.html> [Accessed: 05.08.2020] (In Russ.)
18. Sidorchik A. Children's Crusade. Who was the Predecessor of Greta Thunberg. 28 September

2019. URL: https://aif.ru/society/people/detskiy_krestovyy_pohod_kto_byl_predshestvennikom_grety_tunberg [Accessed: 05.08.2020] (In Russ.)
19. Kissinger G. World Order. Moscow: AST; 2016. 512 p. (In Russ.)
20. Utkin A.I. New World Order. Moscow: Algoritm, Eksmo; 2006. 640 p. (In Russ.)
21. Pashkovsky P.I. Integration Policy of Russia in the Post-Soviet Space (1991–2011). Kiev: Interservice; 2012. 189 p. (In Russ.)
22. Pashkovsky P.I. Russia in the International Arena: a Look into the Future. In: Kalnoy I.I. 1917–2017: Russia in Search of the Future: Monograph. Simferopol: IT “ARIAL”; 2018. p. 73-92. (In Russ.)
23. Children’s Crusade in 1212. URL: <http://www.istorya.ru/articles/deterpohod.php> [Accessed: 05.08.2020] (In Russ.)
24. Sold into Slavery and Killed in the Alps: How the Children’s Crusade Ended, the Worst Adventure of the Middle Ages. URL: <https://big-picture.ru/?p=1240946> [Accessed: 05.08.2020] (In Russ.)
25. Magnificent Six. Who Forged Greta Thunberg’s Success. 23 December 2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4199599> [Accessed: 05.08.2020] (In Russ.)
26. “Arctic Doctrine” of the United States: The Northern Sea Route Will be Blocked. 18 October 2019. URL: <https://ria.ru/20191018/1559911797.html> [Accessed: 05.08.2020] (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Петр И. Пашковский, кандидат политических наук, Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия; 295005, Россия, Симферополь, проспект академика Вернадского, д. 4;

petr.pash@yandex.ru

Евгений В. Крыжко, кандидат исторических наук, Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия; 295005, Россия, Симферополь, проспект академика Вернадского, д. 4;

jeyson1030@gmail.com

Petr I. Pashkovsky, PhD of Political Science, Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia; bld. 4, Academician Vernadsky Prospekt Str., Simferopol, 295007, Republic of Crimea;

petr.pash@yandex.ru

Evgeniy V. Kryzhko, PhD of Historical Sciences, Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia; bld. 4, Academician Vernadsky Prospekt Str., Simferopol, 295007, Republic of Crimea;

jeyson1030@gmail.com

Страны Центральной Азии: трудности на пути сближения

Гулбара Ч. Акунова

*Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,
akunovag17@gmail.com*

Аннотация: С распадом СССР новые независимые республики Центральной Азии столкнулись с серьезными проблемами. Среди них: отсутствие опыта построения государственности, демаркация границ, сложная экономическая обстановка, угроза этнических конфликтов. Вместе с тем, данный период явился подходящим для интеграционных инициатив в Центральной Азии. Экономике стран региона были сформированы общей советской системой, они обладали необходимым уровнем взаимозависимости. Кроме того, геополитическая ситуация в регионе была благоприятной для сближения. Россия, Китай и США не были еще активно вовлечены в региональные процессы. В период с 1994 по 2005 годы центрально-азиатскими республиками были инициированы несколько интеграционных проектов. Это: Единое экономическое пространство (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан), Центрально-азиатское Экономическое сообщество, Организация «Центрально-азиатское сотрудничество» (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан). Процесс интеграции в регионе охватывал все республики Центральной Азии, кроме Туркменистана, который игнорировал любые инициативы соседей. Данные структуры не достигли поставленных целей, а именно: создание зоны свободной торговли, таможенного, валютного и платежного союзов. После длительного периода интеграционных инициатив, реального сближения между странами не наступило. Страны предпочитают выстраивать отношения в двустороннем формате. В статье исследуются причины, которые препятствуют государствам ЦА эффективно вести многосторонний формат сотрудничества в регионе. Выявлены основные причины, которые определяют неготовность Казахстана, Кыргызстана Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана к сотрудничеству в многостороннем формате. Внимание уделяется таким факторам как столкновение интересов внешних акторов в регионе, вопросы лидерства между Казахстаном и Узбекистаном, водная политика и приграничное сотрудничество. Анализируются шаги, которые необходимо сделать странам Центральной Азии для налаживания эффективного многостороннего сотрудничества в регионе.

Ключевые слова: Центральная Азия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, водная политика, приграничное сотрудничество, лидерство, сотрудничество, интеграция

Для цитирования: Акунова Г. Ч. Страны Центральной Азии: трудности на пути сближения. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(3):300-311. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-300-311>

Статья поступила: 12.06.2020

Принята в печать 28.07.2020

Опубликована 03.09.2020

Central Asian States: Difficulties on the Path of Rapprochement

Gulbara CH. Akunova

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
akunovag17@gmail.com

Abstract: After the collapse of the Soviet Union, the new independent states of Central Asia had faced serious problems, such as the lack of experience in building state system, border demarcation, severe economic situation, threat of interethnic conflicts. However, that period was appropriate for integration initiatives in Central Asia. The economies of the post-Soviet republics in the region had been formed by the common Soviet system, the states depended from each other. In addition, the geopolitical situation in the region was favorable for rapprochement; Russia, China, the United States were not actively involved in regional processes. In the period from 1994 to 2005, the Central Asian republics initiated several integration projects, such as the Common economic space (Kazakhstan, Uzbekistan, and Kyrgyzstan), the Central Asian Economic Community (Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan and Tajikistan), the Central Asian Cooperation Organization (all republics of Central Asia, except Turkmenistan). It should be noted that the integration process in the region implied all republics of Central Asia, except Turkmenistan, which had been ignoring any initiatives of neighbor countries. These structures did not achieve their goal, such as the creation of a free trade zone as well as customs, currency and payment unions. After a prolonged period of integration initiatives, there were no real close relationships between the countries. The states still prefer to build their relations in a bilateral format. The article considers the reasons that prevent the Central Asian states from effectively pursuing a multilateral format of cooperation in the region. The main reasons that determine the unpreparedness of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan for cooperation in a multilateral format are identified. Attention has been paid to such factors as the collision of interests of outside players, leadership issues between Kazakhstan and Uzbekistan, water distribution policy and cross-border cooperation. The steps that Central Asian countries need to take to establish effective multilateral cooperation in the region are analyzed.

Keywords: Central Asia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, water policy, cross-border cooperation, leadership, cooperation, integration

For citation: Akunova G. CH. Central Asian States: Difficulties on the Path of Rapprochement. *Post-SovietIssues*.2020;7(3):300-311. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-300-311>

Received 12.06.2020

Revised 28.07.2020

Published 03.09.2020

ВВЕДЕНИЕ

Развал СССР привел к появлению на мировой карте новых независимых государств. Эйфория, которая возникла после «парада независимости» сменилась реалиями, с которыми столкнулись все новые республики. Была ликвидирована централизованная система организации экономической деятельности на всем постсоветском пространстве, разрушена сложившаяся за десятилетия система товарно-денежного обращения, прекращена работа множество предприятий, начала разрушаться система управления энергетической инфраструктуры и водным хозяйством, крайне сильно пострадал аграрный сектор и сельское хозяйство в целом.

Сложности в развитии привели к обсуждению проектов субрегиональной интеграции. Этому способствовали специфические особенности стран Центральной Азии: географическая близость, схожесть языков и культур, общее советское прошлое, большинство населения исповедуют ислам, соседство с нестабильным Афганистаном, все государства региона связаны речными бассейнами, все чаще озвучивалась идея субрегиональной интеграции в Центральной Азии. Руководство республик понимало важность и необходимость выстраивания многостороннего сотрудничества как действенного механизма решения приграничных, водных, энергетических, торговых и других вопросов. В связи с этим, процесс выстраивания отношений внутри региона начался практически с первых лет после обретения странами независимости. Говоря о необходимости объединяться, первый президент республики Казахстан Нурсултан Назарбаев подчеркивал: «Нам сам Бог велел: 55 миллионов населения, нет барье-

ра по языку, взаимодополняющая экономика, на одном пространстве, транспортные, энергетические связи. Этот регион может полностью обеспечить себя продовольствием, энергетикой и так далее. Даже рынок самодостаточный был бы. Спрашивается, чего еще надо?...» [1, с.27].

Начало интеграционных процессов было положено подписанием в 1994 году Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном Договора о создании Единого экономического пространства. В 1998 году к Договору присоединился Таджикистан, впоследствии объединение стало называться Центрально-Азиатским экономическим сообществом - ЦАЭС. Основными целями ЦАЭС было обеспечение интенсивного развития всех сторон экономического развития региона. В марте 1998 г. на заседании Межгоссовета были обозначены приоритетные области экономического взаимодействия — агропромышленный, водно-энергетический комплексы, транспорт. Была продекларирована необходимость приступить к формированию в регионе зоны свободной торговли как первого этапа создания единого экономического пространства, проводить согласованную политику в аграрном секторе, по проблемам охраны окружающей среды, предпринимать совместные шаги по улучшению экологической обстановки в бассейне Аральского моря [2]. В рамках ЦАЭС были приняты ключевые документы: «Соглашение между Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики, Правительством Республики Таджикистан и Правительством Республики Узбекистан о параллельной работе энергетиче-

ских систем государств Центральной Азии (1999 г.). Данное соглашение стало настоящим прорывом в развитии энергетической системы интеграционного объединения, в связи с тем, что полноценное энергетическое обеспечение и регулирование не происходило со времени распада СССР. Кроме этого, в рамках ЦАЭС в 2000 году были утверждены «Стратегия интеграционного развития стран-участниц на период до 2005 года», а также «Программа первоочередных действий по формированию единого экономического пространства на период до 2002 года» [3].

В 2002 году ЦАЭС был преобразован в Организацию «Центрально-Азиатское Сотрудничество» (ОЦАС). Как следствие был обозначен новый этап в регионе, направленный на совершенствование механизмов региональной интеграции. В ЦАЭС внимание было сконцентрировано на экономических аспектах, ОЦАС наряду с экономическими вопросами подразумевал более глубокое сотрудничество с включением вопросов в политической, культурно-гуманитарной, природно-хозяйственной сферах и выработки совместных действий по поддержанию мира и стабильности в регионе. В учредительном договоре особое внимание было уделено борьбе с региональной и трансрегиональной преступностью: незаконный оборот наркотиков, терроризм и незаконная миграция. В 2004 году на саммите ОЦАС в Душанбе был подписан протокол о присоединении России к организации. Ей была отведена главенствующая роль, как инвестиционному донору и посреднику в разрешении конфликтных ситуаций. Вместе с тем, в 2005 году на Санкт-Петербургском саммите было принято решение объединить ОЦАС с ЕврАзЭС. Такое решение было принято в связи с желанием Узбекистана вступить в ЕврАзЭС, членами которых уже были Казахстан, Кыргызстан,

Таджикистан, Россия и Беларусь. Кроме этого, слияние позволило ликвидировать дублирование в работе двух организаций и сократить финансовые затраты. Таким образом, Центральная Азия осталась без своей региональной организации.

Все это время обособленную политику от своих соседей вел Туркменистан, избрав статус нейтралитета, тем самым проводя курс на развитие двусторонних отношений с зарубежными странами, избегая вступления в союзы и объединения с наднациональными органами управления.

Слияние ОЦАС с ЕврАзЭС, выход Узбекистана из ЕврАзЭС в 2008 году, выбранный курс Туркменистана политики нейтралитета, недостаточное понимание роли и значения интеграционных процессов и другие факторы способствовали ухудшению сотрудничества между странами ЦА и исчезновению регионального диалогового формата.

Первые попытки выстраивания многостороннего сотрудничества не увенчались успехом. Интеграционные проекты на территории Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана не оправдали возложенных надежд и оказались неспособными реализовывать поставленные перед ними цели и задачи по развитию региональной кооперации. Отсутствие четкого плана, неготовность лидеров республик передать часть полномочий наднациональным органам, различия в экономических показателях, слабые возможности по реализации региональных проектов стали основными препятствиями для полноценного развития интеграции в ЦА. Задачами интеграционных институтов созданных в ЦА в начале 90-х прошлого века заключались в обеспечении интенсивного развития всех сторон экономического и социального развития региона, эффективная структурная перестройка экономики, стимулирование

притока иностранных инвестиций в регион для развития реального сектора экономики. В перспективе страны Центральной Азии, могли бы выступить на мировом рынке в качестве крупного поставщика электроэнергии, нефтепродуктов, природного газа и сельскохозяйственного сырья в государствах Европы и Азии.

Спустя почти 30 лет в регионе по-прежнему не налажен механизм многостороннего сотрудничества с участием всех республик региона. Интеграционные процессы в 90-х годах в Центральной Азии несли скорее декларативный характер, республики провозглашали очередные инициативы, проводили встречи на самом высоком уровне, подписывали соглашения. Однако реального сближения не происходило.

Существует ряд субъективных и объективных причин препятствующие поступательному процессу сближения в регионе. Ниже приведены основные из них:

БОЛЬШАЯ ИГРА: КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

В последние годы Центральная Азия все больше привлекает внимание внешних игроков. Ключевыми факторами вызывающий интерес к данному региону является выгодное геостратегическое расположение и значительные сырьевые запасы. В Западном Казахстане и Туркменистане на шельфе Каспийского моря открыты большие запасы нефти и газа. Узбекистан еще с советских времен славится своим сельскохозяйственным сырьем, в частности хлопком. Кыргызстан и Таджикистан имеют большой гидроэнергетический потенциал, так как истоки самых крупных рек региона Амударья и Сырдарья берут свое начало именно в этих республиках. Кроме этого, Центральная Азия удобный и выгодный геополитический регион, позволяющий осуществлять транспортировку стратегически значимых ресурсов в крупнейшие го-

сударства мира, что уже само по себе дает возможность, так или иначе, влиять на их экономическое развитие [4, с.86].

Некогда периферийный регион, на современном этапе становится объектом заинтересованности таких мировых держав как: Россия, Китай и США, где каждая из сторон предлагает свои интеграционные проекты. Сегодня часть региона — Казахстан и Кыргызстан — уже являются членами евразийской экономической интеграции с участием России. Некоторые центрально-азиатские республики все еще видят Россию в качестве основного партнера. Тем не менее, за счет больших экономических вливаний в экономики республик растет и влияние Китая. Китай не жалеет инвестиции в электроэнергетическую, сельскохозяйственную и другие сферы. Щедро выдавая кредиты, тем самым становиться главным инвестором региона, при этом кредиты необходимо возвращать и с процентами. В неумелых руках кредиты вырастают в огромные внешние долги. Согласно докладу Национального бюро экономических исследований, долг перед Китаем составляет у Казахстана 5,83 млрд, Кыргызстана 2,3 млрд, Таджикистана 1,15 млрд, Туркменистана 5,1 млрд, Узбекистана 3,7 млрд [5]. Среди местного населения чувствуется опасения перед китайской экспансией, люди понимают, что долги необходимо отдавать или в случае невозврата отдать придется что-то другое. Этим другим может оказаться земля, лояльность политических верхушек к китайским инвесторам или даже часть суверенитета. Кроме этого, регион является важным элементом в стратегической инициативе Китая по созданию Экономического пояса Шелкового пути. В свою очередь США предлагает формат C5+1 (страны ЦА + США), основной целью которой ставится расширение сотрудничества стран ЦА с США. Таким образом, Вашингтон пы-

таются укрепить свои позиции в Центральной Азии, который заинтересован в использовании региона как сухопутного моста для торговли между Востоком и Западом. Очевидно, что внешние акторы пытаются как можно больше вовлечь республики региона в свои интеграционные проекты. Усиление геополитического соперничества глобальных центров — России, Китая и США, и углубление разновекторности различных структур — ЕАЭС, ШОС, С5+1, способны фрагментировать политико-экономическое пространство региона и стать серьезным дестабилизирующим фактором, влияющим на центрально-азиатский диалог.

Политика руководства республик Центральной Азии, пытающиеся с помощью внешних сил укрепить свое влияние, также тормозит процесс консолидации региона в целом. Пока сложно говорить о том, какое влияние на самом деле оказывают на развитие многостороннего сотрудничества в регионе различные внешние силы, но Китай среди них уже является одним из ключевых. Роль России за счет различных рычагов влияния на регион, безусловно, остается важной это отмечает и большинство центрально-азиатских экспертов [6], но она неминуемо изменится. Какими будут изменения в участии России в жизни Центральной Азии, — во многом зависит от уровня экономического роста, политики и приоритетов самой РФ. Пока еще рано говорить о том, что страны ЦА выступают единым блоком в вопросах внешней политики, скорее каждая отдельная страна ведет двусторонний формат переговоров, учитывая исключительно личные национальные интересы. Такая ситуация ослабила все государства ЦА и сделала невозможными какие-либо общие действия. Наличие согласованности позволило бы государствам региона разговаривать на более выгодных условиях с такими странами как Россия, Китай и США.

КАЗАХСТАН — УЗБЕКИСТАН

В регионе существуют две страны претендующих на роль регионального лидера — Казахстан с его запасом природных ресурсов и сравнительно развитой экономикой. Узбекистан с населением почти 40% региона и наибольшим военным потенциалом.

С геополитической точки зрения Казахстан и Узбекистан занимают чрезвычайно важное положение. Казахстан имеет протяженные границы с Россией и Китаем и занимает территорию более 2,7 млн км² на которой расположены важные объекты военно-промышленного комплекса. Узбекистан, занимает меньшую площадь 447,4 тыс. км², однако расположен в самом центре центрально-азиатского региона и имеет обширные границы со всеми странами Центральной Азии [7, с.120]. Поэтому не удивительно, что существует неформальное соперничество между этими странами. С обретением независимости республики избрали разный путь политического и экономического развития. Казахстан избрал более глобально ориентированный путь, с упором на стимуляцию свободных рыночных отношений. Важным фактором, работающим на повышение престижа Казахстана, являлась многовекторность казахстанской внешней политики, позволявшая Астане, оставаясь главным союзником России в регионе, одновременно развивать самые тесные экономические и политические связи с Западом и Китаем. Узбекистан избрал прямо противоположную политику. Государство сохраняла максимальный контроль над экономикой и жизнью общества. Кроме этого, внутрирегиональные вопросы как приграничная делимитация, водная политика решалась Узбекистаном в одностороннем порядке, без согласия или обсуждения с ближайшими соседями. Все эти факторы склоняют Кыргызстан и Таджикистан на сторону Казахстана

как потенциального регионального лидера. Лед во взаимоотношениях двух этих стран, которых считают главными конкурентами в регионе, тронулся в связи с избранием президента Узбекистана — Шавката Мирзиёева. Новый президент избрал политику добрососедства и укрепления региональных взаимоотношений. В целом, как отмечают многие эксперты, судьба Центральной Азии в большей мере зависит от воли и взаимоотношений двух самых крупных стран региона — Казахстана и Узбекистана. Так они могут стать осью региона как когда-то Германия и Франция стали центром Европейской интеграции.

ВОДНАЯ ПОЛИТИКА

Центральная Азия обладает значительным запасом водных ресурсов, тем не менее, в регионе до сих пор остро стоит вопрос о его распределении. Отсутствие, консолидированного межгосударственного договора по урегулированию распределения водных ресурсов, охватывающий все страны региона, является одним из острых вопросов. Главным источником водных ресурсов являются две крупнейшие трансграничные реки Центральной Азии — Амударья и Сырдарья. Реки формируются в горах и питаются ледниками, так Сырдарья берет свое начало в Кыргызстане, а Амударья в Таджикистане. Таким образом, страны верховья — Кыргызстан и Таджикистан могут самостоятельно регулировать сток для стран так называемого низовья — Казахстана, Туркменистана и Узбекистана, что не устраивает последних, и все больше приводит к проблемам во взаимоотношениях сторон.

В СССР был налажен механизм обмена ресурсами между пятью союзными республиками. Казахстан, Туркменистан и Узбекистан, обладающие богатыми запасами энергоносителей — нефтью и газом по-

ставляли топлива Кыргызстану и Таджикистану, чтобы те в свою очередь могли придержать воду и спускать ее в летний период для полива. Обмениваться необходимо было в первую очередь из-за разных интересов. Странам верховья вода была необходима для выработки электроэнергии, с целью использования в зимний период, тогда как странам, расположенных в низовье, вода необходима была в летний период для орошения полей.

После распада Советского союза распался и ранее выстроенный механизм взаимного учета интересов. В регионе остро встал вопрос распределения водных ресурсов. Изначально, страны Центральной Азии приняли решение следовать механизму, поставленному еще в советское время, были подписаны соответствующие соглашения. Важнейшим политическим шагом явилась инициатива первых лиц национальных водохозяйственных ведомств государств ЦА, принявших в октябре 1991 года Ташкентское заявление [8]. В заявлении речь шла о совместном использовании водных ресурсов на общих принципах, с учетом интересов всех сторон. В городе Алматы Республики Казахстан 18 февраля 1992 года пять министров водного хозяйства Центральной Азии подписали соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» и соглашение о создании Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК). Этими соглашениями страны региона подтвердили свое намерение сохранить действовавший режим управления водными ресурсами бассейнов Амударьи и Сырдарьи и придерживаться сложившихся подходов к разделу трансграничных водных ресурсов [9]. Среди других договоренностей следует упомянуть соглаше-

ние о совместном использовании водных и энергетических ресурсов в бассейне Сырдарьи заключенное в 1998 году между Кыргызстаном, Узбекистаном, Казахстаном и Таджикистаном который присоединился в 1999 году. Подписав соглашение, Кыргызстан обязался сбрасывать летом большую часть воды, в то время республики низовья обещали поставлять Кыргызстану электроэнергию зимой. Предполагалось, что точные количества ресурсов будут ежегодно определяться в ходе переговоров. Однако участники данного соглашения никогда его реально не соблюдали, так что оно считается неэффективным [10]. В последующие годы было принято ряд соглашений, которые также не соблюдались и оставались неэффективными. Это объясняется тем, что Кыргызстан и Таджикистан продвигали идею, что вода является — экономическим ресурсом, за который необходимо ввести оплату также как и за другие природные ресурсы: газ, нефть и уголь. Другого мнения придерживаются Казахстан, Туркменистан и Узбекистан, настаивая, что вне зависимости от того, где берут начало реки, — они являются межгосударственными водами, соответственно, вода является общим ресурсом.

В регионе до сих пор не пришли к общему решению вопроса, и преобладает двухсторонняя договоренность между государствами. Примером может служить Казахстан и Кыргызстан, сумевшие договориться о взаимобмене электроэнергией «по условной цене». Летом Кыргызстан выдает энергию Казахстану, а осенью — получает ее обратно [11]. Хотя каждая республика региона понимает, что для достижения разумной схемы распределения интересов и выгод использования водных ресурсов за переговорным столом следует находиться всем участникам. То есть всей пятерке государств Центральной Азии.

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Границы между государствами Центральной Азии, были проведены в первую очередь с учетом национального признака. При этом не учитывался фактор, что население в то время оставалось кочевым, поэтому национальный состав территории мог меняться. Дело в том, что отцам основателям советских республик, не могло прийти голову, что когда-нибудь, эти республики будут независимыми государствами и приграничные вопросы все чаще будут, превращаются в зоны конфликтов.

Новые республики с обретением независимости придерживались принципа нерушимости границ. Такое решение было закреплено в декабре 1991 г. Алма-Атинской декларацией [12], в которой стороны заявили о признании и уважении территориальной целостности друг друга и нерушимости существующих границ. На практике страны Центральной Азии столкнулись с рядом нерешенных вопросов: незавершенная делимитация и демаркация границ с соседями, образование анклавов, где национальный состав не совпадает с государственной принадлежностью, растущее количество стычек между населенными приграничных районов.

Сложней всего ситуация сложилась в Ферганской долине. Территориально долина поделена между Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном. В долине расположены множество анклавов, из которых только крупных насчитывается восемь. Четыре из них принадлежат Узбекистану — Сох, Шахимардан, Чон-Кара и Джани-айыл; три Таджикистану — Ворух, Кайрагач и Сарвани один Кыргызстану — Барак [13]. Людям, проживавшие на пограничных территориях многие десятилетия без раздельной черты, пришлось столкнуться с трудностями поставок воды, гуманитарных грузов и транспортной изолированностью. Границы начали периодически

закрываются, и привычные места вдруг оказались территорией другого государства, многие соседи и даже родственники стали иностранными гражданами. По мере того, как ситуация в регионе становится все более сложной, положение в зонах конфликтов лишь ухудшается, что в лучшем случае затрудняет приграничное сотрудничество, а в худшем приводит к вооруженным конфликтам со смертельным исходом. Причины кроются в таких факторах как ограниченность земельно-водных ресурсов, высокими темпами роста численности населения, несовпадение этнических и государственных границ во всех республиках проживают большие общины других титульных этносов региона, трудности при пересечении границ жителей населенных пунктов анклавов. Ключевой проблемой приграничного сотрудничества все еще остается не законченная демаркация границ в регионе, которая приводит к обострениям обстановки на границах. Так один из последних вооруженных конфликтов произошел в сентябре 2019 года на границе Кыргызстана и Таджикистана. Не маркированный участок границы был источником стычек гражданского населения с пограничниками, с той и другой стороны. Каждая сторона обвиняет другую в нарушении границы и сообщает о своих жертвах. Неопределенность границ может привести к попыткам в одностороннем порядке провести демаркацию, что вызывает серьезные инциденты. Например, в 2000-2001 гг. Узбекистан произвел минирование границы с Таджикистаном и Кыргызстаном [14]. Такие ситуации в Центральной Азии, к сожалению, не редкость. Напряженность и откровенное непонимание в пограничных вопросах мешает гармонизации отношений с соседями. Вопросы, касающиеся анклавов и спорных участков границы, используются государствами региона

в целях давления друг на друга для достижения собственной выгоды. В перспективе эти территории могут стать благодатной почвой для укрепления и последующего распространения радикальных исламистских идей.

Перечисленные причины создают серьезные противоречия и препятствия для развития интеграционного процесса в Центральной Азии. Одновременно с общими объективными интересами и сложившимися связями в странах ЦА имеются и существенные различия по разным направлениям. Центральная Азия, имеет интеграционный потенциал, однако сближения должны проходить поэтапно, резко менять устоявшуюся систему, без предварительной подготовки чреваты опасными последствиями. Процесс поступательного движения в сторону объединения должен проходить поэтапно. Первым делом необходимо наладить формат многостороннего сотрудничества, после которого можно перейти к региональной интеграции. В целом, необходимо отметить несколько важных шагов, преодолев которые, можно говорить о поступательном движении в сторону региональной интеграции в Центральной Азии:

Первый шаг — формирование политической воли к усилению интеграционных процессов. В Центральной Азии преобладает личностный авторитет глав республик и от взаимоотношений, между которыми зависит в целом атмосфера в регионе. Одной из основных ошибок состоит в том, что республики и их политические лидеры учитывают исключительно национальные интересы и не слышат своих соседей. Преодолев сложности в личных взаимоотношениях руководителей и осознав важность наращивания привычки совместного обращения к имеющимся региональным проблемам и решения их совместными усилиями можно говорить о возможной интеграции.

При решении любых спорных вопросов связанных с распределением воды, энергии и строительство новых транспортных коридоров взаимное уважение, равноправие, умение слушать и слышать проблемы друг друга играют ключевую роль. Благоприятная обстановка в регионе даст толчок развитию многостороннего сотрудничества.

Второй шаг — наращивание торгово-экономического сотрудничества. Создание емкого центрально-азиатского рынка со снижением различных барьеров позволило бы увеличить товарооборот между странами Центральной Азии. Принципиальное значение имеют задачи по сближению законодательной и нормативно-правовой базы в области экономической деятельности, урегулированию проблем, связанных с транзитным режимом. Для интеграции должен происходить постоянный обмен человеческими и материальными ресурсами.

Третий шаг — создание единого информационного пространства. Без общего информационного поля в регионе, будет очень сложно выстраивать процесс координации, а в дальнейшем и интеграции. Мы часто не знаем о проблемах соседних республик, а это нам очень необходимо. Когда идет некий диалог, каждая сторона говорит о своих проблемах и часто игнорирует проблемы соседнего государства [15]. Мы много знаем о таких странах, как Россия, США, Китай и европейские государства, но мало информированы чем и как живут в соседних республиках.

Четвертый шаг — ориентация на схожий внешне политический курс. Для перспективы интеграции немаловажное значение играет формирование согласованного внешнеполитического курса региона. Сложно говорить обинтеграции, когда республики находятся в разных интеграционных объединениях и выбирают разные внешнеполитические ориентиры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние годы как никогда актуальным становится вопрос о будущем региона и том, какая форма сотрудничества лучше подойдет Центральной Азии. После почти десятилетнего перерыва главы республик уже второй раз собираются на консультативную встречу в Ташкенте. Если перед первой встречей, которая проходила в Астане в 2018 году, настроение было более оптимистичным относительно возможной региональной интеграции, то после второй встречи было ясно, что о ней говорить еще рано. Однако даже то, что эти встречи состоялись, бесспорно, можно назвать достижением для региона. Регулярный диалог на разных уровнях может способствовать постепенному переходу в многосторонний формат сотрудничества и положить начало институционализации региональных отношений.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что существует ряд спорных вопросов на пути межгосударственного сотрудничества. Начиная от страны-лидера, вокруг которой были бы задействованы все интеграционные объединения в регионе, заканчивая политикой исключительно национальных интересов отдельной республики, недоверие в отношении друг друга. Несмотря на внутрирегиональные проблемы, превышающий объединительный потенциал в ЦА все же можно достичь региональной интеграции. Однако первоначально странам Центральной Азии необходимо пройти процесс налаживания многостороннего сотрудничества, научиться учитывать интересы друг друга. При условии перехода к многостороннему сотрудничеству, можно говорить о региональной интеграции. Вероятней всего налаженный процесс многостороннего сотрудничества сможет замедлить процесс фрагментации региона, и выйти на новый уровень сотрудничества,

приводящий к интеграции. Для этого необходимо общее устремление глав республик к созданию единого политического, экономического и культурного пространства. Учитывая, что дальнейшее внимание к региону будет только расти. Само создание такого квалифицированного ме-

ханизма управления, сочетающего в себе компетентность, четкую социальную ориентированность и прозрачное, антикоррупционное, управление позволит выгодно для всех стран включиться в мировую политику, уже не в качестве заднего двора, а как полноценные, равные игроки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Талипов Ф. Центральная Азия: теория дезинтеграции. Центральная Азия - 25: мысли о прошлом, проекция будущего. Бишкек; Сборник эссе из Центральной Азии: 2017. С.24-27.
2. Центральноазиатское экономическое сообщество (ЦАЭС) URL: https://www.mid.ru/et/foreign_policy/international_safety/regprla/-/asset_publisher/YCxLFJnKuD1W/content/id/585382 (дата обращения: 25.02.2020).
3. Примбетов С. Перспективы интеграции Центральноазиатских государств. *Центральная Азия и Кавказ*. 2006;6:135-145.
4. Тофан А.В. Стратегические интересы США, России и Китая в Центральной Азии на современном этапе. *Международный научный журнал Интерактивная наука*. 2016;10:86-90.
5. Дэвид Триллинг. Почему мы не знаем, сколько страны Евразии должны Китаю? – 2019. URL: <http://surl.li/czqn> (дата обращения: 21.05.20).
6. Зиядуллаев Н. Государства Центральной Азии в современном мире: стратегии развития и глобальные вызовы. *Проблемы теории и практики управления*. 2018;12:8-17.
7. Мещеряков К.Е. Региональное лидерство в Центральной Азии. *Вестник Санкт-Петербургского Университета*. 2006;1:199-127.
8. Заявление руководителей водохозяйственных органов республик Средней Азии и Казахстана от 12.10.1991. Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии. URL: http://www.icwc-aral.uz/statute2_ru.htm (дата обращения: 17.05.2020).
9. Жильцов С.С., Бименова А. Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек. *Центральная Азия и Кавказ*. 2015;18:90-100.
10. Эшмент Б. Распределение водных ресурсов в Центральной Азии. Неразрешимая проблема? Исследование FriedrichEbertStiftung, 2011 г. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/08598.pdf> (дата обращения: 20.05.2020).
11. Кыргызстан и Казахстан договорились об обмене электроэнергией. URL: <https://ru.sputnik.kg/economy/20200527/1048449277/kyrgyzstan-kazahstan-ehlektroehnergiya-obmen.html> (дата обращения: 28.05.2020).
12. Алма-Атинская Декларация (г.Алма-Ата, 21 декабря 1991 года) URL: <http://cis.minsk.by/page/178> (дата обращения 25.05.2020).
13. Рудов Г.А. Ферганская долина: причины кризисных явлений и пути их нейтрализации. *Россия и мусульманский мир*. 2015;5:81-96.
14. Данков А. Конфликты в Центральной Азии. *Конфликты на постсоветском пространстве: Перспективы урегулирования и роль России*. 2016;36:45-50.
15. Султан – Хан АККУЛЫ. Лидеры Центральной Азии уже почти 20 лет говорят об интеграции, которой нет. URL: https://rus.azattyq.org/a/central_asia_union/1936276.html (дата обращения: 20.04.20).

REFERENCES:

1. Tolipov F. Central Asia: The Disintegration Theory. Central Asia at 25: looking back, moving forward. Bishkek; A collection of essays from Central Asia; 2017. P. 22-25.
2. Central Asian Economic Union (CAEU). URL: https://www.mid.ru/et/foreign_policy/international_safety/regprla/-/asset_publisher/YCx-LFJnKuDIW/content/id/585382 [Accessed: 25.02.2020] (In Russ.).
3. Primbetov S. Integration prospects in Central Asia. *Central Asia and the Caucasus*. 2006;6:115-124.
4. Tofan A.V. The strategic interests of the USA, Russia and China in the Central Asia at the present stage. *International scientific journal Interactive science*. 2016;10:86-90.
5. David Trilling. Borrowing blind: Why we don't know how much Eurasia owes China – 2019. URL: <https://clck.ru/PF66X> [Accessed: 21.05.20] (In Russ.).
6. Ziyadullaev N. Central Asian states in the modern world: development strategies and global challenges. *Problems of Management Theory and Practice*. 2018;12:8-17.
7. Meshcheryakov K.E. Regional leadership in Central Asia. *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2006;1:199-127.
8. Statement of heads of water economy organizations of Central Asian Republics and Kazakhstan adopted on 10-12 October 1991. Interstate Commission for Water Coordination of Central Asia. URL: <http://www.icwc-aral.uz/statute2.htm> [Accessed: 17.05.2020] (In Russ.).
9. Zhiltsov S., Bimenova A. Central Asian politics regarding water use of transboundary rivers. *Central Asia and the Caucasus*. 2015;16:78-87.
10. Eschment B. Water resources distribution in Central Asia: an insoluble problem? Friedrich-Ebert-Stiftung research, 2011. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/08598.pdf> [Accessed: 20.05.2020] (In Russ.).
11. Kyrgyzstan and Kazakhstan agreed to exchange electricity. 2020. URL: <https://ru.sputnik.kg/economy/20200527/1048449277/kyrgyzstan-kazakhstan-ehlektroehnergiya-obmen.html> [Accessed: 28.05.2020] (In Russ.).
12. The Alma-Ata Declaration (Alma-Ata, 21 December 1991) URL: <http://cis.minsk.by/page/178> [Accessed: 25.05.2020] (In Russ.).
13. Rudov G.A. Ferghana Valley: Reasons for Crisis Phenomena and Ways of Their Neutralization. *Russia and the Moslem World*. 2015;5:32-44.
14. Dankov A. Conflicts in Central Asia. *Conflicts in the Post-Soviet Space: Prospects for a Settlement and the Role of Russia*. 2016;36:45-50.
15. Sultan Khan Akkuly. For nearly 20 years, Central Asian leaders have been talking about integration, which does not exist. URL: https://rus.azattyq.org/a/central_asia_union/1936276.html [Accessed: 20.04.20] (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гулбара Ч. Акунова, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2;
akunovag17@gmail.com

Gulbara Ch. Akunova, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
akunovag17@gmail.com

Болезнь «X» меняет мир. Последствия пандемии COVID-19 для стран-участников СНГ

Олег Г. Карпович¹, Валерий О. Литвинов²

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

¹ iskran@yahoo.com, ² valeriy.litvinov2015@yandex.ru

Аннотация: В обзоре перечня приоритетных заболеваний Всемирной организации здравоохранения за 2018 г. наряду с известными и опасными заболеваниями указана болезнь «X». Это обозначение болезни, которая может возникнуть вследствие мутаций и привести к новой эпидемии. Таким заболеванием и стал COVID-19. Вирус характеризуется длительным инкубационным периодом, во время которого он уже может передаваться, и возможностью бессимптомного течения болезни. Эти факторы, а также неподготовленность стран определили масштабы и скорость распространения вируса. Возбудитель заболевания – SARS-CoV-2 – появился в Китае в конце 2019 г. Китай принял ряд жестких мер с использованием вооруженных сил для победы над эпидемией. Все это помогло КНР в кратчайшие сроки выйти из эпидемии и реализовать возможности, предоставленные ситуацией. В СНГ правительство каждого государства выбрало одну из трех моделей решения вопроса. Казахстан и Киргизия пошли по китайскому пути и приняли жесткие карантинные меры. Большинство государств Содружества приступили к постепенному введению ограничений, которое позволит повторно ввести карантин после небольшого перерыва. Белоруссия, Таджикистан и Туркмения отказались от ограничений, а потому гуманитарные факторы отошли на второй план. Пандемия COVID-19 повысила уровень медицинской грамотности населения и ценность товаров медицинского назначения. Многие ознакомились с индустрией интернет-развлечений, что открыло дорогу новым производителям контента. С переходом части трудящихся на удаленную форму работы увеличился спрос на интернет-трафик. По-новому осознана необходимость внедрения новых технологий во многие сферы жизни, в том числе автоматизации производства, курьерских служб. Эти технологии позволяют перейти к более высокой стадии развития – постиндустриальному обществу, а страна, внедрившая их, сможет претендовать на звание крупного игрока на международной арене. Пандемия COVID-19 открыла новые возможности ведения торговой войны, что вызовет усиление процесса регионализации и даст стимул развитию региональных интеграционных объединений. Проект «Один пояс, один путь» рискует столкнуться с новыми торговыми барьерами и попытками стран Запада избавиться от китайской зависимости, которую продемонстрировала пандемия. Санкционная политика США способна привести к созданию финансовых систем без их участия, что может пошатнуть Бреттон-Вудскую систему.

Ключевые слова: COVID-19, СНГ, пандемия, болезнь «X», карантин

Для цитирования: Карпович О. Г., Литвинов В.О. Болезнь «X» меняет мир. Последствия пандемии COVID-19 для стран-участников СНГ. *Проблемы постсоветского пространства.* 2020;7(3):312-326. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-312-326>

Статья поступила 18.05.2020

Принята в печать 28.06.2020

Опубликована 03.09.2020

Disease “X” changes the world. Consequences of COVID-19 pandemic for CIS member-countries

Oleg G. Karpovich¹, Valery O. Litvinov²

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

¹ iskran@yahoo.com, ² valeriy.litvinov2015@yandex.ru

Abstract: In the shortlist of blueprint priority diseases of the World Health Organization for 2018, along with the famous and dangerous diseases, there is also a disease “X”. This is a designation of a disease, which may arise due to mutations, and lead to a new epidemic. COVID-19 became such disease. The disease is characterized by a long incubation period, during which it is already contagious, and the possibility of an asymptomatic course. These factors, as well as the unpreparedness of countries, determined its success. The causative agent of the disease - SARS-CoV-2 appeared in China at the end of 2019. China has taken a series of tough measures using the armed forces to defeat the epidemic. All this helped China to get out of the epidemic as soon as possible and realize the opportunities provided by the situation. In the CIS, the government of each state has chosen one of three models for resolving the issue. Kazakhstan and Kyrgyzstan went the Chinese way and took tough quarantine measures. Most states of the Commonwealth have begun to gradually introduce restrictions, which could then lead to the reintroduction of quarantine after a short break. Belarus, Tajikistan and Turkmenistan gave preference to economic development, and therefore humanitarian factors faded into the background. The COVID-19 pandemic has increased the level of health literacy of the population and the value of medical supplies. Many people became familiar with the online entertainment industry, which paved the way for new content producers. Together with the transition of people to remote work, this has increased the demand for Internet traffic. Thoughts on the automation of production and courier services arose in society. These technologies will make the transfer to a post-industrial society possible, and the country that introduced them will be able to claim the title of a major player in the international arena. The COVID-19 pandemic has opened up new possibilities for a trade war that will lead to a strengthening of the regionalization process. This may provide an incentive for the development of regional integration associations. “Belt and Road” project runs the risk of suffering trade barriers and Western attempts to get rid of Chinese dependence, which the pandemic has demonstrated. The US sanctions policy can lead to the creation of financial systems without them, which has the potential to shake the Bretton Woods system.

Keywords: COVID-19, CIS, pandemic, disease «X», quarantine

For citation: Karpovich O.G., Litvinov V.O. Disease «X» changes the world. Consequences of COVID-19 pandemic for CIS member-countries. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(3):312-326. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-312-326>

Received 18.05.2020

Revised 28.06.2020

Published 03.09.2020

Ежегодный обзор перечня приоритетных заболеваний Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) за 2018 г. содержит 8 пунктов, 7 из них включают в себя такие опасные болезни, как: Конго-крымская геморрагическая лихорадка, MERS-CoV и SARS, заболевания, вызванные вирусами Эбола и Марбург. На восьмом месте перечня стоит так называемая болезнь «X» [1]. Под ней подразумевается заболевание, способное возникнуть в будущем вследствие эволюции различных возбудителей. Это демонстрирует, что ВОЗ всегда готова выполнять свои функции по решению международных проблем здравоохранения, что особенно важно в период эпидемий, которые могут привести к огромным человеческим и экономическим потерям. Сегодня мы можем наблюдать, как одна из таких болезней «X» меняет наш мир и наше отношение ко многим событиям и явлениям.

Коронавирусы — распространенный тип вирусных инфекций, выявленный еще в середине XX в. Ранее представители этого семейства уже приводили к эпидемиям. Недавний пример — вспышка Ближневосточного респираторного синдрома в 2015 г. По данным ВОЗ, вирус продолжает распространяться. На январь 2020 года в мире было зафиксировано примерно 2 500 случаев заражения [2]. Однако болезнь под названием «Coronavirus disease 2019» (COVID-19), вызываемая вирусом «severe acute respiratory syndrome coronavirus 2» (SARS-CoV-2),

оказалась намного опаснее. Причиной тому послужил ряд факторов: продолжительный инкубационный период (от заражения до появления первых симптомов может пройти 1–14 дней[3]), возможность длительного бессимптомного протекания[4], место появления (Ухань — город с населением в 11 миллионов человек [5], располагающийся в густонаселенном центральном Китае, откуда болезнь разнеслась по всей территории КНР и за ее пределы в Азию) и способ передачи заболевания.

В конце 2019 г. стали появляться первые сообщения о новом заболевании на территории Китая [6]. К середине января 2020 г. болезнь начала проникать в соседние провинции КНР [7]. Число заболевших продолжало расти. Город Ухань, ставший основным очагом распространения возбудителя, был закрыт на карантин 22 января, прилегающие городские округа — 24 января [8]. В своем заявлении от 10 февраля 2020 г. лидер КНР Си Цзиньпин объявил борьбу с вирусом «народной войной» [9]. Со временем эффективные карантинные меры дали результат и количество зараженных стало сокращаться. Уже к десятым числам марта в отдельных городах провинции Хубэй началась отмена запретов на передвижение граждан по территории населенных пунктов. Карантин в Ухане 8 апреля был снят [10], 24 марта из городской больницы был выписан последний заболевший COVID-19 [11].

Китай смог быстро справиться с предстившей перед ним угрозой. Страна, обладающая опытом борьбы с эпидемиями, использовала все ресурсы для победы над вспышкой нового вируса. Быстрое принятие решений на местах, а после и в правительстве КНР, позволило стремительно изолировать очаги эпидемии. Примером скорости реагирования первых лиц государства на угрозу может послужить обращение к народу председателя Си Цзиньпина и премьера Государственного совета Ли Кэцзяна, состоявшееся в тот же день, когда учеными была открыта способность заболевания передаваться от человека к человеку (20 января 2020 г.) [12]. Демонстрацией подготовленности системы здравоохранения КНР может также послужить строительство больницы для заболевших COVID-19 Лейшеншань площадью в 25 тысяч квадратных метров всего за неделю [13]. Использование новых технологий, внедрение методов лечения и работа с персоналом являются огромным достижением, которое показало потенциал Китая. Но особенно важным в этой победе является не экономический потенциал и смекалка, а способность правительства страны обязать население соблюдать строгие карантинные меры, его готовность к жестким мерам, таким как полное закрытие многомиллионных городов. КНР не боится осуждения со стороны международных организаций или других государств, которое имело место быть в начале пандемии COVID-19 [14]. Власть в стране имеет кредит доверия, позволяющий контролировать поведение граждан, а также ввести запрет на прогулки, собрания, посещение работы. Государства Запада не всегда способны применять такие жесткие меры без окончательной уверенности в их оправданности, так как это может привести к падению рейтингов и завершению политической карьеры первых лиц. Китай

готов мириться не только с недовольством, но и с экономическими убытками, которые не заставят себя ждать после полного прекращения работы в огромных мегаполисах.

Благодаря победе над вирусом, одержанной за столь короткое время, Китай получил множество преимуществ. Являясь первым государством, поборовшим эпидемию, КНР получила возможность улучшить свой имидж, осуществляя поддержку пострадавшим странам, таким как Италия. Оправляясь от последствий карантина, Китай принимает меры по восстановлению экономики страны и ее дальнейшему развитию. Ограничительные меры по предотвращению роста числа зараженных в мире ведут к понижению покупательной способности в странах-импортерах китайской продукции, однако КНР налаживает производство товаров первой необходимости в ситуации самоизоляции. Используя налаженную систему доставок товаров, покупаемых при помощи интернет-заказов, а также новые торговые маршруты, созданные в рамках проекта «Один пояс, один путь», КНР вновь демонстрирует всему миру его зависимость от китайского производства, поскольку национальные предприятия большинства стран оказались неспособными удовлетворить быстро растущий спрос на медицинскую продукцию. Во время карантина внутри Китая многие иностранные предприятия прекратили работу по причине отсутствия китайских товаров.

Эпидемия дала китайскому правительству возможность добиться решения некоторых задач и помогла легализовать эти решения в глазах народа. Из положительных тенденций можно выделить возможность учета населения, часть которого до карантина находилась в полуполюгальном статусе. Пребывая в местах своего жительства по прописке, все граждане позволили демографам собрать более подробные данные. При этом

иностранные работники-нелегалы, в том числе в сфере образования, оказались в уязвимом положении без медицинской страховки, вследствие чего многие из них покинули страну или были депортированы. Другие иностранцы также подлежали учету по причине их уязвимого положения. Правительство смогло создать систему выявления социальных связей при помощи соцсетей и отслеживания геолокации смартфонов. Для обычного человека это способ определить возможность заражения вирусом в случае контакта с больным, а потому сами люди помогли протестировать систему. Спецслужбы смогли отработать схемы слежки за населением, при помощи которых можно было бы эффективнее внедрить систему баллов социальной ответственности в стране. Органами правопорядка крупных городов была получена возможность протестировать работу полицейских дронов без риска для гражданского населения. Полиция также усовершенствовала системы камер. Теперь они эффективнее способны различать лица людей в масках, что незаменимо во время массовых протестов, таких как волнения в Гонконге в 2019 г. Многие жители Китая стали активнее переходить на использование электронных платежных сетей WeChat pay и Alipay после отказа магазинов и точек общественного питания принимать наличные деньги из-за опасности заражения, это дало спецслужбам возможность надежнее контролировать платежи граждан. Правительство Китая смогло принять закон о запрете употребления диких животных в пищу, что было затруднительно ранее, поскольку некоторые виды животных являются деликатесом в традиционной кухне ряда провинций страны. Это нововведение заметно снизит возможность возникновения нового заболевания на территории государства, поскольку именно дикие животные, такие

как летучие мыши, являются природными переносчиками множества возбудителей, которые мутируют в их организмах, не причиняя вреда.

Эпидемия COVID-19 многому научила как простых китайцев, так и представителей правящей элиты. Теперь КНР готова к действиям в условиях чрезвычайной ситуации. Существует механизм электронного учета больных при помощи новых технологий, создаются системы автоматической доставки медикаментов, граждане обучены базовым правилам профилактики респираторных заболеваний, повышен уровень личной гигиены. Можно сказать, что Китай теперь готов к обороне во время биологической войны.

Закрытие определенного количества нежизнеспособных и слабых предприятий малого бизнеса в КНР открывает дорогу для других предпринимателей. У этого явления есть и обратная сторона: выжившие и способные удержаться на плаву могут сильно расширить свое влияние, чем помешают прорасти семенам нового поколения малого бизнеса. В то же время китайцы, воспользовавшись суматохой среди иностранных инвесторов, смогли выкупить контрольные пакеты акций собственных стратегических предприятий [15], что укрепило позиции национальных инвесторов и упростило регулирование экономики.

Отметим, что большинство государств мира не сталкивались с такими мощными эпидемиями в последние десятилетия, а потому их граждане не были готовы к быстрому распространению вируса и не вполне ясно понимали опасность ситуации. Правительства стран, поначалу не придававшие значения COVID-19 (так как в недавнем прошлом был опыт раздутого, с точки зрения ряда СМИ, но в итоге быстро локализованного вируса Эбола), не обладали отработанным механизмом противодействия

распространению болезни. Национальные экономики также не справились с растущим спросом на медицинскую продукцию, даже если правительствами государств принимались некоторые подготовительные меры.

Ситуация на территории СНГ также сильно отличается от картины, которую мы наблюдаем сегодня в Китае. При описании ситуации на территориях стран-членов СНГ стоит разобрать три основные модели действий государств в условиях противостояния COVID-19.

Первая модель — введение жесткого режима соблюдения карантина. Данная схема действий была использована КНР во время борьбы с эпидемией и оправдала себя в условиях страны. Основными плюсами указанной стратегии является возможность быстро остановить распространение вируса, что позволяет в кратчайшие сроки выйти на так называемое плато эпидемии — период, когда количество заболевших равняется количеству выздоровевших. В таком случае можно утверждать, что победа над болезнью почти достигнута. К плюсам данной стратегии относится подъем патриотических чувств, вызванный общим опытом тяжелых испытаний, пережитых вместе, и скорость победы над эпидемией (эта стратегия позволяет справиться с вирусом быстрее остальных). К минусам относятся огромные экономические убытки и рост безработицы, а также недовольство населения жесткими ограничениями. Если в Китае Си Цзиньпин смог объявить эпидемии «народную войну», опираясь на кредит доверия граждан и жесткую административно-командную систему, то главам и правительствам других государств убедить граждан сохранить лояльность будет сложнее.

Среди государств-членов СНГ рассматриваемую стратегию избрало новое руководство Казахстана во главе с президентом К.-Ж. Токаевым: 16 марта в стране было

введено чрезвычайное положение, крупнейшие города были закрыты на карантин [16]. Режим чрезвычайного положения должен был продлиться до середины апреля, однако впоследствии было принято решение о его продлении [16]. Казахстан оказывает поддержку незащищенным слоям населения, гражданам, не имеющим собственного жилья (при наличии договора с хозяином жилплощади), выплатит по 15 тысяч тенге в апреле и мае [17]. Также жесткую стратегию избрала Киргизия: режим чрезвычайной ситуации был введен в стране с 22 марта 2020 г. [18].

Вторая модель действий государств — постепенное введение ограничений для сдерживания распространения эпидемии. Такой стратегии придерживаются большинство стран СНГ, включая Российскую Федерацию. Данная стратегия позволяет в спокойном режиме войти в условия карантина и выиграть время для выработки комплекса мероприятий против пандемии. Она же приводит к большей вероятности распространения вируса, что усиливает последующую эпидемию и срок наложения ограничительных мер. Плюсом постепенного введения ограничений для сдерживания распространения эпидемии является меньший урон, наносимый экономике: предприятия страны имеют возможность подготовиться к будущим потрясениям, собрать запасы, менее болезненно ввести ограничения на деятельность, перевести сотрудников на удаленную работу.

При превентивном использовании данной модели, есть шанс полностью свести эпидемию на нет за непродолжительный срок, однако если сделать это слишком поздно, карантин затянется и люди начнут выходить на улицы в обход решения властей. Потому обычно страны переходят к частичному снятию ограничений по достижении снижения уровня зараженных,

чтобы через определенный срок ввести их снова. Таким образом, вводя карантин волнами, правительство может дожидаться создания вакцины и ее вывода на рынок. По этому сценарию, видимо, идет как Россия (ограничения планируют медленно снимать в отдельных регионах с 12 мая [19]), так и большинство стран-членов СНГ [20].

Третья модель заключается в игнорировании пандемии и использовании инструментов по снижению паники и волнений среди населения. Эта стратегия используется теми государствами, для которых малый и средний бизнес, несущий в большинстве случаев огромные потери при введении карантина, играет огромную роль. Она позволяет не прекращать производство и не снижать темпы экономического роста. Использование данной модели наиболее выгодно для государств с меньшим процентом пожилого населения (так как смертность среди молодого населения минимальна [21]). Стратегия игнорирования пандемии делает ставку на выработку естественного иммунитета у населения, поскольку создание вакцины и ее выход на национальный рынок может растянуться на долгие месяцы или даже годы, а вирус может вернуться со временем как сезонное заболевание. Негативными последствиями использования этой стратегии является резкий рост смертности, вызванный переполненностью и нехваткой больниц, реанимационных отделений, что в дальнейшем ограничивает возможности оказания помощи не только больным с COVID-19, но и с другими заболеваниями, приводит к сортировке больных по законам военного времени. Другой минус данной модели — невозможность проводить более жесткую внутреннюю политику и оправдывать интересы правительства, как это было сделано в Китае.

Эта модель действий была выбрана тремя государствами СНГ. Так, Белоруссия

не стала отменять большинство массовых мероприятий, провела празднование православной Пасхи, продолжила национальный чемпионат по футболу. Член Постоянной комиссии Палаты представителей по образованию, культуре и науке Белоруссии Сергей Клишевич объяснил такую стратегию мерами ради сохранения промышленности [22]. Однако стоит отметить, что массовые мероприятия по празднованию 1 мая в Белоруссии все же были отменены [23]. По словам таджикского аналитика Парвиза Муллоджанова, похожая ситуация наблюдается и в Таджикистане, где карантин был введен в школах, колледжах и детских садах на срок с 27 апреля по 10 мая [24].

В Туркмении официальным лицам на законодательном уровне было запрещено упоминать слово «коронавирус» [25]. Руководство страны также отрицает наличие зараженных на территории государства.

В целом COVID-19 сильно ударил по экономике и населению стран СНГ. На данный момент Россия входит в пятерку стран с самым большим количеством зараженных. Хотя в некоторых странах, таких как Молдова, ситуация начинает налаживаться, снимаются ограничения, пока рано говорить о победе над вирусом.

Мир сильно изменится после масштабной пандемии COVID-19; в первую очередь, это затронет население стран. Последней (до COVID-19) опасной пандемией, которую не удалось удержать на кордонах на границе и в аэропортах, была вспышка гонконгского гриппа, начавшаяся в 1968 г. Она унесла от одного до четырех миллионов жизней, так или иначе затронула все страны мира [26]. Правительства государств уделили ей максимум внимания, поскольку еще были свежи воспоминания об испанке — пандемии гриппа, нанесшей колоссальный ущерб экономике и убившей множество людей. Но в настоящее время,

когда последняя опасная пандемия была половиной века назад, население оказалось не готово к мерам предосторожности и скорости распространения COVID-19. Также ситуацию усугубил вирус Эбола, который многие посчитали неоправданно раздутым [27]. Его удалось удержать без применения жестких карантинных мер, отчасти по причине его огромной летальности [28] (вирус имеет меньше шансов на передачу при быстрой смерти носителя). Потому теперь правительства и граждане стран будут более бдительно относиться к вспышкам опасных заболеваний за границей. Предположительно, в будущем государства более оперативно будут вводить разного рода ограничения с целью предотвращения распространения возбудителей, это создаст определенные проблемы для малого и среднего бизнеса, так как его представителям придется заранее делать запасы на такой случай. Скорее всего, увеличится процент людей, идущих на добровольную вакцинацию, в том числе и от сезонных заболеваний. Пандемия COVID-19 способствовала повышению уровня медицинской грамотности среди населения, что увеличит спрос на товары медицинского назначения, такие как одноразовые маски, перчатки и т. д.

За время карантина сильно выросло потребление интернет-развлечений [29]. Производители контента на таких платформах, как YouTube и Twitch, получили возможность расширить свою аудиторию, привлечь новых подписчиков, появилось много новых молодых каналов. После окончания карантинных мероприятий стоит ожидать сокращение этого роста, однако многие люди уже нашли для себя интересные каналы, а потому не все из них откажутся от нового развлечения. В целом следует ждать мирового повышения спроса на интернет-трафик.

Также возросла популярность киберспорта [30]. Отчасти это было продиктовано

отменой чемпионата по футболу и других массовых спортивных мероприятий. На потенциал спортсменов также сильно влияет карантин: находясь дома, многие из них не способны полноценно тренироваться, в отличие от киберспортсменов, которые проводят тренировки дома или собираясь небольшими группами в закрытых помещениях. Перенос олимпиады, к которой готовились спортсмены и болельщики по всему миру, может стать еще одним фактором негативных изменений в мировом спорте.

Популярность набирает и интернет-образование. Многие высшие учебные заведения перешли на обучение в режиме онлайн. Сессия в МГУ им. М. В. Ломоносова и во многих других вузах также пройдет в Сети [31]. Люди, не способные перейти на удаленный формат работы, тратят появившееся свободное время на самосовершенствование. Для этого давно существует множество онлайн-сервисов, которые с началом карантинных мероприятий стали активно закупать рекламу на YouTube и Twitch, повысив заработок последних, что создало более благоприятные условия для производителей контента. Также многие службы доставки еды, которые сейчас активно совершенствуют системы доставки, набирают курьеров для более плотного покрытия территории с ростом заказов и тоже закупают рекламу у платформ, предоставляющих интернет-развлечения.

Спрос на новые форматы интернет-развлечений и онлайн-образования ведет к необходимости создания новых платформ для такого рода взаимодействий. Многие люди, переходя на удаленную работу и обучение просто не смогли найти удобную площадку для организации. Огромную популярность получил сервис Zoom, но сейчас многие стремятся отказаться от него после скандала с раскрытием платформой личных данных пользователей Сети [32].

Вопросы безопасности личных данных также возникают в связи с отказом некоторых торговых точек от приема наличных денег в период карантина, поскольку этот процесс может спровоцировать распространение вируса. В то же время использование электронных способов оплаты находится под угрозой, поскольку с увеличением числа пользователей Интернета количество кибератак также возросло [33].

Переход к удаленной работе принес многим возможность смены деятельности. Такой формат не только более безопасен с точки зрения биологических угроз, но также позволяет экономить время, обычно затрачиваемое на путь до места работы, позволяет проводить больше времени с близкими. Работодателям указанная форма работы дает возможность сэкономить на аренде помещений. Кроме того, рост числа работающих удаленно может увеличить спрос на Интернет, образование, которое в большинстве случаев необходимо для такого рода работы, и снизить нагрузки на транспорт. Однако при этом спрос на рабочих, курьеров, грузчиков останется неудовлетворенным. Решение можно найти в развитии новых технологий. Под давлением опасности скорого распространения COVID-19 Китай сделал ставку на автоматизирование курьерской работы и применение дронов для защиты правопорядка. Выгоднее использовать машины для замены работников на заводах, нежели собирать множество людей в одном непроветриваемом помещении и платить им заработную плату и сверхурочные. Будущих мировых лидеров определит развитие технологий, которые будут способны привести человечество к созданию постиндустриального общества. Пандемия COVID-19 ускоряет этот процесс, демонстрируя множество преимуществ такой модели общества. Она мобилизует государства и дает

им импульс к развитию новых технологий. США и КНР уже несколько лет ведут торговую войну, одной из целей которой является противодействие китайскому проекту «中国制造2025» («сделано в Китае 2025»), направленному на развитие в стране новых технологий и модернизацию промышленности. Пандемия COVID-19 только ускорит темпы осуществления этого проекта, продемонстрировав потребность человечества в новых технологиях.

Последствия распространения заболевания, затронувшие большинство государств мира, приведут к новому этапу не только в торговой войне между КНР и США, но и к увеличению количества торговых войн в принципе. Возможность распространения новых заболеваний позволит государствам оправдывать торговые барьеры, которые в последнем десятилетии стали часто используемым инструментом гибридной войны. Если ранее Америка называла основной причиной наложения торговых санкций угрозу национальной безопасности, что противоречило принципам, указанным в уставе ВТО, то теперь лидеры США, как и других стран, могут вводить торговые ограничения, ссылаясь на риск появления новой пандемии. Это усилит процесс регионализации и может помешать дальнейшему развитию таких проектов, как китайский «Один пояс, один путь», делающий ставку на продвижение экономической глобализации.

Все процессы, запущенные пандемией COVID-19, в той или иной степени отразятся как на будущем мироустройстве, так и на странах-участниках СНГ. Особое внимание следует уделить выявлению зависимости между жесткостью административно-командной системы страны и ее способностью преодолеть эпидемию в сжатые сроки. Китай первым столкнулся с эпидемией и первым же вышел из нее. Эта победа была достигнута благодаря

способности правительства КНР быстро среагировать на угрозу и пойти на решение ввести полный карантин с использованием вооруженных сил. Именно жесткость китайской административно-командной системы и кредит народного доверия к власти позволили выйти из кризисной ситуации с меньшими потерями. Похожую ситуацию мы наблюдаем в Казахстане, где за последние месяцы удалось не допустить сильного распространения вируса и удерживать показатель заболевших в сутки на относительно стабильном уровне [34]. Обратным примером могут послужить США, где с середины марта по 4 апреля наблюдался стабильный рост числа заболевших за сутки [35]. Чрезвычайное положение в стране было введено 13 марта [36], но президент Трамп объявил введение общенационального карантина маловероятным [37].

На территории СНГ пандемия поставила вопрос о реформировании системы здравоохранения и важности медицины в целом. Оставшись без китайской промышленности на время карантина в КНР, многие предприятия осознали свою зависимость от нее, а впоследствии страны ожидали ее восстановления, поскольку национальные промышленные мощности не справлялись с растущим спросом на медицинские товары. Все это, вкуче с падением цен на нефть вследствие мирового карантина, также определило стремление поддержать и развить национальные предприятия.

Переход на удаленную работу и растущий спрос на интернет-развлечения создают необходимость расширения интернет-трафика и увеличения скорости работы Сети, а также развития новых технологий. На данный момент развитие новых технологий на территории СНГ в основном осуществляется благодаря структурам, созданным в советское время. Первым наукоградом, построенным на постсоветском

пространстве, стал Сколково. Всем странам-участникам СНГ следует уделять больше внимания созданию и внедрению инновационных технологий.

Учитывая процесс регионализации, подстегиваемый желанием защититься от распространения будущих эпидемий и упрощением ведения торговой войны, следует ожидать усиления интеграционных процессов на постсоветском пространстве, в том числе развитие ЕАЭС. Этому способствуют и поставки гуманитарной помощи из России в страны-участники организации во время пандемии [38]. Китайский проект «Один пояс, один путь» в будущем может столкнуться с проблемами. Регионализация и торговые войны могут сильно ударить по его финансовой базе и ослабить китайские инвестиции. Пандемия продемонстрировала Западу его зависимость от Китая. Это может привести к ответным действиям и поддержке национального производителя. Для стран СНГ, многие из которых являются транзитными государствами на китайских торговых маршрутах и получают инфраструктурные инвестиции из КНР, это также является дурным знаком. В то же время санкционная политика США может привести к созданию мощных международных финансовых организаций без них и их союзников, что в итоге ослабит позиции доллара и пошатнет принципы Бреттон-Вудской системы.

Пандемия COVID-19 оказала огромное влияние на наш мир и установила новые правила в экономике, политике, мировой торговле и взаимоотношениях между государствами. Она вызовет экономический кризис, последствия которого будут ощущаться еще долгие годы [39]. Странам-участникам СНГ, полагаем, нужно сплотиться для его преодоления и совместного решения всего комплекса возникших проблем.

ЛИТЕРАТУРА:

- List of Blueprint priority diseases. World Health Organization. 2018. 6 February. URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/2018prioritization-report.pdf?ua=1> (дата обращения: 25.04.2020).
- Middle East respiratory syndrome coronavirus (MERS-CoV). World Health Organization. 2019. 30 ноября URL: <https://www.who.int/emergencies/mers-cov/en/> (дата обращения: 23.04.2020).
- Q&A on coronaviruses (COVID-19). World Health Organization. 2020. 17 April. URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/question-and-answers-hub/q-a-detail/q-a-coronaviruses> (дата обращения: 23.04.2020).
- Coronavirus disease 2019 (COVID-19). World Health Organization. 2019. 2 April. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronavirus/> (дата обращения: 25.04.2020).
- China's coronavirus lockdown strategy: brutal but effective. The Guardian. 2020. 29 April. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/19/chinas-coronavirus-lockdown-strategy-brutal-but-effective> (дата обращения: 30.04.20).
- Pneumonia of unknown cause — China. World Health Organization. 2020. 5 January. URL: <https://www.who.int/csr/don/05-january-2020-pneumonia-of-unkown-cause-china/en/> (дата обращения: 29.04.20).
- Report of the WHO-China Joint Mission on Coronavirus Disease 2019 (COVID-19). World Health Organization. 2020. 16-24 February. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/> (дата обращения: 26.04.20).
- 湖北黃岡：城鐵站、火車站離開黃岡市區通道暫時關閉. Hong Kong China News Agency. 2020. 23 January. URL: <http://www.hkna.hk/content/2020/0123/805512.shtml> (дата обращения: 28.04.2020).
- Xi stresses winning people's war against novel coronavirus. Xinhua. 2020. 2 October. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-02/10/c_1387715 (дата обращения: 22.04.20).
- China Ends Wuhan Lockdown, but Normal Life Is a Distant Dream. The New York Times. 2020. 7 April. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/07/world/asia/wuhan-coronavirus.html> (дата обращения: 21.04.20).
- Tim O'Donnell: China says all coronavirus patients in Wuhan have been discharged. 2020. 26 April. URL: <https://news.yahoo.com/china-says-coronavirus-patient> (дата обращения: 29.04.20).
- Ахметов А. О чем говорили на цифровом форуме в Алматы // МИА Kazinf.rn. – Алматы., 2018. – 02.02. – Режим доступа: http://www.inform.kz/ru/o-chemgovorili-na-cifrovom-forume-v-almaty_a3141750 (дата обращения: 28.04.2020).
- Белоконова Е. «Чудо-больница», которую в Китае возводят за неделю — это строительные вагончики. 2020. 30 января. URL: <https://www.kp.ru/daily/27085/4157279/> (дата обращения: 24.04.2020).
- Explainer: Seven ways the coronavirus affects human rights. Amnesty International. 2020. 5 February. URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2020/02/explai> (дата обращения: 23.04.20).
- На фоне волнений от коронавируса Китай заработал свыше 20 млрд долларов. 2020. 5 февраля. URL: <https://m.bk55.ru/news/article/163757/> (дата обращения: 23.04.20).
- Батыршин Т. В Казахстане продлили режим ЧП и карантин в крупных городах до мая. 2020. 10 апреля. URL: <https://ria.ru/20200410/1569851176.html> (дата обращения: 28.04.2020).
- Жителям Казахстана без жилья компенсируют \$35 за услуги ЖКХ. 2020. 2 мая. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2936304.html> (дата обращения: 02.05.2020).
- В Киргизии введен режим ЧС из-за коронавируса. 2020. 21 марта. URL: <https://www.>

- interfax.ru/world/700280 (дата обращения: 25.04.2020).
19. Дружинин А. Путин поручил подготовить рекомендации по снятию ограничений с 12 мая. 2020. 28 апреля. URL: <https://ria.ru/20200428/1570699540.html> (дата обращения: 29.04.2020).
  20. Есаянц А. В Армении ограничения на передвижение планируют отменить с 4 мая. 2020. 1 мая. URL: <https://ria.ru/20200501/1570861659.html> (дата обращения: 01.05.2020).
  21. Гальперин А. Голикова раскрыла статистику смертности от коронавируса по возрастам. 2020. 24 апреля. URL: <https://ria.ru/20200424/1570542124.html> (дата обращения: 28.04.2020).
  22. В Белоруссии карантин не вводили «ради промышленности» — Клишевич. 2020. 2 мая. URL: https://regnum.ru/news/2936138.html?utm_source=yxnews (дата обращения: 02.05.2020).
  23. Приходько Е. Коронавирус в Беларуси, последние новости на 1 мая 2020 года: удручающий прогноз ЕС и праздник Первомай, который ушел в интернет. 2020. 1 мая. URL: <https://www.kp.by/daily/27126/4209068/> (дата обращения: 02.05.2020).
  24. Таджикистан признал коронавирус дипломатически. 2020. 16 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/amp/4322778> (дата обращения: 26.04.2020).
  25. Зырянова А. Власти Туркмении запретили слово «коронавирус» в интернете. 2020. 31 марта. URL: <https://www.kp.ru/online/news/3817787/> (дата обращения: 27.04.2020).
  26. Rogers K. 1968 flu pandemic. 2020. 25 March. URL: <https://www.britannica.com/event/Hong-Kong-flu-of-1968> (дата обращения: 28.04.2020).
  27. Черных Е. Не так страшна Эбола, как ее малевал Обама. 2014. 7 декабря. URL: <https://www.kp.ru/daily/26317.7/3195522/> (дата обращения: 22.04.2020).
  28. WHO: Ebola response roadmap update. World Health Organization. 2014. 16 September. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/1335> (дата обращения: 21.04.2020).
  29. Михальчевский К. Хлеба, зрелищ и карету: какие отрасли выиграют в эпоху карантина. 2020. 21 марта. URL: <https://ria.ru/20200321/1568941450.html> (дата обращения: 24.04.2020).
  30. Бриус А. Киберспорт набирает популярность в условиях карантина. 2020. 26 марта. URL: <https://sport.rambler.ru/other/43913576-kibersport-na> (дата обращения: 23.04.2020).
  31. Песня В. МГУ уже подготовился к дистанционной сессии. 2020. 10 апреля. URL: <https://ria.ru/20200410/1569854211.html> (дата обращения: 20.04.2020).
  32. Литвиненко Ю. Zoom раскрывает личные адреса и телефоны пользователей «Яндекса». 2020. 6 апреля. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/04/02/826865-zoom-yandexsa> (дата обращения: 29.04.2020).
  33. Coronavirus pandemic has unleashed a wave of cyber attacks – here’s how to protect yourself. 2020. 5 April. URL: <https://thenextweb.com/syndication/2020/04/05/coronav> (дата обращения: 28.04.2020).
  34. Горячая линия министерства здравоохранения РК. 2020. 3 мая. URL: <https://www.coronavirus2020.kz/> (дата обращения: 03.05.2020).
  35. COVID-19 in US and Canada. 2020. 3 May. URL: <https://coronavirus.1point3acres.com/en> (дата обращения: 03.05.2020).
  36. Liptak K. Trump declares national emergency — and denies responsibility for coronavirus testing failures. 2020. 14 March. URL: <https://edition.cnn.com/2020/03/13/politics/donald-tr> (дата обращения: 27.04.2020).
  37. Трамп назвал маловероятным введение общенационального карантина в США. 2020. 31 марта. URL: <https://iz.ru/993582/2020-03-31/>

- [tramp-nazval-malovero](#) (дата обращения: 29.04.2020).
38. Об оказании помощи Россией странам-партнерам в борьбе с новой коронавирусной инфекцией. 2020. 22 марта. URL: <https://e-cis.info/news/564/86093/> (дата обращения: 27.04.2020).
39. Гопинат Г. Великая самоизоляция: самый глубокий экономический спад со времен Великой депрессии. 2020. 15 апреля. URL: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/04/14/blog-weo-the-great-lockdown-worst-economic-downturn-since-the-great-depression> (дата обращения: 25.04.20).

REFERENCES:

- List of Blueprint priority diseases. World Health Organization. 2018. 6 February. URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/2018prioritization-report.pdf?ua=1> [Accessed: 25.04.2020].
- Middle East respiratory syndrome coronavirus (MERS-CoV). World Health Organization. 2019. 30 ноября URL: <https://www.who.int/emergencies/mers-cov/en/> [Accessed: 23.04.2020].
- Q&A on coronaviruses (COVID-19). World Health Organization. 2020. 17 April. URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/question-and-answers-hub/q-a-detail/q-a-coronaviruses> [Accessed: 23.04.2020].
- Coronavirus disease 2019 (COVID-19). World Health Organization. 2019. 2 April. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronavirus/> [Accessed: 25.04.2020].
- China's coronavirus lockdown strategy: brutal but effective. 2020. 29 April. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/19/chinas-coronavirus-lockdown-strategy-brutal-but-effective> [Accessed: 30.04.20].
- Pneumonia of unknown cause — China. World Health Organization. 2020. 5 January. URL: <https://www.who.int/csr/don/05-january-2020-pneumonia-of-unkown-cause-china/en/> [Accessed: 29.04.20].
- Report of the WHO-China Joint Mission on Coronavirus Disease 2019 (COVID-19). World Health Organization. 2020. 16-24 February. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronavirus/> [Accessed: 26.04.20].
- Hubei, Huanggang: Huanggang railroad stations are temporarily closed. 2020. 23 January. URL: <http://www.hkcn.hk/content/2020/0123/805512.shtml> [Accessed: 28.04.2020] (In China).
- Xi stresses winning people's war against novel coronavirus. 2020. 2 October. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-02/10/c_1387715 [Accessed: 22.04.20].
- China Ends Wuhan Lockdown, but Normal Life Is a Distant Dream. 2020. 7 April. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/07/world/asia/wuhan-coronavirus.html> [Accessed: 21.04.20].
- Tim O'Donnell: China says all coronavirus patients in Wuhan have been discharged. 2020. 26 April. URL: <https://news.yahoo.com/china-says-coronavirus-patient> [Accessed: 29.04.20].
- Akhmetov A. What was discussed at the digital forum in Almaty // MIA Kazinf.rm. – Almaty., 2018. – 02.02. – Access mode: http://www.inform.kz/ru/o-chemgovorili-na-cifrovom-forume-v-almaty_a3141750.
- Belokonova E. «The Miracle Hospital», which is being built in China in a week, is construction trailers. 2020. 30 January. URL: <https://www.kp.ru/daily/27085/4157279/> [Accessed: 24.04.2020] (In Russ.).
- Explainer: Seven ways the coronavirus affects human rights. 2020. 5 February. URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2020/02/explai> [Accessed: 23.04.20].
- Amid coronavirus unrest, China has earned over \$ 20 billion. 2020. 5 February. URL: <https://m>

- bk55.ru/news/article/163757/ [Accessed: 23.04.20] (In Russ.).
16. Batyrshin T. Kazakhstan extended the state of emergency and quarantine in large cities until May. 2020. 10 April. URL: <https://ria.ru/20200410/1569851176.html> [Accessed: 28.04.2020] (In Russ.).
17. Residents of Kazakhstan without housing are compensated \$ 35 for housing and communal services. 2020. 2 May. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2936304.html> [Accessed: 02.05.2020] (In Russ.).
18. Emergency mode introduced in Kyrgyzstan due to coronavirus. 2020. 21 March. URL: <https://www.interfax.ru/world/700280> [Accessed: 25.04.2020] (In Russ.).
19. Druzhinin A. Putin instructed to prepare recommendations for lifting restrictions starting on May 12. 2020. 28 April. URL: <https://ria.ru/20200428/1570699540.html> [Accessed: 29.04.2020] (In Russ.).
20. Yesayants A. In Armenia, restrictions on movement are planned to be lifted from May 4. 2020. 1 May. URL: <https://ria.ru/20200501/1570861659.html> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
21. Halperin A. Golikova uncovered the statistics of mortality from coronavirus by age. 2020. 24 April. URL: <https://ria.ru/20200424/1570542124.html> [Accessed: 28.04.2020] (In Russ.).
22. In Belarus, quarantine was not introduced «for the sake of industry» — Klishevich. 2020. 2 May. URL: https://regnum.ru/news/2936138.html?utm_source=yxnews [Accessed: 02.05.2020] (In Russ.).
23. Prikhodko E. Coronavirus in Belarus, latest news on May 1, 2020: depressing EU forecast and online May Day. 2020. 1 May. URL: <https://www.kp.by/daily/27126/4209068/> [Accessed: 02.05.2020] (In Russ.).
24. Tajikistan diplomatically recognized coronavirus. 2020. 16 April. URL: <https://www.kommer-sant.ru/amp/4322778> [Accessed: 26.04.2020] (In Russ.).
25. Zyryanova A. The authorities of Turkmenistan have banned the word «coronavirus» on the Internet. 2020. 31 March. URL: <https://www.kp.ru/online/news/3817787/> [Accessed: 27.04.2020] (In Russ.).
26. Rogers K. 1968 flu pandemic. 2020. 25 March. URL: <https://www.britannica.com/event/Hong-Kong-flu-of-1968> [Accessed: 28.04.2020].
27. Chernykh E. Ebola is not as terrible as Obama painted it. 2014. 7 December. URL: <https://www.kp.ru/daily/26317.7/3195522/> [Accessed: 22.04.2020] (In Russ.).
28. WHO: Ebola response roadmap update. World Health Organization. 2014. 16 September. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/1335> [Accessed: 21.04.20].
29. Mikhailchevsky K. Bread, circuses and carriage: which industries will benefit in the era of quarantine. 2020. 21 March. URL: <https://ria.ru/20200321/1568941450.html> [Accessed: 24.04.2020] (In Russ.).
30. Brius A. ESports is gaining popularity in quarantine. 2020. 26 March. URL: <https://sport.rambler.ru/other/43913576-kibersport-na> [Accessed: 23.04.2020] (In Russ.).
31. Pesnya V. Moscow State University has already prepared for the distance session. 2020. 10 April. URL: <https://ria.ru/20200410/1569854211.html> [Accessed: 20.04.2020] (In Russ.).
32. Litvinenko Yu. Zoom discloses personal addresses and phone numbers of Yandex users. 2020. 6 April. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/04/02/826865-zoom-yandeksa> [Accessed: 29.04.20] (In Russ.).
33. Coronavirus pandemic has unleashed a wave of cyber attacks – here’s how to protect yourself. 2020. 5 April. URL: <https://thenextweb.com/syndication/2020/04/05/coronav> [Accessed: 28.04.2020].
34. Hot line of the Ministry of Health of the Republic of Kazakhstan. 2020. 3 May. URL: <https://>

- www.coronavirus2020.kz/ [Accessed: 03.05.2020] (In Russ.).
35. COVID-19 in US and Canada. 2020. 3 May. URL: <https://coronavirus.1point3acres.com/en> [Accessed: 03.05.2020].
36. Liptak K. Trump declares national emergency — and denies responsibility for coronavirus testing failures. 2020. 14 March. URL: <https://edition.cnn.com/2020/03/13/politics/donald-tr> [Accessed: 27.04.20].
37. Trump called the introduction of a nationwide quarantine in the United States unlikely. 2020. 31 March. URL: <https://iz.ru/993582/2020-03-31/tramp-nazval-malovero> [Accessed: 29.04.2020] (In Russ.).
38. On Russian assistance to partner countries in the fight against a new coronavirus infection. 2020. 22 March. URL: <https://e-cis.info/news/564/86093/> [Accessed: 27.04.2020] (In Russ.).
39. Gopinat G. Great self-isolation: the deepest economic downturn since the Great Depression. 2020. 15 April. URL: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/04/14/blog-weo-the-great-lockdown-worst-economic-downturn-since-the-great-depression> [Accessed: 25.04.20] (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Олег Г. Карпович, доктор юридических наук, доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2;
iskran@yahoo.com

Валерий О. Литвинов, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2;
valeriy.litvinov2015@yandex.ru

Oleg G. Karpovich, Doctor of Law, Doctor of Political Sciences, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
iskran@yahoo.com

Valery O. Litvinov, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
valeriy.litvinov2015@yandex.ru

<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-327-346>

Потенциал развития экономического сотрудничества России со странами ЕАЭС и СНГ

Аза А. Мигранян

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия,

A.mihranyan29@gmail.com

Аннотация: В статье исследованы особенности экономической ситуации и потенциал развития региональной интеграции России и стран СНГ и ЕАЭС. Сложность сложившейся ситуации экономического спада на фоне пандемии COVID-19 и турбулентности мировых рынков энергоносителей оказывает неоднозначное влияние не только на экономический спад в странах региона, но и на процессы интеграции, их характер и перспективы развития. В данном контексте актуальным представляется исследование комплекса взаимосвязанных процессов с точки зрения формирования экономической политики стран, их внешнеэкономических ориентиров и целей. При этом методика комплексной оценки потенциала развития региональной интеграции основана на следующих постулатах: необходимости координации и развития стратегий экономического развития и геополитических стратегий; формирования привлекательности российской экономики как ядра интеграции; развития общих рынков энергоресурсов как базовой платформы интеграции в ЕАЭС.

Ключевые слова: региональная интеграция, экономическая политика, экономический кризис, потенциал экономического сотрудничества

Для цитирования: Мигранян А. А. Потенциал развития экономического сотрудничества России со странами ЕАЭС и СНГ. *Проблемы постсоветского пространства.* 2020;7(3):327-346. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-327-346>

Статья поступила 19.06.2020

Принята в печать 29.07.2020

Опубликована 03.09.2020

Potential of development of economic cooperation between Russia and EAEU and CIS countries

Aza A. Migranyan

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

A.mihranyan29@gmail.com

Abstract: The article examines the peculiarities of the economic situation and the potential for the development of regional integration of Russia and the CIS and EAEU countries. The complexity of the current economic downturn against the backdrop of the COVID-19 pandemic and

the turbulence of world energy markets has a mixed impact not only on the economic downturn in the countries of the region, but also on integration processes, their nature and development prospects. In this context, the study of a set of interrelated processes from the point of view of the formation of economic policies of countries, their foreign economic guidelines and goals is relevant. At the same time, the methodology for integrated assessment of the development potential of regional integration is based on the following assumptions: the need to coordinate and develop economic development strategies and geopolitical strategies; creating the attractiveness of the Russian economy as a core of integration; development of common energy markets as the basic platform for integration in the EAEU.

Keywords: regional integration, economic policy, economic crisis, potential of economic cooperation

For citation: Migranyan A. A. Potential of development of economic cooperation between Russia and EAEU and CIS countries. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(3):327-346. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-327-346>

Received 19.06.2020

Revised 29.07.2020

Published 03.09.2020

ВВЕДЕНИЕ

Уникальность сложившейся ситуации экономического кризиса, усиленного пандемией, создает идеальные условия для развития и расширения экономического сотрудничества в рамках созданных интеграционных объединений с участием России. Так как объединение торгового, финансового и промышленно-технологического потенциала двух и более стран может способствовать:

- ускоренному внедрению нового технологического уклада (цифровой экономики), решению глубинных проблем повышения рентабельности и конкурентоспособности производимой продукции за счет объединения ресурсов, расширения единого экономического пространства;
- устранению противоречий на общих рынках энергоресурсов, что является системообразующим фактором для экономического роста не только стран экспортеров минерального сырья;

- развитию экономического, инновационного и инвестиционного сотрудничества между странами посредством совмещения опыта государственного регулирования и планирования в экономике с рыночными отношениям;
- совершенствованию сектора общественного производства, уровня социальной защищенности и обеспечения безопасности.
- Для достижения указанных параметров необходимо преодоление кризисных явлений [1], противоречий между странами-партнерами по интеграции и выработки компромиссов во взаимодействии разных экономических моделей и институтов государственного управления.

СПЕЦИФИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2020 ГОДА

Сложившаяся в условиях пандемии ситуация в мировой экономике характеризуется как системный экономический кризис.

Задача практиков и исследователей заключается в оценке глубины и сложности последствий экономического спада мировой экономики. Сравнение данной ситуации со всеми предыдущими кризисам позволяет выявить ряд характеристик специфичности его проявления.

Во-первых, истоки данного кризиса формировались практически все последнее десятилетие [2]. После кризисного спада 2008 г. усугубился институциональный кризис мировой экономики, а структурный кризис национальных экономических систем на стыке различных технологических укладов [3] обусловил необходимость радикальной смены мирохозяйственных отношений.

Во-вторых, смена технологических укладов (на данный момент ускоренная цифровизация), формируя новый тип производственных отношений, порождает совершенно иные требования к организации производственной, инновационной деятельности, что в свою очередь радикально меняет систему управления и макроэкономического регулирования.

На современном этапе необходимость государственного стимулирования (участия) в поддержке и развития конкурентоспособности национальных систем признана во всех экономических моделях. Это примирило либертарианский подход абсолютной свободы конкуренции на рынке и кейнсианцев, отстаивающих необходимость государственного вмешательства в преодоление провалов рынка [4]. Новая реальность в условиях смены технологи-

ческих укладов не просто легализует роль государства в обеспечении экономического развития, а признает базовую функцию государства в рыночной экономике, ограничивая его лишь экономическим потенциалом страны и конкурентоспособностью государственных стратегий стимулирования и развития частно-государственных партнерств.

В-третьих, переживаемый нами мировой экономический кризис наиболее ярким маркером, которого стал обвал рынка нефти, усугубляется ситуацией пандемии с практически повсеместным ограничением свободы экономической деятельности. Противозидемические и карантинные меры стали триггером, ускоряющим кризисный спад и обнажающим проблемы и «узкие места» экономических систем [5]. В России по официальным данным потери ВВП за год Центральным Банком прогнозируются до 6 %¹, а Министерство экономического развития до 1,9 %², пессимистичный прогноз достигает 10 %³. При этом потери российской экономики, прежде всего, обусловлены турбулентностью нефтяного рынка. Падение цен в феврале-апреле 2020 г. (с 55 \$ за баррель марки Brent и до 19 \$, не считая критического спада 21.04 до 9 \$ за баррель) привели к сокращению экспорта энергоресурсов на 10-15 % при расчетной цене нефти марки Urals в 27 \$ за баррель, выпадение экспортной выручки привело впервые за все годы новейшей истории к формированию дефицита платежного баланса на \$35 млрд (6 % ВВП)⁴.

¹ Оценка ключевых агрегатов платежного баланса Российской Федерации в январе-мае 2020 года. Официальный сайт ЦБ РФ. Доступно по URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/bop-eval/

² Картина деловой активности апрель, май 2020. Министерство экономического развития РФ. Доступно по URL: <https://ecocnomy.gov.ru>

³ Неожиданные 12%: что удивляет в официальной статистике по падению экономики России. Доступно по URL: <https://www.rbc.ru/economics/24/04/2020/5ea19aff9a7947282c785981>

⁴ Картина деловой активности апрель, май 2020. Министерство экономического развития РФ. Доступно по URL: <https://ecocnomy.gov.ru>

В-четвертых, специфичность проявления кризиса в условиях пандемии требует мобилизации всех ресурсов экономики, так как в отличие от всех предыдущих кризисов в мировой экономической системе он накладывается на всеобщий социально-гуманитарный кризис. Карантинные ограничения практически лишили доходов большую часть населения и свели к минимуму деловую активность. Это нарушило базовый принцип функционирования рыночной экономики: баланс спроса и предложения на рынке из-за потери покупательской способности населения. Во избежание взрыва социального напряжения государства вынуждены взять на себя (частично перекладывая на частный бизнес) бремя дополнительных расходов по жизнеобеспечению населения. Никогда в мире государства не оказывали столь существенную материальную поддержку своему населению как в период пандемии COVID-19 [6]. Беспрецедентная социализация экономических отношений и вмешательство государства в рыночную экономику обуславливают смену приоритетов развития в пользу общественного сектора экономики.

В-пятых, рост государственных расходов при одновременном сокращении доходов, а для России и санкционного ограничения доступа к мировым финансовым и инвестиционным рынкам, обуславливают растущую потребность повышения рентабельности рыночного сегмента экономики посредством ускоренной оптимизации расходов, повышения производительности и технологичности производства.

В этих условиях стал проявляться устойчивый тренд на проведение суверенной политики во внешней политике, направ-

ленной на защиту национальных интересов и экономической безопасности, что ускорило процесс деглобализации международных отношений. При этом внешнеторговые отношения перестраиваются в пользу взаимовыгодных торговых и финансовых контактов, выстраивание которых комфортнее в формате регионального интеграционного сотрудничества.

Международное экономическое сотрудничество является одним из наиболее действенных и эффективных инструментов укрепления партнерских отношений и развития собственной экономической мощи для любой страны при условии наличия четких, грамотно сформулированных и достижимых целевых ориентиров, являющихся неотделимой частью внешнеэкономической политики государства.

Потенциал расширения и развития экономического партнерства со странами пояса соседства из числа стран СНГ рассматриваются в России как приоритетные и с точки зрения развития своего конкурентного потенциала, и с точки зрения обеспечения геополитических задач сохранения своего влияния в данном регионе. Тем не менее, внешнеэкономическая стратегия Российской Федерации до 2020 г.⁵ как в общей части, так и в разделе, посвященном сотрудничеству со странами СНГ⁶, не предусматривает целевых установок, инструментов или механизмов, которые бы непосредственно увязывались с конкретными ожиданиями в части достижения эффектов от использования внешнеэкономической деятельности (ВЭД) при достижении геополитических целей [7]. В то время как четко прописанная взаимосвязь внешнеэкономической политики и геополитических стра-

⁵ Официальный сайт Министерства экономического развития. Доступно по URL: <http://old.economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreignEconomicActivity/vec2020>

⁶ Там же раздел 5.1 с.24-27

тегий обеспечивает эффективность политики США, стран ЕС и КНР на мировой арене.

В условиях либерализации внешней торговли в рамках ЕАЭС и преференциальных режимов торговли с большинством стран СНГ в формате ЗСТ [8] отсутствие взаимодополняемости внешнеэкономической политики и геополитических стратегий обуславливает доминирование цели максимизации прибыли как базового критерия эффективности ВЭД российских участников. Данный подход не способствует достижению долгосрочных целей экономического развития страны, содействию модернизации её экономики и промышленности кооперации с партнерами, углублению интеграции и расширению (укреплению) влияния России в стратегически важном для неё регионе стран СНГ.

В этой связи для России наибольшую актуальность приобретают исследования потенциала и перспектив развития взаимовыгодного сотрудничества в рамках региональных блоков СНГ, ЕАЭС и СГ, в которых она участвует. Однако перечисленные форматы интеграционного сотрудничества характеризуются недостаточной степенью экономической эффективности в силу большого количества геополитических, экономических факторов, разнонаправленности национальных интересов России и партнеров по интеграционным блокам, в силу существенных различий в институциональной системе государств, уровня развития конкурентных отношений и собственно экономической моделей этих стран. Наиболее существенным препятствием раскрытия потенциала полноценной экономической интеграции России и стран партнеров по СНГ, ЕАЭС и СГ являются различия экономических систем партнеров и их интересов. А триггером интеграционного сближения эффективность российской экономики, емкость ее рынка и устойчивость

покупательского спроса, так как качество и состояние экономики России формирует привлекательность экономической интеграции в рассматриваемых форматах.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ

В перечисленных форматах региональной интеграции российская экономика составляет ядро (более 90 % совокупного экономического потенциала), что определяет их центробежный характер. Поэтому именно состояние российской экономики определяет состояние, темпы и характер развития экономического сотрудничества.

Экономика России характеризуется высокой степенью рыночных свобод, практическим отсутствием планирования, преобладанием крупного бизнеса и растущим уровнем макроэкономического регулирования. Темпы роста экономики России отличаются турбулентностью (рис. 1), т. к. сильно зависят от конъюнктуры мирового рынка и волатильности цен на основные сырьевые группы товаров (особенно минеральные энергетические ресурсы). Частота кризисных провалов российской экономики не привели к существенному изменению отраслевой структуры ее экономики и технологичности. Экстенсивный тип воспроизводства в России поддерживается растущим уровнем потребления со стороны домохозяйств и государства, а также масштабными инвестиционными вливаниями.

Цикличность российской экономики, ее сырьевая экспортная ориентированность не позволяет создать условия для опережающего развития, внедрения новых технологий, развития конкурентоспособности.

Экономическая модель России, несмотря на высокий экономический потенциал, неустойчива и требует перехода при сохранении тех же параметров инвестиционных возможностей на модель индустриального расширенного воспроизводства,

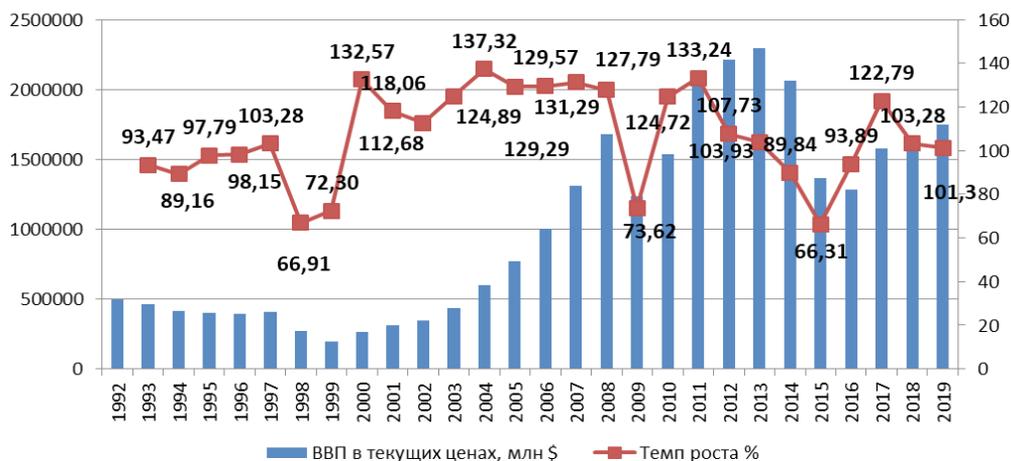

Рис. 1. Динамика ВВП России в 1992-2019 гг.

* Составлено автором по данным статистической базы UNCTAD

что является достаточно сложной задачей при кризисном спаде из-за отсутствия доступа к внешним источникам инвестирования (режим санкционных ограничений ЕС и США). Ситуация усугубляется тем, что каждый последующий восстановительный этап характеризуется более низкими темпами и период восстановления докризисного уровня занимает все больше времени (после кризиса 2008 г. восстановление произошло лишь в 2011 г. до уровня 100,4 %, после кризиса 2014 г. экономика докризисный уровень был достигнут только в 2018 г. 101 %). Поэтому на этапе очередного кризисного спада российской экономике необходимы дополнительные источники радикальной реструктуризации своей экономики, которые могут быть частично компенсированы потенциалом сотрудничества с партнерами по интеграционным блокам.

Ухудшение экономической ситуации в России наблюдалось уже к концу 2019 г.,

замедление роста с 2,5 % в 2018 г. до 1,3 % в 2019 г. было обусловлено спадом спроса на основные экспортные позиции (минеральное топливо, металлы), монетарной и фискальной политикой (стабильный курс рубля, низкий уровень инфляции 3 % и увеличение ставки НДС на 2 % не способствовали росту валового производства и деловой активности). Это привело к снижению профицита бюджета на 0,8 % к ВВП (с 2,6 % в 2018 г. до 1,6 % в 2019 г.).

Значение базовых макроэкономических параметров существенно ухудшились по итогам первых 4-х месяцев 2020 г. вследствие карантинных ограничений в условиях пандемии. Только в апреле наблюдался спад промышленности на 14,8 %, розничной торговли на 25 %. По итогам 2020 г. ожидается снижение ВВП на 5-6 %, потери налоговых доходов может способствовать образованию дефицита бюджета на уровне 4 % от ВВП (в начале года планировался профицит 0,8 % от ВВП)⁷. Основными факторами

⁷ Прогнозы Министерства финансов РФ. Официальный сайт.

экономического кризиса в 2020 г. по прогнозам МВФ стали снижение деловой активности в рамках карантинных ограничений, потери МСБ, рост расходов на поддержку социальной сферы, падение цен на основные сырьевые товары⁸, рост коммерческих и валютных рисков из-за волатильности национальных валют, рост инфляции и самое важное падение спроса, как на мировом, так и на внутренних рынках.

Таким образом, кризис пандемии усиливает системные проблемы российской экономики, к которым следует отнести:

- 1) Российская экономика не сумела решить проблему сырьевой зависимости, что обуславливает ее статус «периферийной экономики» на мировых рынках, зависящей от волатильности цен на основные ресурсы и конъюнктуры спроса на них.
- 2) Недостаточная степень диверсификации экономики, технологичности и конкурентоспособности производимой продукции, обусловлены дефицитом финансовых (инвестиционных) ресурсов, который сложно преодолеть из-за высоких входных барьеров на мировые рынки (санкции и жесткая геополитическая конфронтация на мировой арене) и низким уровнем сбережения (инвестиций) внутри страны.
- 3) Макроэкономическая и фискальная политика государства противоречива и не стимулирует рост уровня благосостояния населения, деловой и инвестиционной активности, что в свою очередь становится сдерживающим фактором развития инновационной деятельности, внедрения новых технологий, модернизации реального сектора, повышения производительности труда.
- 4) Наиболее уязвим финансовый сектор экономики, так как монетарная политика, направленная на таргетирование инфляции в условиях режима свободного плавания валютного курса, стимулирует отток капиталов из страны, вымывание государственных финансов на поддержание стабильности валютного рынка и низкого уровня инфляции, приводит к удорожанию долгосрочных кредитов, необходимых для развития производственного сектора.
- 5) Совокупное влияние этих факторов обуславливает крайне низкий уровень использования научно-технологического потенциала (внедрение новых разработок и открытий), высокий уровень коммерческих рисков (валютные риски, долларизация экономики), уязвимость финансовой безопасности.
- 6) Предпринимаемые антикризисные меры [9] направлены на стабилизацию ситуации и не смогут способствовать решению системных проблем. Глубина и специфика текущего кризисного спада заключается в масштабном сжатии совокупного спроса, являющегося драйвером экономического роста. Это обусловило применение беспрецедентных мер поддержки населения и малого бизнеса посредством прямого субсидирования (выдачи денежных средств) для поддержки социально незащищенных слоев населения. Однако ограниченность финансовых возможностей в России оценивается как недостаточная для поддержания докризисного уровня спроса на рынке (уровень расходов на поддержку населения в развитых странах составил 5–15 % от ВВП, а в РФ только 1–1,5 %).

⁸ До 50 % падение цен на нефть и нефтепродукты, на 11,3 % на металлы, 4,5 % на продовольствие и на 7,7 % на калийные удобрения. Источник Макрообзор ЕАБР 04.2020. Обновленный прогноз. С.6. Доступно по URL: https://eabr.org/upload/iblock/5c8/EABR_Macroview_04_2020_RU_web.pdf

Таким образом, сложившиеся условия в российской экономике в условиях низких цен на основные энергоносители и экономических потерь из-за обвала спроса и деловой активности при борьбе с COVID-19 требуют кардинальной смены экономической модели расширенного потребления, системы кредитных отношений и собственно архитектуры взаимного сотрудничества.

Очевидно, что именно фактор модели потребления станет основным критерием формирования новой системы экономических отношений, и дальнейшего экономического поведения контрагентов и национальных экономик. Понятно, что в зависимости от степени финансовой обеспеченности будет наблюдаться и возврат к модели расширенного потребления. В странах с меньшей финансовой обеспеченностью, как на уровне государства, так и на уровне индивида возможен переход к модели сбережения или догоняющего потребления. Особенно это актуально для стран постсоветского пространства.

Условия санитарного ограничения позволяют активно использовать политические, административные ограничители, ускорить процесс цифровизации и усиление регуляторных механизмов создают идеальные условия для ускоренного реформирования экономических систем. Кроме того, борьба с пандемией позволяет кардинально пересмотреть базовые экономические принципы, а именно сменить приоритеты и целевые ориентиры экономического развития. Приоритетом становится обеспечение экономической безопасности, а не победа в глобальной конкуренции; контроль и массовое внедрение новых технологических платформ, разработок (особенно в сфере медицины, контроля активности граждан,

государственных услуг, образования и частично торговли, сервисных услуг и т. п.), а не гонка за лидерством по новым технологиям. Смена приоритетов станет основным условием формирования кризисно-устойчивой экономической системы.

В данных условиях роль региональных интеграционных блоков приобретает большое значение в вопросах обеспечения стабильности национальных рынков, обеспечения экономической, а именно продовольственной, санитарно-гигиенической и финансовой безопасности, а также обеспечение противозидеологической борьбы. Это краткосрочная задача интеграционных союзов, в среднесрочной перспективе интеграция может стать дополнительным источником восстановления экономики.

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ СО СТРАНАМИ ЕАЭС И СНГ

Учитывая незавершенность интеграционных процессов и несовершенство институциональной системы ЕАЭС и СНГ, в условиях кризисного спада и пандемии необходима выработка системы мер:

- по обеспечению стабильности и социально-экономической безопасности,
- переходу от ресурсной модели к технологической,
- инвестиционному стимулированию,
- созданию универсальной расчетно-платежной системы с высоким уровнем защиты и совмещенных цифровых платформ систем управления, контроля и регулирования средств информации.

Принятый пакет мер⁹ Евразийской комиссии в период пандемии показал готовность стран участниц к более тесному со-

⁹ Официальный сайт ЕЭК. Доступно по URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/10-04-2020-1.aspx>

трудности и был направлен на решение проблемы полного обеспечения текущих потребностей стран ЕАЭС в продуктах питания, медицинских средствах и аппаратуре, в товарах первой необходимости за счет либерализации таможенного режима («зеленый коридор» для товаров и транспортных средств, отмена таможенных сборов и платежей, переход на электронное декларирование). Данная система мер позволяет облегчить товарооборот между странами и в основном рассчитана на систему государственных закупок и снабжения. В подавляющем большинстве случаев имеется в виду российская система государственных закупок в части медицинских средств и продукции как по экспорту, так и по импорту. В части продуктов питания и товаров первой необходимости облегчен доступ на национальные рынки всем участникам рынка. При этом данные меры не ставят своей целью поддержание высокого уровня внешнеторговой активности в странах Союза. Этой же цели не будут способствовать решения, связанные с ограничениями экспорта по ряду стратегически важных продуктов.

Решения, связанные с организацией бесперебойного транзита, содействия противовирусным мероприятиям, правового регулирования скорее носят вспомогательный характер, и не окажут существенного влияния на деятельность национальных структур.

Меры, предполагающие поддержание макроэкономической стабильности, в ЕАЭС скорее можно охарактеризовать как меры поддержания финансово-экономической безопасности и сохранения экономической системы в пределах контроля национальных макрорегуляторов.

Наиболее чувствительными являются система валютных и платежно-расчетных систем стран ЕАЭС. Однако решение по поддержанию валютных курсов могут носить

лишь защитный характер в случае кризисного спада стоимости национальных валют. Современный уровень Договора о Союзе и правовая база не позволяет каким-то образом корректировать волатильность национальных валют. При отсутствии действенных механизмов корреляции странам ЕАЭС в валютной сфере доступны лишь стимулирование к переходу на расчеты в национальных валютах с целью минимизации влияния валютного курса доллара и переход к национальным платежным системам (на сегодня не решаемая задача при отсутствии собственных эффективно работающих национальных систем, частично платежная система МИР).

Стимулирование ускоренной цифровизации процессов таможенной очистки товаров и транспортных средств, логистических процессов более реалистичная задача, которая может существенно сократить время доставки продукции к потребителю.

Оценить влияние предлагаемых мер по поддержке экономик стран Союза будет возможно при появлении статистики, которая позволит выявить интеграционную связанность стран. Очевидно, что моноцентричность евразийской интеграции обуславливает зависимость стран партнеров от российского сегмента как основного генератора экономического роста. При этом «эффект заражения» кризисными явлениями будет пропорционален связанности национальных систем с российской.

Разноуровневый формат интеграционного взаимодействия России со странами СНГ позволяет ранжировать эти страны по критерию интенсивности развития преференциальных условий экономического сотрудничества. При этом степень интеграционной близости не совпадает со значимостью и ролью стран СНГ для России по эффективности экономического сотрудничества и в геополитическом аспекте.

В этой связи актуальность ретроспективной оценки достижений экономического сотрудничества России со всеми странами СНГ в разных форматах может позволить выявить скрытый потенциал расширения экономических связей с целью обеспечения устойчивого роста, развития собственной экономики и достижения своих геостратегических целей в регионе.

Евразийский экономический союз можно рассматривать в качестве базовой платформы интеграционного сближения и развития экономического сотрудничества России со своими ближайшими партнерами [7]. Безусловно, именно интенсивность интеграционного сближения обуславливает рост потенциала экономического сотрудничества. Созданные общие товарные рынки с единым таможенным пространством позволили существенно ускорить рост взаимного торгового оборота в первые годы функционирования до 44 % с 2010 г. по 2012 г. за счет эффекта торговли, в последующие периоды темп роста торговли снижался по сравнению с базовым перио-

дом. Цикличность темпов роста взаимной торговли между странами Союза (рис. 2) полностью совпадает с макроэкономическими трендами развития стран членов, падением темпов экономического сотрудничества в период кризиса 2015 г. и восстановительным ростом в последующие годы. В целом характер и тенденции развития взаимного экономического сотрудничества в ЕАЭС в полной мере соответствуют динамике и тенденциям развития интеграционных систем, независимо от форм их институционализации.

Экономические эффекты интеграции исследованы достаточно глубоко и системно зарубежными и отечественными учеными [10, 7]. В основном эти исследования оценивают институциональные, торговые, финансово-экономические, правовые и социальные эффекты интеграции, которые в большинстве своем ограничиваются качественными оценками различных параметров этих эффектов. Оценка экономических эффектов евразийской интеграции позволяет фиксировать практически клас-

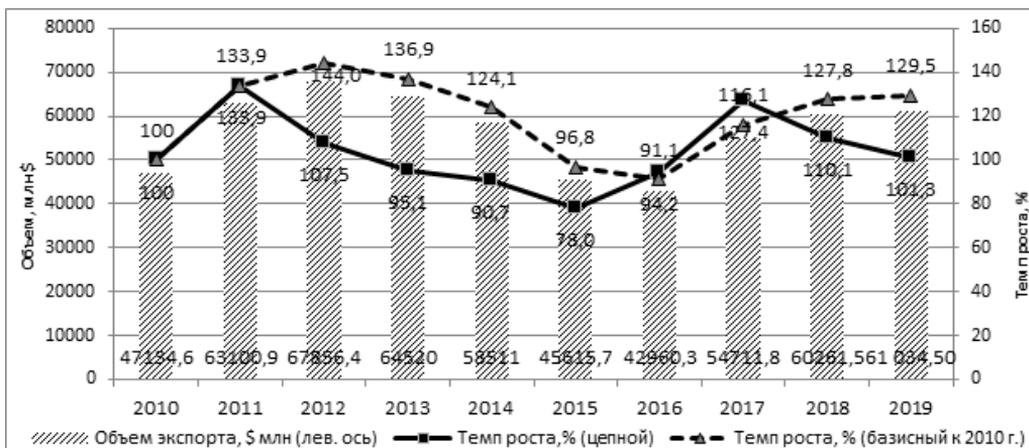

Рис.2 Динамика взаимной торговли стран ЕАЭС в 2010-2019 гг.

* Составлено автором по данным статистической базы ЕЭК. Источник официальный сайт Евразийской экономической комиссии

сическую картину, описанную в основных теориях международной интеграции [11].

Объединение таможенного пространства не просто облегчило свободу перемещения товаров, продукции и услуг, но и в полной мере запустил механизм конкурентного отбора среди поставщиков стран ЕАЭС [12]. В условиях созданного Таможенного союза (позже трансформированного в ЕАЭС) стали проявляться экономические эффекты в соответствии с теорией «второго лучшего» [2], которые выражались в эффектах «создания торговли» [11], «эффектов масштаба» и «эффектов заражения» [10]. Указанные эффекты могут иметь разнонаправленное влияние, что полной мере подтверждает практика функционирования ЕАЭС. Неоднозначные результаты десяти лет евразийской интеграции также подтверждают теоретические постулаты основоположников учений о международной интеграции (Я. Вайнера и Дж. Мида) в форме классического таможенного и экономического союза. Исследования Вайнера экономических эффектов общих рынков таможенного союза акцентируют необходимость учета условий функционирования интеграционного союза [13], от которых напрямую зависят успехи и потери стран членов.

Интенсивность экономического сотрудничества стран СНГ с Россией зависит от уровня ресурсного потенциала и геополитической ориентации руководства этих стран. Динамично растущие экономики (Армения, Азербайджан, Киргизия и Туркменистан) существенно отличаются между собой по источникам роста, но все они характеризуются низким уровнем жизни и покупательной способности. Во всех странах СНГ основным драйвером роста являются инвестиции, преимущественно за счет го-

сударственного финансирования, или финансирования международных кредитных структур (под государственные гарантии).

Взаимный торговый оборот России со странами СНГ сохраняет свой традиционный характер по товарной и географической структуре. Опыт функционирования ЕАЭС показывает, что формирование общего рынка товаров и услуг (либерализация торговли) стимулирует рост торговой связанности (коэффициент взаимной торговли вырос с 11 % до 16 % за период его существования).

В целом в торговле и со странами СНГ и со странами ЕАЭС российский экспорт сохраняет устойчивую зависимость от ценовых флуктуаций энергетических товаров с четко выраженными трендами: увеличения доли неэнергетических товаров в период кризиса под влиянием двух факторов падения цен на энергоресурсы и роста объемов потребительских товаров. По странам ЕАЭС товарная структура взаимной торговли изменилась, существенно снизив долю энергетической продукции: в 2012 г. 37,5 % приходилась на минеральное сырье и продукты, 21 % — на машины и оборудование; в 2019 г. соответственно 21,5 % и 40,5 %¹⁰.

Несмотря на это значимость сырьевых энергетических ресурсов в формировании экономической повестки отношений между странами ЕАЭС и СНГ остается системообразующей. В данном контексте потенциал расширения экономического сотрудничества с партнерами по ЕАЭС и СНГ для России прежде всего формируется в энергетическом секторе. Современные тренды развития регионализации обуславливают необходимость ускоренного развития блоковой интеграции и трансграничного сотрудничества, а развитие

¹⁰ Об итогах взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза. Источник: Официальный сайт ЕЭК. База данных статистики. Доступно по URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2019/Analytics_I_201911.pdf

интеграционного взаимодействия внутри региональных объединений направлено на формирование единых (общих) рынков не только товаров, услуг, капитала и труда по классическим канонам углубления интеграции [10], но и отраслевых рынков с учетом их специфики.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРЕСОВ РФ

При этом интеграция в энергетическом комплексе требует уникальных методик сближения на пути к формированию общего, а в перспективе, возможно, и единого рынка каждого вида энергоресурса. В разделах XX «Энергетика» статьи 79–85 и раздел XXVII «Переходные положения», а также приложения 21–23 к нему¹¹ Договора о создании ЕАЭС предусмотрен поэтапный переход к функционированию энергетического комплекса в условиях общего рынка, причем временные рамки по отраслям пролонгированы в зависимости от степени сложности решения проблем и преодоления барьеров, противоречий в национальных интересах стран участниц ЕАЭС [14]. Только после создания полноценного формата общего рынка газа станет возможен всеобъемлющий общий рынок электроэнергии в связи с тем, что генерация последней в большей части осуществляется на газе, и различия в условиях национальных рынков газа неизбежно создают неравные условия конкуренции на электроэнергетическом общем рынке.

Сложность формирования отраслевых рынков энергетических ресурсов обусловлена особыми свойствами каждого из вида энергоресурсов, их производства (добычи), переработки (обработки) и передачи (доставки) до конечного потребителя.

Специфичность продукции порождает существенные различия по технологиям (технологичности) их производства, в регулировании их оборота на национальных рынках стран ЕАЭС, неоднородности по видам вырабатываемого энергоресурса внутри каждой отрасли, несопоставимости масштабов ресурсного обеспечения, уровня развития сопутствующей инфраструктуры и собственно моделей национальных рынков по видам энергоносителей.

Электроэнергетический рынок обладает рядом уникальных специфических черт, прежде всего, это обусловлено свойствами электроэнергии как специфического товара:

- жесткая стандартизация технических параметров электроэнергии;
- различные технологии и способы производства, разные источники генерации (производства) электроэнергии;
- невозможность хранения (складирования) обуславливает зависимость объемов производства и потребления;
- невозможность замены аналогами и колебания спроса;
- необходимость создания балансирующей системы (так называемого кратковременного хранения запасов) для обеспечения бесперебойного снабжения потребителей;
- сложность и дороговизна инфраструктуры по передаче электроэнергии;
- капиталоемкость отрасли, требующая долгосрочных инвестиций;
- несопоставимость конкурентных моделей (по собственникам и количеству конкурентов), соответственно разные механизмы ценообразования (тарифов) на саму электроэнергию и сопутствующим услугам, связанным с ее генерацией и передачей;

¹¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (с изменениями на 14 мая 2018 года) (редакция, действующая с 12 марта 2019 года) //ЕЭК // <http://docs.cntd.ru/document/420205962>

- уникальность моделей государственного регулирования и специфичность нормативно-правового обеспечения процесса регулирования с учетом социально-экономической значимости электроэнергии.

В процессе интеграции электроэнергетического рынка стран ЕАЭС необходимо учитывать его особенности по видам (гидро-, тепловая¹², ядерная) и источникам (уголь, газ, гидроресурсы, атом) генерации, по собственникам (государственная и частная), по видам деятельности (генерация и передача) и разделения этих функций, по типу конкурентного рынка (монопольный или конкурентный).

При этом уровень интеграции рынков электроэнергии будет зависеть от поставленных целей [14] и может развиваться следующим образом:

1. Поступательно сближая функционал параллельно работающих национальных энергетических систем — модель интеграции на основе межгосударственного трансграничного торгового сотрудничества национальных электроэнергетических систем;

Данная модель интеграции электроэнергетических рынков характерна для уровня торгового сотрудничества и ставит цели обеспечения бесперебойного снабжения электроэнергией, обеспечения полного и своевременного удовлетворения спроса национальных потребителей, а также энергетической безопасности страны. Подобные целевые ориентиры обуславливают необходимость расширения трансграничной торговли электроэнергией в форме краткосрочных торговых контрактов (форвардные, фьючерсные контракты сроком на будущее испол-

нение, спот контракты сроком на сутки вперед) и мощностями по выработке электроэнергии (рынок долгосрочных контрактов) на основе межгосударственных соглашений). То есть подобный уровень интеграции предполагает в основном трансграничную торговлю электроэнергией в целях погашения дефицита при пиковом спросе, резервной электроэнергией для поддержания систем обеспечения при пиковых нагрузках или в случае аварий; мощностями по генерации электроэнергии (в том числе и резервными) на основе соглашений, заключаемых уполномоченными органами либо с их помощью. Основным механизмом интеграции в данной модели является механизм организации и регулирования торгов, в рамках которого определяющими успех интеграции факторами становятся способ ценообразования (свободно конкурентный рынок с учетом соотношения объемов спроса и предложения на каждый момент времени на биржевых торгах; регулируемый государством или монополией по уровню национального тарифа на основе межгосударственных договоров, частично регулируемый или смешанный — свободное ценообразование в установленном коридоре по межгосударственному соглашению на торгах) и свобода доступа к инфраструктурным услугам естественных национальных монополий по передаче электроэнергии, обеспечению частоты, уровня резервов и т. п. Инструментами интеграции в модели торгового сотрудничества на рынках электроэнергии являются координация и согласование технических требований по генерации и передаче электроэнергии

¹² При этом стоит отметить, что региональный общий рынок для ЕАЭС может рассматриваться для всех видов генерации за исключением тепловой, так как ее невозможно передавать на большие расстояния и по тепловой генерации возможно только локальная передача и трансграничное сотрудничество.

в части трансграничного сотрудничества, национальный энергокомплекс общие требования не затрагивают. В мировой практике распространена именно эта модель интеграции электроэнергетических рынков на уровне торгового сотрудничества, основанной на либерализации рынков [15, 16, 17].

2. Объединение национальных рынков электроэнергии в единое экономическое пространство, предполагающее полную унификацию правил;

Эта более продвинутая по уровню интеграции электроэнергетических рынков модель предполагает полное слияние национальных рынков электроэнергии, создание общих для всех унифицированных правил по требованиям к генерации, передаче и осуществлению торговли электроэнергией и мощностями, включая все требования по резервам, балансированию и соблюдению критериев установленного уровня либерализации рынка электроэнергии, а также передача регулирующих полномочий национальных органов наднациональным институтам. То есть эта модель полного сопряжения всех процессов и отношений, возникающих между участниками электроэнергетического рынка от генерации и до конечного потребления электрической энергии, на едином рынке. Отличительной особенностью данной модели интеграции является наивысший уровень институционализации и концентрации всех регуляторных функций, включая правовое обеспечение, права принятия решений по системе ценообразования, установлению входных барьеров, способах торговли и т.п., у международного регулятора, и сохранения исключительно исполнительных функций у национальных систем и регуляторов. Единственным успешным проектом интеграции

рынка электроэнергии по данной модели является рынок электроэнергетики ЕС.

3. Создание обособленного свободно конкурентного трансграничного рынка по торговле электроэнергией по единым для всех участников правилам при автономном полноценном функционировании национальных электроэнергетических рынков.

Специфической чертой модели интеграции посредством обособления общего электроэнергетического рынка является сосредоточенность на уровне либерализации этого рынка и формировании наднациональных институтов, обладающих абсолютными законодательными, регулирующими и контролирующими полномочиями на основании межгосударственного договора. Суть данной модели заключается в том, что вход на обособленный рынок электроэнергетики обеспечивается наличием особого статуса международного торгового субъекта, которым наделяются субъекты национальных рынков стран-участниц соглашения в случае соответствия высокому уровню требований по техническим, технологическим стандартам, критериям соответствия правилам торговли. Этот механизм позволяет региональному рынку электроэнергетики функционировать независимо от национальных сегментов, не затрагивая их устоявшиеся системы отношений. Целевым ориентиром модели обособления общего рынка электроэнергетики регионального блока является либерализация торговли и максимизации прибыли и экономических выгод без учета задач обеспечения энергетической безопасности, бесперебойного снабжения и энергоэффективности. Эти задачи являются прерогативой национальных энергетических систем, впрочем, как и задача обеспечения ус-

ловий ценовой конкурентоспособности национальных субъектов на региональном рынке. Применение данной модели интеграции электроэнергетических рынков распространено на африканском континенте и в Центральной Америке [18, 19, 20].

В этом направлении наибольшего уровня интеграции достиг Казахстан, переориентировавший свои электрические сети на Китай, но главный экспортер — Россия пока сохраняет инертность и перенаправление потоков электроэнергии (в отличие от экспорта газа и нефти). Медлительность российской стороны обусловлена капиталоемкостью передающей инфраструктуры электроэнергии, которую нужно создать для переориентации экспорта электроэнергии в азиатском направлении и сложностью схем самой передачи (технологический аспект). Кроме того, остается актуальной ценовая конкурентоспособность для этих рынков. Объемы генерации Китая многократно превышают потенциал стран ЕАЭС (только гидрогенерация более 500 ГВт, в то время как совокупная генерация ЕАЭС по всем источникам 282,2 ГВт) и имеют более высокий уровень технологичности (технологии Smart-энергетики), которые минимизируют потери при передаче электроэнергии.

Риски дефицита инвестиционных ресурсов для модернизации энергосистем у стран ЕАЭС очевидны не только по условиям развития национальных экономик, международной конъюнктуры и геополитических факторов, но и из-за меняющейся структуры инвестиций, которые переориентируются на генерацию возобновляемой электроэнергии и внедрения технологий, оптимизирующих использование электрических сетей и снижение затрат. В этом направлении также необходимы скоордини-

рованные программы развития, а не просто декларация намерений.

РАСШИРЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СОТРУДНИЧЕСТВА РФ В ФОРМАТЕ ЕАЭС И СНГ

Наличие емкого рынка ЕАЭС (6 место в мире) позволяет прогнозировать высокие темпы роста взаимной торговли, потенциал которого может быть реализован при условии наращивания объемов взаимной торговли высокотехнологической продукции и сокращения сырьевых продуктов.

Для стимулирования роста взаимной торговли товарами с высокой добавленной стоимостью (т. с высокой степенью переработки и технологичности) необходимо:

- разработать и внедрить программы поддержки российских брендов на рынках стран ЕАЭС и СНГ (рекламное сопровождение, цифровые платформы торговли, финансово-кредитное обеспечение экспортеров с обязательным предоставлением налоговых льгот) по отдельным товарным позициям товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД) для российских экспортеров;
- разработать программу поставок сельскохозяйственной техники российского производства в обмен на поставки сельскохозяйственной продукции сырья из стран ЕАЭС, СНГ.

Достижение данной цели возможно за счет активного внедрения стратегий промышленной кооперации и расширения сотрудничества с третьими странами в рамках зон свободной торговли. Именно, рассмотреть возможность подписания договоров ассоциативного сотрудничества стран СНГ с ЕАЭС:

- с Узбекистаном ассоциативное соглашение по типу расширенного всеобъемлющего сотрудничества, предполагающего взаимную торговлю по условиям ЗСТ+

и проектную кооперацию в промышленном секторе (совместные предприятия-консорциумы в нефте- и газохимии, создание торговых хабов по сортировке, маркировке и целевых поставок сельскохозяйственной продукции на рынок России и стран ЕАЭС);

- с Таджикистаном соглашение по свободной торговле и свободному рынку труда (свободе или преференциальному режиму перемещения мигрантов, их трудоустройству и социального обеспечения);
- с Молдавией соглашение по принципу ЗСТ+ преференциальный режим по инвестиционному сотрудничеству и доступу на рынок труда РФ и ЕАЭС;
- с Азербайджаном и Туркменией ассоциативное соглашение по сотрудничеству в энергетическом секторе (консорциумы по использованию трубопроводов, взаимные поставки нефти и газа (компенсирующие), допуск на биржевые торги энергоресурсами на российских биржах) и ЗСТ по сельскохозяйственным продуктам и сырью (хлопок и плодоовощная продукция);
- возобновление торгового сотрудничества с Грузией по линии ЕАЭС как международной структуры на условиях режима наибольшего благоприятствования.

Различия в уровне развития экономик обостряют противоречия в целях и стратегиях развития интеграции, определяют иждивенческий характер ожиданий стран ЕАЭС по отношению к РФ. В этой связи необходимо:

- ускорить внедрение налогового маневра по нефти и нефтепродуктам в РФ, ускорить переход к биржевой торговле энергоресурсами на принципах свободного ценообразования в рамках принятых концепций по рынкам электроэнергии, газа и нефти. Это позволит снять споры и повышенные ожидания по ценовым льготам у Белоруссии, Армении;

- создать консорциум между РФ и Казахстаном по совместной эксплуатации (или по условиям организации доступа) трубопроводов и другой инфраструктуры нефтегазового сектора, что снимет напряженность в данной сфере;
- ускорить внедрение российских цифровых платформ налоговой системы (по начислению, сбору и контролю за выплатами) в странах ЕАЭС и унификацию налогового законодательства этих стран.
- создать торгово-логистические хабы по закупке сельскохозяйственной продукции в странах ЕАЭС и их переработки на приграничных территориях России;
- создать учебные центры в странах донорах рабочей силы с целью профильного обучения и адаптации мигрантов по целевым контрактам с российскими работодателями.

Развитию торгового сотрудничества в рамках ЕАЭС и ЗСТ СНГ может быть осуществлено посредством внедрения (доминирования) российских стандартов и требований к качеству продукции как эффективного механизма нетарифного регулирования, что может быть осуществлено посредством:

- гармонизации технических регламентов ЕАЭС по российским стандартам;
- формирования сертификационных центров ЕАЭС преимущественно под контролем России и закрепления приоритета управления инфраструктурой лицензирования и сертификации производств всех стран ЕАЭС за российскими сертификационными центрами по аналогии с опытом ЕС.

Явно выраженный дисбаланс в торговле и взаимных инвестициях, в миграционных потоках с одной стороны создают стимулы для специализации и кооперации, но с другой — преобладание национальных интересов над интересами Союза приводит к принятию неполноценных стратегий (концепции общего рынка электроэнергии,

выработка скорректированной, а не единой промышленной и агропромышленной политики, сохранению большого количества изъятий по тарифам во взаимной торговле и т. п.) развития интеграционных процессов, что в итоге и формирует инерционный сценарий развития евразийской интеграции. Выходом из данной ситуации может быть продвижение проектов развития (российских национальных программ технологических и инновационных кластеров на базе российских ТНК в энергетике, АПК, промышленной переработке) на территории стран СНГ (ЕАЭС преимущественно + Узбекистан и Азербайджан), с целью создания вертикально интегрированных систем, что существенно усилит фактор российского влияния в этих странах.

Уровень включенности в производственные технологические цепочки, высокотехнологичной продукции во взаимной торговле, ограниченность взаимных инвестиций не способствуют решению задач ускоренной модернизации и технологического прорыва, что требует разработки концепции единого пакета программ технологического развития всех стран ЕАЭС, СНГ.

Повышение уровня активности российских капиталов на финансовых рынках может стать драйвером роста российского влияния в странах СНГ при условии:

- создания стимулирующей налоговой политики для прямых инвестиций и финансирования интеграционных платформ (создания цифровых платформ; развития биржевой торговли и обеспечения свободно конкурентного доступа на российский рынок товаров и услуг малого бизнеса из стран СНГ (ЕАЭС);
- расширение доли российских банков (выход крупных банков) на рынки стран СНГ (ЕАЭС) через систему микрофинансирования в этих странах при условии обеспечения проектного сопровождения и вне-

дрения программ развития МСБ (малого среднего бизнеса) в этих странах;

- вовлечение российских производителей в технологические цепочки ресурсных (добывающих и сельскохозяйственных) предприятий стран СНГ (производство сельхозтехники в рамках консорциума производителей из РФ, РБ и РУз, полный цикл добычи и переработки урановых руд РФ и РК, КР, консорциуму в секторе ювелирных производств РФ и Армении).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Санкционная и протекционистская политика мировых центров требует формирования экономических мер стимулирования партнеров России (предоставление преференций в торговле, льготное финансирование социальных и инфраструктурных проектов) в зависимости от степени проявления солидарности на мировой арене (прямо пропорциональная зависимость преференций).

Использование энергетического потенциала России в обеспечении продвижения производственной кооперации со странами СНГ (ЕАЭС):

- вовлечение в нефте- и газовые проекты потенциала стран партнеров;
- финансирование переработки по принципу страны назначения;
- создание международных ТНК с привлечением стран СНГ и третьих стран в трубопроводной инфраструктуре, а также при развитии международных транспортных коридоров.

Таким образом, формирование скоординированной экономической политики между партнерами может способствовать решению разнонаправленных интересов стран СНГ и обеспечению устойчивости в условиях влияния совокупности шоковых факторов внешних рынков, включая форс-мажорные условия пандемии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ершов М. Десять лет после глобального кризиса: риски и перспективы. *Вопросы экономики*. 2019;1:37-54.
2. Мид Дж. Теория таможенных союзов. URL: http://seintstituteru/Files/Veb6-45_Mead.pdf (дата обращения: 30.05.2020).
3. Глазьев С. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии. *Экономика и математические методы*. 2016;52(2):3-29; Глазьев С. Прикладные результаты теории мирохозяйственных укладов. *Экономика и математические методы*. 2016;52(3):3-21.
4. Гринберг Р. С. «Не вижу разумной альтернативы прямым денежным выплатам людям!». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/466596> (дата обращения: 30.05.2020)
5. План преодоления экономических последствий новой коронавирусной инфекции. Министерство экономического развития РФ. URL: <https://ecocnomy.gov.ru> (дата обращения: 30.05.2020)
6. Доклад НИУ ВШЭ. Рывок или фальстарт? Выход из карантина по коронавирусу весной 2020 года (опыт 30 стран). URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/363399753.pdf> (дата обращения: 30.05.2020)
7. Абрамов В. Л. Эффекты взаимной и внешней торговли государств-членов евразийского экономического союза: факторы сдерживания и роста. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право*. 2018;7:77-81.
8. Договор о зоне свободной торговли СНГ (Подписан в г. Санкт-Петербурге 18.10.2011). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi> (дата обращения: 30.05.2020)
9. Сахарова О. С., Растопчина Ю. Л. Исследование моделей эффективности внешнеторговой деятельности: макроэкономический аспект. *Научные ведомости БелГУ. Сер. Экономика. Информатика*. 2015;13(210):71-77.
10. Balassa B. Trade Liberalisation and Revealed Comparative advantage. *The Manchester School*. 1965;33:99-123.
11. Абрамов В. Л. Интеграционные эффекты взаимной и внешней торговли государств-членов евразийского экономического союза: состояние и факторы роста. *Евразийский Союз: вопросы международных отношений*. 2018;3(25):64-73.
12. Андропова И. В. Евразийский экономический союз: потенциал и ограничения для регионального и глобального лидерства. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2016;11(2):7-23.
13. Viner J. The Customs Union Issue. New York: Carnegie Endowment for International Peace; 1950. P. 43.
14. Андреева Е. В., Клепиков В. И. и др. Интеграция зарубежных рынков электроэнергии. Москва: Ассоциация НП Совет рынка; 2017. 126 с.
15. Basco A.I. Techno-integration of Latin America: institutions, exponential trade, and equality in the era of algorithms. 2017. URL: <https://publications.iadb.org/handle/11319/8657> (дата обращения: 23.05.2020)
16. Echevarría C., Jesurun-Clements N., Mercado J., Trujillo C. Integración Eléctrica Centroamericana: Génesis, Beneficios y Prospectiva del Proyecto SIEPAC: Sistema de Interconexión Eléctrica de los Países de América Central. URL: <https://publications.iadb.org/handle/11319/8237#sthash.t399tQwF.dpuf> (дата обращения 18.04.2020).
17. ECOWAS Regional Electricity Regulatory Authority. Annual Report of Activities 2012-2013. URL: <https://erera.arrec.org/wp-content/uploads/2016/11/ERERA-ANNUAL-REPORT-2012-2013-english.pdf> (дата обращения: 18.04.2020);
18. Infrastructure Consortium for Africa (ICA). Regional Power Status in African Power Pools Report. 2011. URL: https://www.icafrica.org/fileadmin/documents/Knowledge/Energy/ICA_

[RegionalPowerPools_Report.pdf](#) (дата обращения: 18.04.2020).

19. South American Energy Council of UNASUR (CES). URL: <http://www.unasursg.org/en/node/342> (дата обращения: 18.04.2019).

20. Southern African Power Pool. Annual Report. 1995-1997. URL: <http://www.sapp.co.zw/sites/default/files/SAPP%20report%20%281995-1997%29%20%281%29.pdf> (дата обращения: 18.04.2020)

REFERENCES:

- Ershov M. Ten years after the global crisis: risks and prospects. *Economic issues*. 2019;1:37-54. (In Russ.)
- Mead J. Theory of Customs Unions. URL: http://seintstituteru/Files/Veb6-45_Mead.pdf [Accessed: 30.05.2020].
- Glazhev S. World Economic Ways in Global Economic Development. *Economics and Mathematical Methods*. 2016;52(2):3-29; Glazhev S. Applied results of the theory of world economic structures. *Economics and mathematical methods*. 2016;52(3):3-21. (In Russ.)
- Greenberg R.S. "I do not see a reasonable alternative to direct cash payments to people!". URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/466596> [Accessed: 30.05.2020] (In Russ.)
- A plan to overcome the economic consequences of a new coronavirus infection. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: <https://ecoconomy.gov.ru> [Accessed: 30.05.2020] (In Russ.)
- HSE Report. A jerk or a falstart? Exit from quarantine by coronavirus in the spring of 2020 (experience of 30 countries). <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/363399753.pdf> [Accessed: 30.05.2020] (In Russ.)
- Abramov V.L. Effects of mutual and foreign trade of the member states of the Eurasian Economic Union: factors of deterrence and growth. *Modern science: topical problems of theory and practice. Series: Economics and Law*. 2018;7:77-81. (In Russ.)
- CIS Free Trade Area Agreement (Signed in St. Petersburg 18.10.2011). Доступно по URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=121497&fld=134&dst=1000000001_0&rnd=0.5505623610966519 [Accessed: 30.05.2020] (In Russ.)
- Sakharova O.S., Rastopchina Yu.L. Study of models of efficiency of foreign trade activities: macroeconomic aspect. *Scientific statements of BelSU. It is gray. Economy. Informatics*. 2015;13(210):71-77. (In Russ.)
- Balassa B. Trade Liberalisation and Revealed Comparative advantage. *The Manchester School*. 1965;33:99-123
- Abramov V.L. Integration effects of mutual and foreign trade of the member states of the Eurasian Economic Union: state and growth factors. Eurasian Union: issues of international relations. 2018;3(25):64-73. (In Russ.)
- Andronova I.V. Eurasian Economic Union: potential and limitations for regional and global leadership. *Bulletin of international organizations: education, science, new economy*. 2016;11(2):7-23. (In Russ.)
- Viner J. The Customs Union Issue. New York: Carnegie Endowment for International Peace; 1950. P. 43.
- Andreeva E.V., Klepikov V.I. and others. Integration of Foreign Electricity Markets. Moscow: NP Association Market Council; 2017. 126 p. (In Russ.)
- Basco A.I. Techno-integration of Latin America: institutions, exponential trade, and equality in the era of algorithms. 2017. URL: <https://publications.iadb.org/handle/11319/8657> [Accessed: 23.05.2020]
- Echevarría C., Jesurun-Clements N., Mercado J., Trujillo C. Integración Eléctrica Centroamericana: Génesis, Beneficios y Prospectiva del Proyecto

- to SIEPAC: Sistema de Interconexión Eléctrica de los Países de América Central. URL: <https://publications.iadb.org/handle/11319/8237#st-hash.t399tQwF.dpuf> [Accessed: 18.04.2020].
17. ECOWAS Regional Electricity Regulatory Authority. Annual Report of Activities 2012–2013. URL: <https://erera.arrec.org/wp-content/uploads/2016/11/ERERA-ANNUAL-REPORT-2012-2013-english.pdf> [Accessed: 18.04.2020].
18. Infrastructure Consortium for Africa (ICA). Regional Power Status in African Power Pools Report. 2011. URL: https://www.icafrica.org/fileadmin/documents/Knowledge/Energy/ICA_RegionalPowerPools_Report.pdf [Accessed: 18.04.2020].
19. South American Energy Council of UNASUR (CES). URL: <http://www.unasursg.org/en/node/342> [Accessed: 18.04.2020].
20. Southern African Power Pool. Annual Report. 1995-1997. URL: <http://www.sapp.co.zw/sites/default/files/SAPP%20report%20%281995-1997%29%20%281%29.pdf> [Accessed: 18.04.2020].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Аза А. Мигранян, доктор экономических наук, Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 32; A.mihryan29@gmail.com

Aza A. Migranyan, DSc in Economics, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32, Nakhimovskij Av., Moscow, 117218, Russia; A.mihryan29@gmail.com

<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-347-364>

Основные тенденции и итоги внешнеэкономического сотрудничества Казахстана со странами ЕАЭС

Вячеслав Ю. Додонов

*Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан, Алматы, Казахстан,
dodonovv@mail.ru*

Аннотация: Пять полных лет функционирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС) дают возможность для выделения основных тенденций сотрудничества в рамках объединения и подведения некоторых их итогов. В статье рассматриваются тенденции и итоги внешнеэкономического сотрудничества Казахстана со странами ЕАЭС по основным направлениям, включая взаимную торговлю, взаимные инвестиции, а также некоторые другие. В ходе проведенного анализа выявлено, что в большинстве сфер сотрудничества Казахстана со странами ЕАЭС в период существования союза наблюдалась опережающая динамика, что свидетельствует о позитивных для национальной экономики итогах первых пяти лет функционирования в составе интеграционного объединения.

Ключевые слова: ЕАЭС, евразийская интеграция, взаимная торговля, экспорт, прямые иностранные инвестиции, совместное предпринимательство, трансграничные денежные переводы

Для цитирования: Додонов В. Ю. Основные тенденции и итоги внешнеэкономического сотрудничества Казахстана со странами ЕАЭС. *Проблемы постсоветского пространства.* 2020;7(3):347-364. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-347-364>

Статья поступила 14.05.2020

Принята в печать 27.07.2020

Опубликована 03.09.2020

Key Trends and Results of Kazakhstan's foreign economic cooperation with the EAEU Countries

Vyacheslav Yu. Dodonov

*Kazakhstan Institute for Strategic Studies
under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan,
dodonovv@mail.ru*

Abstract: Five full years of the functioning of the Eurasian Economic Union (EAEU) provide an opportunity to highlight the main trends of cooperation under this association and to summarize some of their results. The article discusses the trends and results of Kazakhstan's foreign economic cooperation with the EAEU countries in the main areas, including mutual trade, mutual investments, as well as some others. The analysis revealed that in most areas of cooperation between Kazakhstan and the EAEU countries during the period of the union's existence, leading dynamics were observed, which indicates the positive results for the national economy of the first five years of operation as part of the integration association.

Keywords: EAEU, Eurasian integration, mutual trade, export, direct foreign investment, joint venture, cross-border money transfers

For citation: Dodonov V.Yu. Key Trends and Results of Kazakhstan's foreign economic cooperation with the EAEU Countries. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(3):347-364. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-347-364>

Received 14.05.2020

Revised 27.07.2020

Published 03.09.2020

ВВЕДЕНИЕ

В январе 2020 года исполнилось пять лет функционирования ЕАЭС (Договор о Евразийском экономическом союзе, подписанный 29.05.2014 г., вступил в силу 1.01.2015 г.), что является достаточным сроком для подведения основных итогов пребывания Казахстана в составе этого интеграционного объединения и определения базовых тенденций внешнеэкономического сотрудничества с партнерами по союзу.

Проблематика влияния процессов евразийской интеграции на национальные экономики стран-участниц ЕАЭС, включая Казахстан, получила широкое освещение в работах ученых как из государств данного объединения, так и из-за его пределов. Основной акцент в таких исследованиях делается чаще всего на влиянии интеграционных процессов на взаимную торговлю. Так, Д. И. Ушкалова отмечает, что динамика изменения товарной структуры экспорта Казахстана в страны ЕАЭС «показывает наметившиеся позитивные тенденции, в частно-

сти, снижение удельного веса минерального сырья на фоне роста значения продукции машиностроения» [1]. А. А. Мигранян констатирует влияние «взаимной торговли на качественные параметры национальной экономики (стимулирование и рост промышленного производства, развитие технологичности и прирост доли добавленной стоимости в экспорте)» [2]. Ряд исследователей акцентируют внимание на итогах и перспективах экономического сотрудничества в отдельных сферах. Так, Р. Х. Симонян отмечает рост транзита грузов из КНР в Европу через территорию Казахстана и России, связывая это, в том числе, с фактором ЕАЭС [3]. С. А. Рамазанов считает целесообразной «унификацию статей балансов центральных банков стран-участниц ЕАЭС» [4], В. В. Карпов, А. А. Кораблева и Е. В. Миллер фиксируют максимальный удельный вес денежных переводов из Казахстана в Россию и рассматривают их рост как фактор «роста хозяйственных связей между странами» [5].

В настоящей статье представлены оценки итогов пяти лет членства Казахстана в ЕАЭС для внешнеэкономического сотрудничества страны по его ключевым направлениям, включая торговлю, инвестиции, совместное предпринимательство и некоторые другие сферы.

ТОРГОВЛЯ КАЗАХСТАНА СО СТРАНАМИ ЕАЭС

Сфера внешней (или взаимной, как принято называть ее в отношении стран ЕАЭС) торговли является наиболее очевидным направлением экономического сотрудничества и, в этом качестве, чаще всего упоминается для иллюстрации как достижений, так и проблем евразийской интеграции. При этом в последнее время торговля Казахстана со странами ЕАЭС в средствах массовой информации и части экспертного сообщества начинает приобретать негативную окраску из-за регулярно возникающих на ее пути разного рода препятствий – от технических проблем при преодолении пограничных пунктов пропуска до запретов и изъятий поставленной продукции по фитосанитарным основаниям. Особенно много примеров такого рода проблем содержится в прессе приграничных регионов Казахстана и России, хотя существуют сложности с преодолением товарами также границы Казахстана и Кыргызстана.

В отношении данных проблем необходимо отметить, что они возникают на всем протяжении существования ЕАЭС (а также предшествовавших ему интеграционных объединений), но, при всей болезненности реакции бизнеса, подпадающего под такого рода ограничения, не имеют массового характера и не влияют на масштабы и тенденции взаимной торговли в рамках объединения. Характер этой проблемы также осознается Евразийской экономической комиссией (ЕЭК), которая ведет Реестр

препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза, в котором фиксируются все их виды (барьеры, изъятия, ограничения), и работает над их устранением. В настоящее время ЕЭК зафиксировано 66 препятствий на внутреннем рынке ЕАЭС, в том числе 15 барьеров, 14 изъятий и 37 ограничений [6].

Максимальное количество препятствий приходится на сферу технического регулирования (15) и энергетической политики (13), по 6 препятствий зафиксировано в сферах налоговой и транспортной политики. При этом количество препятствий по отдельным странам ЕАЭС примерно одинаково – максимальное их количество приходится на Россию (49), минимальное – на Кыргызстан (44). Казахстан по количеству препятствий занимает второе после России место (48) [6], при этом Казахстану принадлежит самое длительное по сроку существования препятствие, первым зафиксированное ЕЭК 8 декабря 2015 г. (применение рентного налога при вывозе угля на территории других государств-членов, классифицируется как барьер). При этом можно отметить, что большинство препятствий (44 из 66) применяются всеми пятью государствами ЕАЭС [6]. Таким образом, за нарушение нормативной базы ЕАЭС и создание препятствий на внутреннем рынке союза ответственны практически в равной мере все пять стран. Также можно отметить, что нетарифные меры в целом являются распространенным инструментом реализации торговой политики, в том числе и протекционизма в рамках интеграционных объединений (так, в Казахстане количество действующих нетарифных мер превышает 200 [7]).

В отношении же тенденций торговли Казахстана со странами ЕАЭС в период существования союза можно отметить, что в целом ее динамика демонстрирует

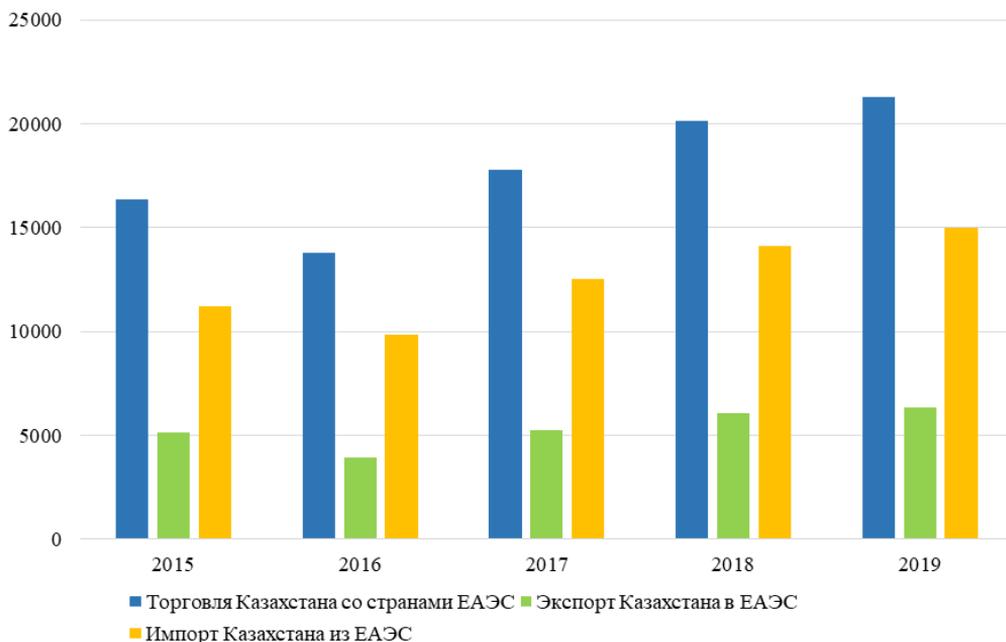

Рис. 1. Динамика объемов торговли Казахстана со странами ЕАЭС в период существования союза, млн долл. США (Рассчитано по данным Комитета по статистике МНЭ РК: [8])

рост по всем компонентам, включая товарооборот, экспорт и импорт (рис. 1).

За пять лет торговля Казахстана со странами ЕАЭС выросла на 30,5 %, экспорт — на 23,4 %, импорт — на 33,7 % [8]. Несмотря на то, что эти показатели представляются благоприятными, для обеспечения корректной интерпретации их необходимо сопоставить с данными о внешней торговле Казахстана в целом, со всеми странами мира, что позволит сравнить динамику внешней торговли с ЕАЭС и оценить, насколько успешной она была на фоне этих общих показателей (таб.1).

В сравнении с общими показателями внешней торговли Казахстана торговля со странами ЕАЭС демонстрирует более интенсивную динамику в части товарооборота, замедленную — в части казахстанского экспорта, и опережающую — в части им-

порта. Соответственно менялись на протяжении пяти последних лет и показатели удельного веса торговли Казахстана со странами ЕАЭС в общем ее объеме. Доля стран союза во внешнеторговом обороте по итогам 2019 года несколько увеличилась относительно уровня 2015 года (22,2 % и 21,3 % соответственно), при этом доля ЕАЭС в казахстанском импорте увеличилась более выражено и составила 39,1 % по сравнению с 36,7 % в 2015 году, а доля в экспорте, напротив, сократилась до 10,9 % с 11,1 %.

Увеличение импорта из ЕАЭС наряду с сокращением экспорта обуславливает и рост дефицита во взаимной торговле Казахстана в рамках союза — известную проблему, которая широко обсуждается в экспертном сообществе, хотя не всегда методически корректно. Некоторыми экспертами озву-

Табл. 1. Внешняя торговля Казахстана в период существования ЕАЭС и роль в ней торговли со странами союза, млн долл. США, если не указано иное (Расчитано по данным Комитета по статистике МНЭ РК: [8])

	2015	2016	2017	2018	2019	Изменение 2019/2015, %
Внешнеторговый оборот	76 523,5	62 113,6	78 102,9	94 769,7	96 080,0	25,6
в т.ч. со странами ЕАЭС	16 323,9	13 793,7	17 780,7	20 144,1	21 296,0	30,5
доля ЕАЭС	21,3	22,2	22,8	21,3	22,2	4,2
Экспорт	45 955,8	36 736,9	48 503,3	61 111,2	57 723,0	25,6
в т.ч. в страны ЕАЭС	5 120,3	3 930,2	5 262,5	6 046,7	6 317,0	23,4
доля ЕАЭС	11,1	10,7	10,8	9,9	10,9	-1,8
Импорт	30 567,7	25 376,7	29 599,6	33 658,5	38 357,0	25,5
в т.ч. из стран ЕАЭС	11 203,6	9 863,5	12 518,2	14 097,4	14 979,0	33,7
доля ЕАЭС	36,7	38,9	42,3	41,9	39,1	6,5

чивается мнение о том, именно создание ЕАЭС привело к формированию торгового дефицита, широкое распространение также получила точка зрения о том, что ЕАЭС стал фактором роста торгового дефицита. Фактически же, увеличение или уменьшение объемов торгового дефицита Казахстана со странами ЕАЭС обуславливается изменениями объемов внешней торговли в целом, а не членством страны в интеграционных объединениях. Максимальные объемы дефицита торговли со странами, входящими в настоящее время в ЕАЭС, были зафиксированы в 2012 и 2013 годах — в период, когда общий объем внешней торговли Казахстана достигал пиковых значений (132,8 и 133,5 млрд долл.) на фоне очень высоких нефтяных цен. В эти же годы были зафиксированы и максимальные объемы импорта в Казахстан (46,4 и 48,8 млрд долл.) и, поскольку значительная доля в импорте всегда приходи-

лась на страны, позднее сформировавшие ЕАЭС (прежде всего, Россию), в эти же годы наблюдались и максимальные объемы дефицита в торговле с ними. После падения нефтяных цен резко сократился и объем внешней торговли Казахстана и, вслед за ним — объем импорта, включая импорт из стран ЕАЭС. Также сократился и объем дефицита взаимной торговли в рамках ЕАЭС.

Тем не менее, этот дефицит существует, его проблема привлекает внимание многих экономистов [9; 10; 11] и оценка его изменения в период существования ЕАЭС также заслуживает внимания. Для большей информативности целесообразно рассмотреть не столько абсолютные размеры данного параметра, сколько относительный показатель соотношения размера дефицита с внешнеторговым оборотом Казахстана в целом, что позволит уменьшить влияние фактора волатильности объемов внешней

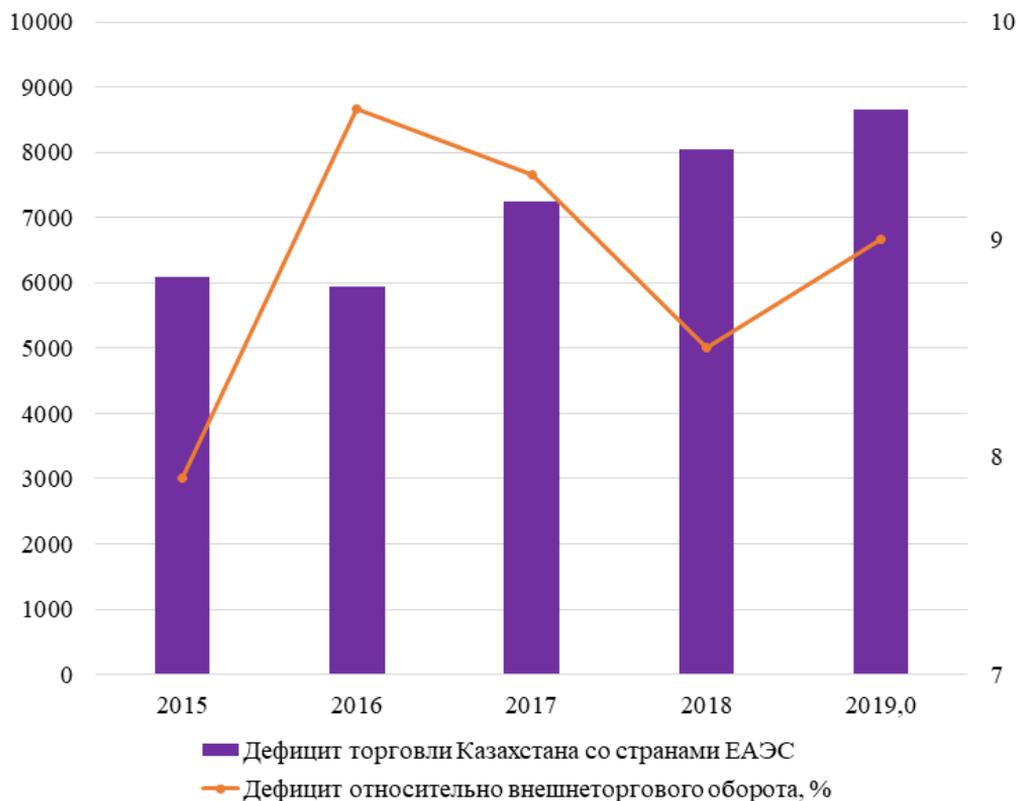

Рис. 2. Динамика абсолютного и относительного размера дефицита торговли Казахстана со странами ЕАЭС, млн долл. США, если не указано иное (Рассчитано по данным Комитета по статистике МНЭ РК: [8]).

торговли. На рисунке 2 приведена динамика абсолютного и относительного показателей дефицита торговли Казахстана со странами ЕАЭС в период существования союза, которая демонстрирует тенденцию роста дефицита в абсолютном выражении, тогда как соотношение его с объемом внешней торговли Казахстана в целом выглядит значительно более стабильным.

В период с 2016 года по настоящее время этот показатель снизился с 9,6 % до 9 %, а его отклонение от среднего за период значения в 8,9 % не превышало 0,9 процентных пункта, что свидетельствует о низком разбросе значений и в целом об устойчиво-

сти как данного индикатора, так и процесса торговли Казахстана со странами ЕАЭС, который он отражает. Низкий разброс относительного размера дефицита взаимной торговли, на наш взгляд, является свидетельством нейтральности фактора ЕАЭС в процессе формирования этого дефицита.

Если рассматривать двустороннюю торговлю Казахстана с отдельными государствами ЕАЭС, то ее динамика отличается значительным разбросом, который обусловлен базой сравнения — чем ниже был стартовый уровень объемов торговли в 2015 году с той или иной страной, тем выше темп ее увеличения. По этой причи-

не максимальную динамику в период существования ЕАЭС продемонстрировала торговля Казахстана с Арменией, также велик прирост торговли с Беларусью, тогда как минимальный рост зафиксирован в торговле с Россией и с ЕАЭС в целом, поскольку на Россию приходится около 92 % торговли Казахстана со всеми странами объединения (рис. 3). Умеренное увеличение торговли с Киргизией не слишком противоречит указанному тезису, так как эта страна является вторым для Казахстана торговым партнером в ЕАЭС и объемы взаимной торговли с ней достаточно велики, то есть, эффект низкой базы в данном случае не имеет места.

Менее выраженный рост казахстанского экспорта в страны ЕАЭС по сравнению с экспортом в другие страны в период существования союза объясняется существенными различиями в структуре экспортных поставок. Казахстанский экспорт

в указанный период примерно на 85 % состоял из двух основных категорий сырьевого характера — минеральных продуктов (прежде всего, нефти), на которые приходилось порядка 70–75 % экспорта, и металлов. Это значит, что объемы экспорта в очень значительной мере определялись ситуацией с мировыми ценами на нефть. В период существования ЕАЭС цены на нефть преимущественно росли — среднегодовая цена нефти «бrent» выросла с 52,3 долларов за баррель в 2015 году до 64 долларов в 2019 году (на 23 %). На этом фоне объем казахстанского экспорта вырос на 25,6 % (с 46 до 57,7 млрд долл.).

Структура казахстанского экспорта в страны ЕАЭС имеет явно выраженные отличия (рис.4), что обуславливает и иную реакцию его динамики на изменения нефтяных цен. Минеральные продукты составляют всего около 40 % этого экспорта, что делает его менее зависимым от колеба-

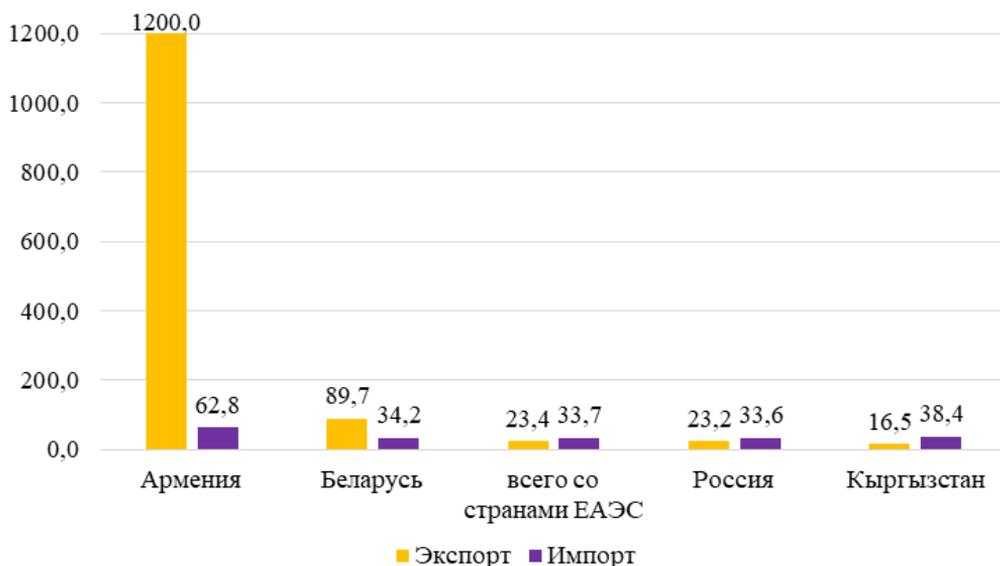

Рис. 3. Показатели роста объемов казахстанского экспорта и импорта в отдельные страны ЕАЭС в период с 2015 по 2018 годы, % (Рассчитано по данным Комитета по статистике МНЭ РК: [8]).

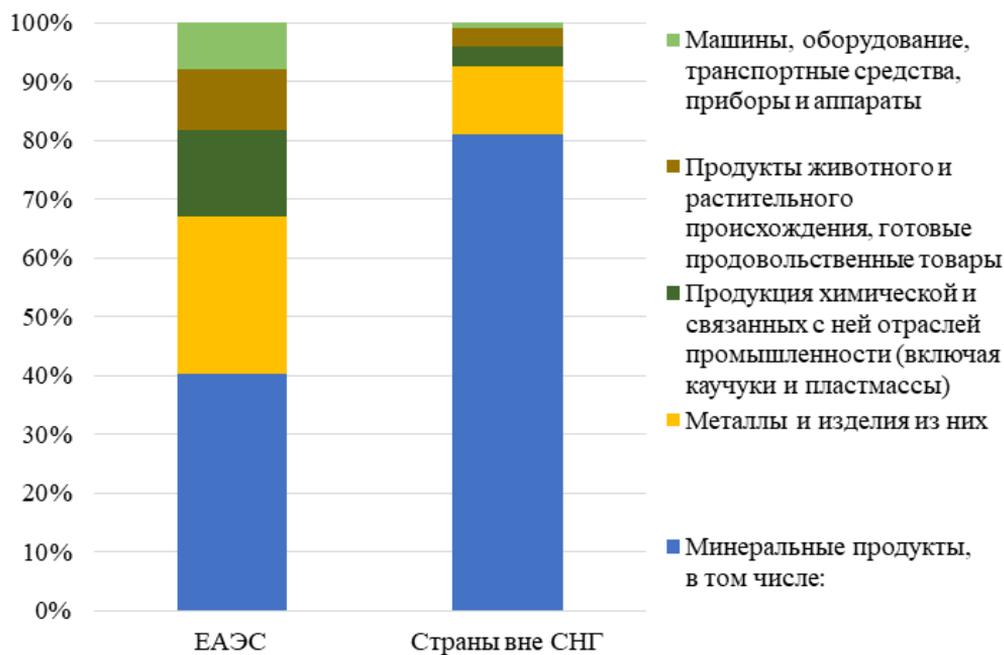

Рис. 4. Структура экспорта в ЕАЭС в сопоставлении со структурой казахстанского экспорта в страны вне СНГ в 2019 году по основным товарным группам, % (Расчитано по данным Комитета по статистике МНЭ РК: [12]).

ния нефтяных цен. Это значит, что в периоды их роста экспорт в ЕАЭС растет меньше остального экспорта, а в периоды падения нефтяных котировок экспорт в ЕАЭС снижается меньше, чем экспорт в целом.

Структура казахстанского экспорта в страны ЕАЭС отличается в лучшую сторону за счет значительно большей доли в нем обработанной продукции, в том числе, продукции отраслей с высокой добавленной стоимостью, включая машиностроение, химическую, легкую и пищевую промышленность. Это приоритетные для модернизации казахстанской экономики отрасли, перспективы развития которых обуславливают успешность диверсификации и снижения сырьевой составляющей хозяйственного комплекса страны. Для такой продукции именно рынок ЕАЭС является основным

экспортным направлением, тогда как за его пределами экспорт готовой казахстанской продукции сильно ограничен. Этот факт отмечают и международные эксперты. Так, в «Докладе об экономике Казахстана. Зима 2019» Всемирного банка говорится: «несырьевые промышленные экспортные позиции Казахстана, например, машины и транспортное оборудование, показывают наименьшие коэффициенты среди основных экспортных товаров. За пределами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и СНГ казахстанский экспорт показывает стабильную тенденцию снижения» [13].

Для несырьевого экспорта Казахстана, увеличение которого является приоритетом ряда экономических программ, включая специально подготовленную Национальную экспортную стратегию, рынок ЕАЭС

является критически важным, поскольку на него приходится очень значительные доли, иногда — большинство экспортируемой готовой продукции обрабатывающей промышленности. Так, в 2019 году доля ЕАЭС в экспорте машин и оборудования составила 42,7 %, продукции химической промышленности — 33,5 %, строительных материалов — 44,9 %, обуви, головных изделий и галантерейных товаров — 73,6 % [12].

В некоторых отраслях этот экспорт является ключевым фактором развития и наращивания объемов производства, в том числе, в наиболее передовых для казахстанской экономики видах деятельности, например, машиностроении. В 2019 году на экспорт в страны ЕАЭС отправлялось

порядка 20 % продукции машиностроения Казахстана, а выпуск продукции отрасли тесно коррелирован с ее экспортом в ЕАЭС и СНГ, и рос на протяжении всего периода существования союза (рис. 5), даже в те годы, когда экспорт в целом сокращался.

Рассматривая взаимную торговлю, нельзя не остановиться также на торговле услугами. Это достаточно значимая сфера внешнеэкономического сотрудничества, в 2019 году торговля услугами со странами ЕАЭС составила более 13 % от объема торговли товарами. Основными статьями как экспорта, так и импорта услуг в Казахстане являются транспортные услуги и поездки.

Динамика торговли услугами Казахстана со странами ЕАЭС в период существования объединения, в отличие от торговли

Рис. 5. Взаимосвязь объемов производства продукции машиностроения и экспорта отрасли в период существования ЕАЭС (Рассчитано по данным Комитета по статистике МНЭ РК: [12])

Табл. 2. Динамика объемов и удельного веса торговли услугами Казахстана со странами ЕАЭС в период существования союза (Рассчитано по данным Национального банка РК: [14])

	2015	2016	2017	2018	2019
Экспорт, млн долл.	2191,2	1777,1	1785,7	1702,5	1621,5
Доля ЕАЭС в общем объеме экспорта услуг, %	33,8	28,2	27,5	23,4	20,9
Импорт, млн долл.	2140,8	2048,8	2316,1	2116,6	1916,8
Доля ЕАЭС в общем объеме импорта услуг, %	18,5	18,5	23,0	17,8	16,8
Баланс (экспорт - импорт), млн долл.	50,4	-271,7	-530,4	-414,1	-295,4

товарами, характеризуется понижательными тенденциями (таб. 2). За пятилетний период зафиксировано снижение объема как экспорта, так и импорта услуг, а также сокращение доли ЕАЭС в общем объеме как экспорта, так и импорта. При этом баланс торговли услугами, так же, как и торговли товарами отрицателен, а его дефицит имеет тенденцию к увеличению.

ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СО СТРАНАМИ ЕАЭС

Вторым основным направлением экономического сотрудничества, наряду с внешней торговлей, является инвестиционное, результаты которого отражаются в потоках взаимных инвестиций в страну и из нее. В этом отношении период членства Казахстана в ЕАЭС характеризуется выраженной положительной динамикой всех основных показателей.

Валовый приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из стран ЕАЭС в период существования союза существенно вырос как в абсолютном, так и в относительном выражении (рис. 6). Годовой объем валового притока ПИИ увеличился в 2,5 раза в 2019 году относительно уровня 2015 года и достиг 1,5 млрд долл., а удельный вес стран ЕАЭС в валовом притоке ПИИ в Казахстан составил 8 % против 3,9 % в 2015 году [15].

Еще более выраженной является динамика чистого притока ПИИ из стран ЕАЭС. Абсолютный объем годового чистого притока ПИИ из стран союза вырос с 2015 по 2019 годы в 2,2 раза, а удельный вес в 2,8 раза и достиг 14 % [16]. Таким образом, инвестиции из ЕАЭС к настоящему времени стали одним из основных источников формирования чистого притока ПИИ, чего ранее не наблюдалось (рис. 7).

Увеличение удельного веса поступающих в Казахстан из ЕАЭС ПИИ обусловило и рост общего объема накопленных в стране инвестиций всех видов из стран союза, особенно в относительном выражении. Если на начало функционирования ЕАЭС (на 1 января 2015 года) их объем исчислялся 7 млрд долл., то на 1 января 2020 года он увеличился до 12,1 млрд. То есть, за годы существования ЕАЭС объем работающих в Казахстане инвестиций из стран объединения вырос на 5,1 млрд долл. (на 73 %) [17]. Этот прирост происходил опережающими темпами по сравнению с ростом иностранных инвестиций в целом, что выразилось в увеличении доли накопленных инвестиций из ЕАЭС в общем объеме накопленных иностранных инвестиций в Казахстан с 4,6 % на начало 2015 года до 5,4 % на 1 января 2020 года.

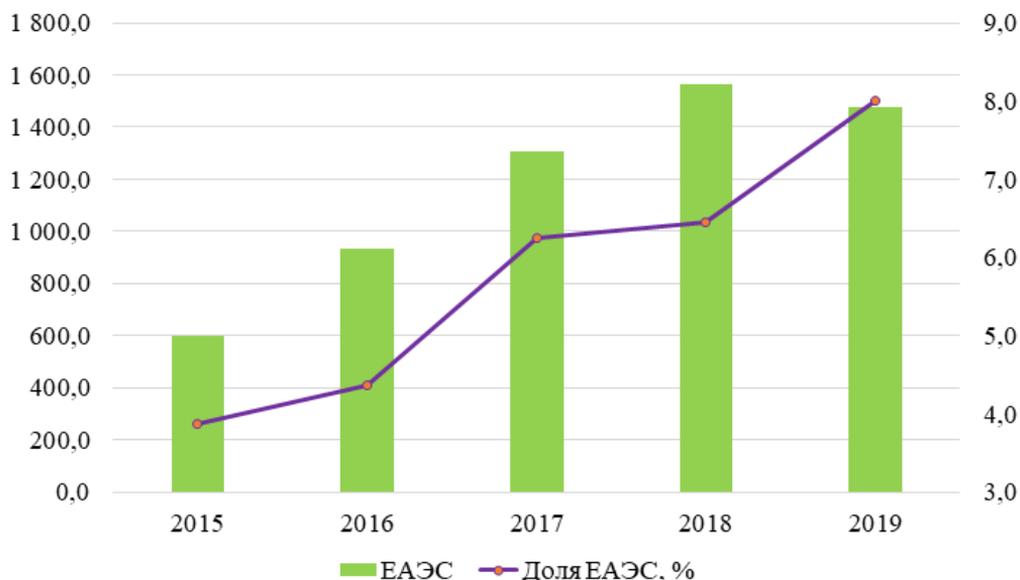

Рис. 6. Объем и удельный вес валового притока прямых инвестиций из стран ЕАЭС в Казахстан, млн долл. США, если не указано иное (Рассчитано по данным Национального банка РК: [15]).

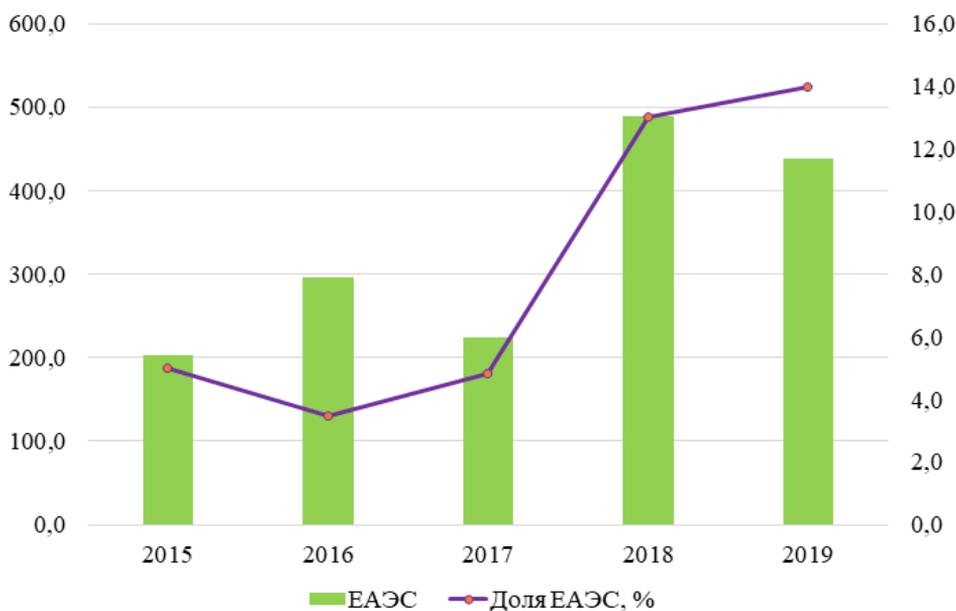

Рис. 7. Объем и удельный вес чистого притока прямых инвестиций из стран ЕАЭС в Казахстан, млн долл. США если не указано иное (Рассчитано по данным Национального банка РК: [16]).

Табл. 3. Накопленные инвестиции в Казахстан из стран ЕАЭС в сопоставлении с динамикой совокупного объема накопленных иностранных инвестиций в Казахстан, млн долл. США (Составлено по данным Национального банка РК: [17])

	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2017	01.01.2018	01.01.2019	01.01.2020	Изменение
ВСЕГО	213 869	198 453	218 217	227 392	219 237	222 447	8578
Армения	5,3	5,1	6,8	7	16,6	11,0	5,7
Беларусь	135,0	105,9	97,7	79	87,2	164,7	29,7
Кыргызстан	-	107,2	103,1	118	148,4	184,6	77,4
Российская Федерация	6873,8	8199,0	11044,4	11776	11054,9	11713,9	4840,1
ЕАЭС	7014,1	8417,2	11251,9	11980,0	11307,0	12074,2	5060,1
Доля ЕАЭС	3,3	4,2	5,2	5,3	5,2	5,4	2,1

Также за период существования ЕАЭС выросли абсолютные и относительные объемы накопленных инвестиций из Казахстана в страны объединения. Рост абсолютных объемов был не очень значительным и составил 12 % (9,2 млрд долл. против 8,3 млрд долл.), тогда как удельный вес стран ЕАЭС в накопленных инвестициях из Казахстан вырос более существенно — до 5,7 % на 1.01.2020 года с 3,3 % на 1.01.2015 года.

Инвестиции из стран ЕАЭС стали особенно значимым фактором международного инвестиционного сотрудничества Казахстана на фоне стагнации и даже снижения объемов накопленных иностранных инвестиций в последние годы. В период с начала 2015 года по 1 января 2020 года объем накопленных иностранных инвестиций всех видов в Казахстан увеличился незна-

чительно — на 8,6 млрд долл., и большую часть этого увеличения обеспечили страны ЕАЭС (5,1 млрд долл.), на которые пришлось 59 % прироста данного показателя.

В разбивке по странам основной объем как накопленных инвестиций ЕАЭС, так и изменения их объема приходится на Россию — 97,4 % и 96,6 % соответственно, роль остальных государств союза крайне незначительна (таб. 3).

Накопленные инвестиции из Казахстана всех видов в страны ЕАЭС в период существования объединения демонстрировали рост (почти на 1 млрд долл.) на фоне снижения их общего объема, которое составило 17,8 млрд долл. В географическом разрезе ситуация традиционна — основной страной приложения казахстанских инвестиций является Россия, накопленные инвестиции

Табл. 4. Накопленные инвестиции из Казахстана в страны ЕАЭС в сопоставлении с динамикой совокупного объема накопленных инвестиций за рубежом из Казахстана, млн долл. США (Составлено по данным Национального банка РК: [17])

	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2017	01.01.2018	01.01.2019	01.01.2020	Изменение
ВСЕГО	178669	156696	169415	171049	157840	160869	-17800
Армения	22,6	15,8	43,8	16	16,1	18,8	-4
Беларусь	78,9	43,7	139,7	98	113,9	88	9,1
Кыргызстан	845,6	755,7	689,4	544	563,4	582,7	-262,9
Российская Федерация	7324,1	6863,2	7551,1	8191	8372,4	8554,4	1 230,3
ЕАЭС	8 271,3	7 678,5	8 424,0	8 849,7	9 065,8	9 243,9	972,6
Доля ЕАЭС	4,6	4,9	5,0	5,2	5,7	5,7	1,1

Казахстана в этом направлении выросли на 1,2 млрд долл. (на 17 %), но также можно отметить, что в двух странах ЕАЭС — Кыргызстане и Армении — за рассматриваемый период объем накопленных казахстанских инвестиций сократился на 31 % и 18 % соответственно (таб. 4). В Беларуси этот показатель увеличился на 11 %.

Таким образом, в сфере инвестиционно-сотрудничества Казахстана со странами ЕАЭС за годы существования союза отмечен существенный прогресс в части привлекаемых в страну инвестиций, наряду с увеличением объема казахстанских инвестиций в государства объединения.

ДРУГИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАЗАХСТАНА СО СТРАНАМИ ЕАЭС

Рост притока инвестиций из стран ЕАЭС, а также усиление экономических связей по другим направлениям обусловило рост численности предприятий с участием капитала из данных стран. В период суще-

ствования ЕАЭС в Казахстане увеличилось количество как зарегистрированных, так и действующих юридических лиц с участием капитала из стран ЕАЭС (таб. 5). Также увеличился и удельный вес таких юридических лиц в общем количестве предприятий с иностранным участием. При этом сильнее увеличилось количество действующих предприятий, что свидетельствует о реальном развитии совместного предпринимательства казахстанских хозяйствующих субъектов с партнерами из ЕАЭС.

Также можно отметить тот факт, что количество зарегистрированных юридических лиц с участием капитала из стран ЕАЭС увеличилось на фоне снижения общей численности юридических лиц с участием иностранного капитала. Это отражает тенденцию, отмеченную выше в отношении притока иностранных инвестиций — евразийские инвестиции и создаваемые с их участием предприятия являются поддержкой казахстанской экономики в условиях стагнации и сокращения притока иностран-

Табл. 5. Изменение количества зарегистрированных и действующих юридических лиц, филиалов и представительств с иностранным участием из стран ЕАЭС в период его существования, единиц (Составлено по данным Комитета по статистике МНЭ РК: [18])

	на 1.01.2015		на 1.01.2020	
	Зарегистрированные	Действующие	Зарегистрированные	Действующие
Армения	183	101	248	188
Беларусь	255	158	328	255
Кыргызстан	949	364	1433	950
Россия	10937	5649	10653	7173
ЕАЭС	12324	6272	12662	8566
Всего	35952	16348	32739	20471
Доля ЕАЭС	34,3	38,4	38,7	41,8

ных инвестиций в целом, который наблюдается в последние годы. Также характерно в данном случае то, что рост в Казахстане количества предприятий с участием капитала из ЕАЭС произошел по всем странам союза, и в ряде случаев он был очень существенным – количество действующих предприятий с участием капитала из Кыргызстана было более чем двукратным, с участием капитала из Армении и Беларуси — почти двукратным.

Этот аспект функционирования ЕАЭС представляется особенно важным, учитывая, что большая часть предпринимательства с участием капитала из ЕАЭС приходится на малый и средний бизнес, который создает рабочие места и налоговую базу для не самых обеспеченных слоев населения и часто — в приграничных регионах, некоторые из которых отличаются неблагоприятной социально-экономической ситуацией. В этом контексте рост предпринимательства за счет партнерства со странами ЕАЭС, происходящий в период существования союза, особенно важен.

Другим аспектом связей между Казахстаном и странами ЕАЭС на низовом уровне, являются экономические отношения

на уровне отдельных людей, включая индивидуальных предпринимателей, и малого бизнеса. Отражением интенсивности этих связей выступают объемы и количество трансграничных денежных переводов физических лиц.

В период 2015–2019 годов эти переводы в страны ЕАЭС из Казахстана и в обратном направлении существенно выросли, особенно заметно увеличилась доля таких переводов в общем объеме. В 2015 году на переводы из Казахстана в страны ЕАЭС приходилось 26,7 % от общего объема переводов физических лиц за рубеж, в 2019 году этот показатель вырос до 32,3 %. Абсолютный объем переводов в этот период несколько сократился — с 2367 млн долл. до 1901 млн долл. [19], но это сокращение было меньшим, чем по объему всех переводов за рубеж. Переводы же в Казахстан из стран ЕАЭС выросли и в абсолютном выражении (с 548 до 583 млн долл. при том, что общий объем переводов физических лиц в страну уменьшился), и в относительном — их удельный вес увеличился с 21 % в 2015 году до 31,7 % в 2019 году [19]. Таким образом, возросшая в период существования ЕАЭС интенсивность

трансграничных денежных переводов также отражает усиление экономических взаимосвязей на низовом уровне и может рассматриваться как следствие интеграционных процессов.

ВЫВОДЫ

Итоги пяти лет существования в условиях ЕАЭС в целом позитивны для экономики Казахстана, что отражается в положительной и, в большинстве сфер, опережающей динамике основных показателей сотрудничества со странами объединения на всех уровнях. Отрицательная динамика отмечена фактически только в одной сфере — торговле услугами со странами ЕАЭС, тогда как в остальных сферах она либо нейтральна (находится на одном уровне с показателями сотрудничества со странами, не входящими в ЕАЭС), либо положительна и более интенсивна, чем с остальным миром.

Относительно проблемной сферой остается экспорт в страны ЕАЭС, который в период существования объединения рос меньшими темпами по сравнению с экспортом в стране вне союза, что создавало условия для сохранения дефицита взаимной торговли. При этом необходимо учитывать, что менее выраженная динамика была обусловлена иной структурой экспорта в ЕАЭС и низкой долей в нем нефти, рост цены которой стал драйвером роста экспорта Казахстана в третьи страны.

В период функционирования ЕАЭС наблюдается рост интенсивности притока в Казахстан инвестиций из стран объеди-

нения, а также инвестиций в эти страны из Казахстана; показатели взаимного инвестиционного сотрудничества значительно опережают аналогичные параметры для остального мира, а страны ЕАЭС (прежде всего, Россия) стали основным источником прироста накопленных иностранных инвестиций в Казахстане в 2015–2019 годах.

В период функционирования ЕАЭС произошло существенное и опережающее увеличение количества зарегистрированных и действующих предприятий с участием капитала из стран союза с ростом их доли в общем объеме предприятий с иностранным капиталом в Казахстане, что способствует росту занятости и налоговой базы. Также в рассмотренный период выросли показатели трансграничных денежных переводов в Казахстан и из Казахстана с ростом доли удельного веса стран ЕАЭС в таких переводах, что может рассматриваться как признак укрепления как деловых связей малого бизнеса и индивидуального предпринимательства, так и межличностных контактов граждан Казахстана и стран объединения.

Анализ показателей экономического сотрудничества Казахстана и стран ЕАЭС в пятилетний период позволяет оценить его итоги как позитивные для большинства сфер и уровней сотрудничества и, как следствие, для национальной экономики в целом, хотя имеются отдельные направления, потенциал которых раскрыт недостаточно и нуждается в дополнительных мерах стимулирования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ушкалова Д. Ш. 5 лет ЕАЭС: итоги взаимной торговли. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2020;1:73-92.
2. Мигранян А. А. Казахстан в ЕАЭС: торгово-экономические эффекты. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2019;4:134-152.
3. Симонян Р. Х. Российско-казахстанское сотрудничество в контексте евразийского транзита. *Восточная аналитика*. 2019;2:97-103.

4. Рамазанов С. А. Динамический анализ активов центральных банков стран-участниц ЕАЭС в условиях углубления интеграционных процессов. *Развитие и безопасность*. 2019;4:36-47.
5. Карпов В. В., Кораблева А. А., Миллер Е. В. Оценка трансграничных переводов между Россией и ЕАЭС. *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*. 2019;17(4):27-35.
6. Реестр препятствий. Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/obstacles.aspx> (дата обращения: 24.04.2020)
7. Судакова Ю. М. Особенности нетарифного регулирования в торговой политике Казахстана. Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2019;2:187-201.
8. Основные показатели внешней торговли Республики Казахстан по странам/ Статистика внешней и взаимной торговли. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: <https://www.stat.gov.kz/official/industry/31/statistic/6> (дата обращения: 3.04.2020)
9. Литвинов А. И. Торгово-экономическое сотрудничество России и Казахстана. *Российский экономический вестник*. 2019;11:101-111.
10. Тун В., Уржумцева Т. Б. Анализ внешней торговли и ее экономическое влияние на страны Центральной Азии. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2019;4:62-67.
11. Мельников А. Б., Маркевич Ю. А., Фалина Н. В. Состояние и уровень развития интеграционных процессов в ЕАЭС как составляющие экономической безопасности интеграционного объединения. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2020;28(1):55-71.
12. Структура экспорта и импорта Республики Казахстан по основным товарным группам/ Статистика внешней и взаимной торговли. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: <https://www.stat.gov.kz/official/industry/31/statistic/6> (дата обращения: 25.04.2020)
13. Доклад об экономике Казахстана – зима 2019 г. Всемирный банк, 18 декабря 2019 года. [обновлено 12 февраля 2020]. Доступно: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/kazakhstan/publication/economic-update-winter-2019>. (дата обращения: 24.04.2020)
14. Международная торговля Республики Казахстан услугами за 2019 год/ Статистика платежного баланса. Национальный банк Республики Казахстан, официальный интернет-ресурс. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=343&switch=russian> (дата обращения: 24.04.2020)
15. Валовый приток иностранных прямых инвестиций в Республику Казахстан от иностранных прямых инвесторов по странам/ Статистика прямых инвестиций по направлению вложения. Национальный банк Республики Казахстан, официальный интернет-ресурс. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=680&switch=russian> (дата обращения: 24.04.2020)
16. Чистый поток прямых инвестиций (в динамике)/ Статистика прямых инвестиций по направлению вложения. Национальный банк Республики Казахстан, официальный интернет-ресурс. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=680&switch=russian> (дата обращения: 24.04.2020)
17. Международная инвестиционная позиция (МИП) Казахстана на 1 января 2020 года/ Международная инвестиционная позиция. Национальный банк Республики Казахстан, официальный интернет-ресурс. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=679&switch=russian> (дата обращения: 24.04.2020)
18. Зарегистрированные юридические лица, филиалы и представительства с иностранным участием по регионам Республики Казахстан/ Статистика предприятий. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL:

<https://www.stat.gov.kz/official/industry/13/statistic/6> (дата обращения: 24.04.2020)

19. Трансграничные денежные переводы физических лиц и личные переводы/ Платежи за экспорт и импорт товаров и услуг и пере-

воды денег. Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/time_series/Pages/transfers.aspx (дата обращения: 24.04.2020)

REFERENCES:

1. Ushkalova D.Sh. 5 years of the EAEU: results of mutual trade. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2020;1:73-92. (In Russ.).
2. Migranyan A.A. Kazakhstan in the EAEU: trade and economic effects. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2019;4:134-152. (In Russ.).
3. Simonyan R.Kh. Russian-Kazakh cooperation in the context of Eurasian transit. *Eastern analytics*. 2019;2:97-103. (In Russ.).
4. Ramazanov S.A. A dynamic analysis of the assets of the central banks of the EAEU member countries in the context of deepening integration processes. *Development and Security*. 2019;4:36-47. (In Russ.).
5. Karpov VV, Korableva AA, Miller EV Assessment of cross-border transfers between Russia and the EAEU. *Bulletin of Omsk University. Series: Housekeeper*. 2019;17(4):27-35. (In Russ.).
6. Obstacle Registry. Eurasian Economic Commission. URL: <https://barriers.eacunion.org/en-us/Pages/obstacles.aspx> [Accessed: 24.04.2020]
7. Sudakova Yu.M. Features of non-tariff regulation in the trade policy of Kazakhstan. *East. Afro-Asian societies: history and modernity*. 2019;2:187-201. (In Russ.).
8. Main Indicators of Foreign and Mutual Trade/ Statistics of Foreign and Mutual Trade. Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan. Statistics committee. URL: <https://www.stat.gov.kz/official/industry/31/statistic/6> [Accessed: 03.04.2020]
9. Litvinov A.I. Trade and economic cooperation between Russia and Kazakhstan. *Russian Economic Bulletin*. 2019;11:101-111. (In Russ.).
10. Tun V., Urzhumtseva T.B. Analysis of foreign trade and its economic impact on the countries of Central Asia. *Eurasian integration: economics, law, politics*. 2019;4:62-67. (In Russ.).
11. Melnikov A.B., Markevich Yu.A., Falina N.V. The state and level of development of integration processes in the EAEU as components of the economic security of an integration association. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics*. 2020;28(1):55-71. (In Russ.).
12. Republic of Kazakhstan Export and Import Structure by the Main Items/Statistics of Foreign and Mutual Trade. Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan. Statistics committee. URL: <https://www.stat.gov.kz/official/industry/31/statistic/6> [Accessed: 25.04.2020] (In Russ.).
13. Kazakhstan Economy Report — Winter 2019, World Bank, December 18, 2019. [updated February 12, 2020]. Available: <https://www.vsemirnyjbank.org/en/country/kazakhstan/publication/economic-update-winter-2019> [Accessed: 24.04.2020] (In Russ.).
14. International trade of the Republic of Kazakhstan with services for the 2019. Balance of Payment. The National Bank of Kazakhstan. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=199&switch=english> [Accessed: 24.04.2020] (In Russ.).
15. Gross inflow of direct investment in Kazakhstan from foreign direct investors (breakdown by residents' types of economic activities/countries/regions of Kazakhstan). Direct Investments Statistic according to the directional principle. The National Bank of Kazakhstan. URL: <https://>

- nationalbank.kz/?docid=469&switch=english [Accessed: 24.04.2020] (In Russ.).
16. Net flow of direct investment in Kazakhstan (in the dynamic).). Direct Investments Statistic according to the directional principle. The National Bank of Kazakhstan. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=469&switch=english> [Accessed: 24.04.2020] (In Russ.).
  17. International investment position (IIP) of Kazakhstan as of January 1st, 2020. International Investment Position. The National Bank of Kazakhstan. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=468&switch=english> [Accessed: 24.04.2020] (In Russ.).
  18. The quantity of acting juridical persons of Republic of Kazakhstan with foreign form of property/ Statistics of Enterprises. Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan. Statistics committee. URL: <https://www.stat.gov.kz/official/industry/13/statistic/6> [Accessed: 24.04.2020] (In Russ.).
  19. Payments for the export and import of goods and services and money transfers. Eurasian Economic Commission. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/time_series/Pages/transfers.aspx [Accessed: 24.04.2020] (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Вячеслав Ю. Додонов, Доктор экономических наук, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, Алматы, Казахстан; 050000, Республика Казахстана, г. Алматы, ул. Тулебаева, 162; dodonovv@mail.ru

Vyacheslav Yu. Dodonov, Doctor of Economics, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan; bld. 162, Tulebaev str., Almaty, 050000, the Republic of Kazakhstan; dodonovv@mail.ru

<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-365-372>

Энергетическая политика стран Центральной Азии: основные итоги

Елена А. Маркова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,

abellen@yandex.ru

Аннотация: после распада СССР страны Центральной Азии столкнулись с рядом политических и экономических проблем. Наиболее остро стояли вопросы межгосударственного взаимодействия новых государств в энергетической сфере и проведения ими самостоятельной энергетической политики. Попытки стран региона реализовать интеграционные проекты в энергетической сфере не дали положительного результата. Государства Центральной Азии имели однотипные экономики, слабо развитую инфраструктуру. Основным препятствием для расширения энергетического сотрудничества стран региона являлась географическая удаленность стран региона от основных потребителей углеводородных ресурсов. Несмотря на сложности, страны региона проводили политику, направленную на привлечение зарубежных инвестиций в освоение месторождений, реализацию трубопроводных проектов. Большое влияние на обсуждение и дальнейшую реализацию ряда трубопроводных проектов оказали Китай и западные страны. Для китайской стороны Центральная Азия представляла большое значение. Китай стремился усилить свое влияние в странах региона, ограничить влияние России и западных стран. В этом вопросе Китай добился значительных успехов, реализовав в регионе трубопроводные проекты. ЕС и США также продвигали энергетические проекты. Однако удаленность стран региона от европейского рынка углеводородных ресурсов не позволила реализовать проекты нефте- и газопроводов, идущих из Центральной Азии в западном направлении. В итоге, страны Центральной Азии в реализации энергетической политики в основном ориентируются на сотрудничество с Китаем и Россией, которая является важным партнером центрально-азиатских государств.

Ключевые слова: Центральная Азия, сотрудничество, энергетика, внерегиональные государства, Китай, ЕС, США

Для цитирования: Маркова Е. А. Энергетическая политика стран Центральной Азии: основные итоги. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(3):365-372. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-365-372>

Статья поступила 15.05.2020

Принята в печать 29.06.2020

Опубликована 03.09.2020

Energy Policies in Central Asia: Main Outcomes

Elena A. Markova

Peoples' Friendship University, Moscow, Russia,

abellen@yandex.ru

Abstract: After the collapse of the USSR, Central Asian countries faced a number of political and economic challenges. The most pressing issues were inter-State interaction in the energy sector and the pursuit of their independent energy policy. But the efforts of the countries to implement integration projects in the energy sector failed. The Central Asian states had twin economies and poorly developed infrastructure. The main obstacle for expanding energy cooperation of the countries in the region was their geographical remoteness from the major hydrocarbon resource consumers. Despite the difficulties, the countries pursued a policy aimed at attracting foreign investment in the development of deposits and implementation of pipeline projects. China and Western countries had great influence on the discussion and further implementation of a series of pipeline projects. Central Asia was of great importance for China which sought to strengthen its influence in the countries of the region but curtail Russia and Western countries' influence. In this matter, China has made significant progress with the pipeline projects in the region. The EU and the US were also promoting energy projects. However, the remoteness of the countries from the European market for hydrocarbon resources precluded projects for oil and gas pipelines going from Central Asia to the west to be implemented. As a result, the Central Asian countries largely opt for China and Russia, as an important partner, in the implementation of their energy policy.

Keywords: Central Asia, cooperation, energy, extraregional states, China, EU, USA

For citation: Markova E. A. Energy Policies in Central Asia: Main Outcomes. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(3):365-372. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-365-372>

Received 15.05.2020

Revised 29.06.2020

Published 03.09.2020

ВВЕДЕНИЕ

Отправной точкой в рассмотрении энергетической политики стран Центральной Азии стал распад СССР. Часть стран обладала значительными запасами нефти и газа, другая часть стран региона — наличием водно-энергетического потенциала. Данная ситуация определила основные направления энергетической политики стран Центральной Азии [1].

Наличие в странах Центральной Азии значительного энергетического потенциала

усилило интерес к региону внерегиональных государств. Прежде всего, к странам, которые располагали значительными запасами нефти и газа. Это привело к разработке различных проектов, связанных с доставкой углеводородных ресурсов на внешние рынки. В свою очередь, энергетический фактор стал одним из основных в определении внешней политики стран региона. Расширение сотрудничества в этой сфере рассматривалось ими в качестве воз-

возможности укрепить независимость, диверсифицировать внешнеполитические контакты и привлечь инвестиции в разработку собственных месторождений. Подобная политика дала положительные результаты. Страны региона сумели привлечь инвестиции зарубежных нефтегазовых компаний в разработку месторождений нефти и газа. Энергетическая сфера стала основой для установления долгосрочных отношений с внерегиональными государствами [2].

В НАЧАЛЕ ПУТИ

После получения независимости страны Центральной Азии активно включились в обсуждение новых проектов трубопроводов. Новые маршруты поставок нефти и газа рассматривались в качестве возможности обеспечить выход углеводородным ресурсам стран региона на внешние рынки [3]. Наиболее активно в обсуждении новых маршрутов участвовали Туркменистан, Узбекистан и Казахстан, которые располагали трубопроводной инфраструктурой, построенной в советское время, а главное — имели значительные запасы углеводородного сырья [4]. Последний фактор привлекал и страны, которые рассчитывали участвовать в разработке и экспорте нефти и газа на внешние рынки. Киргизия и Таджикистан не обладали значительными запасами природного газа и нефти, хотя имели водно-энергетический потенциал.

Основные запасы природного газа в Центральной Азии находились в Туркменистане. Согласно различным оценкам, запасы туркменского газа составляли от 8 до 24 трлн м³. Хотя точные, подтвержденные международным аудитом, данные отсутствовали. Несмотря на это, политика Туркменистана была направлена на диверсификацию маршрутов экспорта природного газа и развитие топливно-энергетического комплекса страны. Прежде всего, за счет разработки сырьевой базы, увеличение

объемов разведочного бурения, прироста промышленных запасов нефти и газа.

В 90-х годах XX века Туркменистан в основном зависел от России. Российское направление было единственным маршрутом для экспорта углеводородных ресурсов [5]. Соответственно, Туркменистан стремился освободиться от такой зависимости, получив возможность поставлять газ в других направлениях. Данная задача была частично реализована после ввода в строй (1997 г., 2010 гг.) двух «ниток» газопроводов в направлении Ирана. Однако небольшая мощность газопровода не позволяла говорить о перенаправлении больших объемов газа. Тем не менее, строительство газопровода в иранском направлении положило начало созданию альтернативных маршрутов поставок туркменского газа [6].

Новые возможности стали открываться перед Туркменистаном после введения в 2009 году в строй газопровода Туркменистан — Китай мощностью 30 млрд м³ газа в год. Сырьевой базой для газопровода должны были стать месторождения природного газа на правом берегу реки Амударья. В то же время, Туркменистан уделял большое значение европейскому направлению. Выход туркменских углеводородов на европейский рынок мог вывести Ашхабад в число приоритетных партнеров ЕС, обеспечив политическую поддержку туркменским властям. В середине 1990-х годов Туркменистан мог реализовать данные планы при сотрудничестве с Азербайджаном. В Баку были готовы построить экспортный Транскаспийский газопровод по дну Каспийского моря. Однако после того, как Азербайджан обнаружил у себя значительные запасы газа, азербайджано-туркменское сотрудничество было прекращено.

Одним из ключевых государств, располагающих газотранспортной структурой, является Казахстан. Он располагает запасами, которые оценивались в 2 трлн м³.

Большая часть запасов нефти и газа страны находится на месторождениях «Кашаган», «Тенгиз» и «Карачаганак». При этом ставка как правило делалась на добычу нефти. Лишь в XXI веке власти страны обратили внимание на природный газ. Отсутствие должного внимания к газовым запасам Казахстана объяснялось значительным удалением региона от потребителей и отсутствия необходимой инфраструктуры [7]. В основном Казахстан экспортировал небольшие объемы газа через российскую территорию.

В последнее десятилетие подход Казахстана изменился. В 2007 году было подписано соглашение о строительстве китайско-казахстанского газопровода. Казахстан рассчитывает нарастить добычу газа и экспортировать его в соседние страны. Расширение добычи газа в Казахстане сдерживает отсутствие необходимых технологий. Помимо этого, казахстанская сторона сталкивается с проблемами его доставки. Казахстан в основном экспортирует газ в Россию, через газотранспортную систему Средняя Азия — Центр. В тоже время, строительство трубопровода Туркменистан — Китай Казахстан позволило расширить экспорт газа в восточном направлении [8].

Государством, которое располагает запасами природного газа, является Узбекистан. Подтвержденные запасы газа в Узбекистане составляют свыше 1,5 трлн м³. Основной экспорт газа осуществляется в Россию и Китай, а также в сопредельные страны — Казахстан, Киргизию и Таджикистан.

Отличительной особенностью Узбекистана является стабилизация добычи газа в последние годы и отсутствие предпосылок для ее увеличения. Для значительного роста добычи углеводородного сырья в Узбекистане необходимы масштабные инвестиции [9].

Рост добычи позволил Туркменистану принять участие в обсуждении новых трубопроводных проектов. Прежде всего, Туркмени-

стан привлекал Транскаспийский газопровод (ТКГ), а также проект газопровода, маршрут которого должен был пройти через Туркменистан, Афганистан, Пакистан и Индию (ТАПИ). Однако несмотря на многочисленные переговоры, эти экспортные маршруты пока не приблизились к практической стадии реализации. Это связано с отсутствием свободных объемов туркменского газа, техническими и технологическими трудностями. Негативное влияние оказывает нестабильная ситуация в Афганистане и Пакистане [10].

Политика Казахстана в области трубопроводного транспорта остается наиболее взвешенной и осторожной по сравнению с политикой Туркменистана. Казахстан выступает за диверсификацию экспортных маршрутов, однако Астана стремится рассматривать весь спектр маршрутов, чтобы в случае изменения геополитической ситуации в регионе, цен на углеводородное сырье иметь возможность для сохранения своих позиций. Кроме того, более тесная привязка Казахстана к России, производственные и технологические связи не позволяют кардинально изменить внешнеполитический курс, в том числе, и в области трубопроводной политики.

РОЛЬ ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Распад СССР открыл перед Китаем новые возможности, предопределившие направления китайской политики в отношении Центральной Азии. Однако расчеты на установление доминирующего положения в регионе оказались неоправданными и не были реализованы. В итоге, политика Китая в отношении стран Центральной Азии была скорректирована в сторону постепенного продвижения своих интересов.

Китай постоянно стремится усилить свои позиции в Центральной Азии. Для Китая было важно установить контроль над за экспортом углеводородного сырья из стран региона. Политике Китая способствовала

заинтересованность центрально-азиатских государств иметь постоянного и надежного партнера, потребность которого в дополнительных объемах нефти и газа возрастала из года в год. В результате, страны Центральной Азии выступали за расширение энергетического взаимодействия с Китаем, который, в свою очередь, проводя политику диверсификации источников получения углеводородного сырья, в тоже время разрабатывал собственные месторождения [11].

Большой интерес к Центральной Азии проявляли ЕС и США. В 2005 году США сделали попытку придать своей политике в Центральной Азии динамизм, предложив концепцию создания «Большой Центральной Азии». Этот проект предполагал объединение в геополитическую единицу не только страны Центральной Азии, но и Афганистан, Индию и Пакистан. Основной задачей данной концепции являлось получение дополнительных рычагов влияния на развитие Центральной Азии. Кроме того, США активно развивали отношения со странами региона на двусторонней основе. Проблемы безопасности и контроля над энергетическими ресурсами дополнялись политическими вопросами. Так, американская сторона поддерживала курс на переход стран Центральной Азии к демократическим процедурам. При этом, зачастую не учитывая историю их развития, национальную культуру и традиции. В целом, страны региона воспринимались США в большей степени как район мира, имеющий потенциально значимые запасы энергетических ресурсов. За исключением проектов в сфере энергетики, американские интересы не были четко сформулированы и фокусировались на общих проблемах политического и экономического развития Центральной Азии. В итоге, интересы США в Центральной Азии ограничиваются развитием дипломатических контактов и продви-

жением общих тезисов о поддержке стран в их движении к построению рыночного государства и развитию демократии [12].

Европейские страны достаточно поздно приступили к выработке стратегии в отношении Центральной Азии. Лишь в июне 2007 года ЕС утвердил стратегию по сотрудничеству с Центральной Азией. Одним из важных элементов сотрудничества со странами Центральной Азии выступали энергетические ресурсы. Получение к ним беспрепятственного доступа в последующей транспортировкой в страны ЕС рассматривались ЕС в качестве одной из главных задач. Это вновь усилило внимание к проекту Транскаспийского газопровода, который должен был стать составной частью проекта газопровода «Набукко». Таким образом, ЕС реализовывал политику, направленную на создание трубопроводов, идущих в обход российской территории.

Политика России в отношении Центральной Азии прошла несколько этапов, каждый из которых отражал взгляды политического руководства. При этом, доминировали двусторонние отношения России со странами Центральной Азии. Исключением являлось взаимодействие в рамках многосторонних форматов. Так, например, с отдельными государствами шло взаимодействие в рамках ЕврАзЭС и ШОС, а впоследствии в рамках Евразийского экономического союза.

В энергетической сфере, заметным достижением российской политики России в Центральной Азии стала реализация Каспийского трубопроводного консорциума (КТК). Он был предназначен для поставок казахстанской нефти в порт Новороссийск. Остальные российские проекты так и не были реализованы. В целом, участие российских компаний в разработке новых месторождений нефти и газа в Центральной Азии носило ограниченный характер, а объем инвестиций был незначительным.

ВОДНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

В последнее десятилетие проблема использования водных ресурсов в Центральной Азии остается острой. Это связано с сохраняющейся неравномерностью распределения водных ресурсов, их ограниченным объемом. Постоянно возрастает потребление воды в странах региона, что «ведет к конкурирующему спросу на воду, как на национальном, так и на региональном уровне» [13]. Дефицит воды становится возовом для стран Центральной Азии. Ряд государств уже исчерпали собственные возможности по увеличению объема получаемым водным ресурсам. Это вынуждает приступить к изучению и разработке проектов совместного использования вод на базе межзональных (межгосударственных) перебросок части стока рек [14].

Анализ динамики и прогнозов водопотребления в регионе показывает, что в ближайшем десятилетии страны региона будут вынуждены решать проблемы водных ресурсов. Возможным решением может стать взаимовыгодное совместное использование водных ресурсов между государствами на базе крупномасштабных межзональных перебросок части стока многоводных рек в маловодные регионы [15 Springer].

Страны Центральной Азии уделяют большое внимание вопросам правового регулирования использования водных ресурсов трансграничных рек. Неэффективное управление видными ресурсами ведет к уменьшению стока рек Центральной Азии, оказывая негативное влияние на социально-экономическое развитие стран региона, обостряя экологические проблемы. Нехватка водных ресурсов в регионе обостряет межгосударственные противоречия между странами, оказывая негативное влияние на их экономическое развитие [16].

Пока попытки на межгосударственном уровне разработать механизм правового

регулирования водными ресурсами не дали результатов. Страны региона имеют различные интересы. Их ориентация на собственные интересы сводит на нет усилия по выработке решений, приемлемых для всех. Тем не менее, в последнее десятилетие страны региона пришли к пониманию, что назрела необходимость выработать подходы к управлению водными ресурсами. Это является единственной возможностью избежать межгосударственных конфликтов и обеспечить дальнейшее развитие экономики и сельского хозяйства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За годы независимости страны Центральной Азии сформировали альтернативные пути экспорта углеводородных ресурсов. Были построены новые трубопроводы, которые позволили Казахстану, Узбекистану и Туркменистану обеспечить беспрепятственный выход своих ресурсов на внешние рынки. В тоже время, их усилия не позволили снизить зависимость от внешних потребителей. Страны Центральной Азии, добывающие нефть и газ, оказались в зависимости от политики Китая. Официальный Пекин стал оказывать сильное влияние на объемы закупаемых углеводородных ресурсов, а также проводить собственную ценовую политику.

Совпадающие интересы стран Центральной Азии в энергетической сфере не позволяют рассчитывать на их взаимодействие. Страны региона выступают в качестве конкурентов. Это подвигает центрально-азиатские страны продвигать альтернативные проекты, которые снизят их зависимость и дадут новые преимущества в вопросах поставок нефти и газа на внешний рынок. В этом вопросе много будет зависеть от внешнего фактора. США и ЕС, Китай и Россия, а также другие страны проявляют повышенное

внимание к добыче и маршрутам экспорта будущих объемов углеводородного сырья на внешний рынок.

По прежнему ключевым вопросом для стран региона будут оставаться вопро-

сы, связанные с использованием водных ресурсов и выработкой системы управления ими. Пока страны Центральной Азии не достигли прогресса в этом вопросе, ориентируясь на национальные интересы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жильцов С.С. Постсоветское пространство: тенденции развития. Москва: Эдель-М; 2001. 199 с.
2. Жильцов С.С. Центральная Азия на пересечении стратегических интересов: итоги и перспективы. В: Актуальные вопросы безопасности в Центральной Азии (материалы X ежегодной Алматинской конференции. 2012.). Алма-Ата: КИСИ; 2012. С. 29-36
3. Жильцов С.С. Конкуренция в сфере экспорта энергоносителей и вопросы региональной безопасности в Центральной Азии В: Центральная Азия в условиях геополитической трансформации мирового экономического кризиса (Материалы VII ежегодной Алматинской конференции. 2009). Алма-Ата: КИСИ; 2009. С. 174-178
4. Жильцов С.С. Трубопроводная архитектура в Каспийском регионе: итоги и перспективы. PolitBook. 2015;2:114-132
5. Жильцов С.С. Политика России в Каспийском регионе: современный этап. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология.* 2013;2:71-92
6. Жильцов С.С. Сотрудничество России и Ирана в Каспийском регионе: итоги и перспективы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Международные отношения.* 2016;16(4): 628-642
7. Жильцов С.С. Великий нефтегазовый путь: первые итоги и перспективы. *Центральная Азия и Кавказ.* 2015;18(3-4):73-84
8. Зонн И.С., Жильцов С.С. Каспийский регион: география, экономика, политика, сотрудничество Москва: Эдель-М; 2004. 456 с.
9. Жильцов С.С. Внешняя политика Узбекистана формирует ориентиры развития Центральной Азии. *Центральная Азия и Кавказ.* 2018;21(4):65-77.
10. Жильцов С.С. Трубопроводная игра в Каспийском регионе. *Проблемы постсоветского пространства.* 2015;1(3):96-115.
11. Жильцов С.С. Политика стран Центральной Азии: водно-энергетический аспект. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология.* 2016;3:7-18.
12. Зонн И.С., Жильцов С.С. Стратегия США в Каспийском регионе. Москва: Эдель-М; 2003. 200 с.
13. Жильцов С.С. Роль водных ресурсов трансграничных рек Центральной Азии в развитии региона. В: устойчивое развитие: общество, экология, экономика. Материалы XV Международной научной конференции. В 4-х частях. Под ред. А.В. Семенова, Н.Г. Мальшева (Москва, 2019). Москва: Витте; 2019. С. 71-90
14. Iskandarkhonova B.A. Legal Regulation of the Transboundary River Use in Central Asia. *Moscow Journal of International Law.* 2007;3:140-153.
15. Water Resources Management in Central Asia. Editors: Zonn I.S., Zhiltsov S.S., Kostianoy A.G., Semenov A.S. 2020. Springer. 197 p.
16. Petrov G. The Conflict of Interests Between Hydropower Generation and Irrigation in Central Asia. Its Causes and Rectification. *Central Asia and the Caucasus.* 2010; 3:59-72.

REFERENCES:

1. Zhiltsov S.S. Post-Soviet space: development trends. Moscow, Edel-M. 2001. 199 pp.
2. Zhiltsov S.S. Central Asia at the intersection of strategic interests: results and prospects. In: Topical matters of security in Central Asia (Materials of the X annual Almaty conference. 2012.). Alma-Ata: KISI; 2012. p. 29-36 (In Russ.)
3. Zhiltsov S.S. Energy exports competition and regional security issues in Central Asia / In the collection: Central Asia in the context of the geopolitical transformation of the global economic crisis (Materials of the VII annual Almaty conference. 2009). Alma-Ata: KISI; 2009. Pp. 174-178. (In Russ.)
4. Zhiltsov S.S. Pipeline architecture in the Caspian region: results and prospects. *PolitBook*. 2015;2:114-132. (In Russ.)
5. Zhiltsov S.S. Russian policy in the Caspian region: current stage. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series Political Science*. 2013;2:71-92. (In Russ.)
6. Zhiltsov S.S. Russian-Iranian partnership in the Caspian region: results and prospects. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. International relationships*. 2016;16(4): 628-642. (In Russ.)
7. Zhiltsov S.S. The Great Oil and Gas Route: First Results and Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2015;18(3-4):73-84. (In Russ.)
8. Zonn I.S., Zhiltsov S.S. Caspian region: geography, economics, politics, cooperation. Moscow: Edel-M; 2004. 456 pp. (In Russ.)
9. Zhiltsov S.S. Uzbekistan's foreign policy forming the guidelines for the development of Central Asia. *Central Asia and the Caucasus*. 2018;21(4):65-77. (In Russ.)
10. Zhiltsov S.S. Pipeline game in the Caspian region. *Post-Soviet Issues*. 2015;1(3):96-115. (In Russ.)
11. Zhiltsov S.S. Central Asian countries 'policy: water and energy aspects. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Political Science*. 2016;3:7-18. (In Russ.)
12. Zonn I.S., Zhiltsov S.S. US strategy in the Caspian region. Moscow: Edel-M; 2003. 200 pp. (In Russ.)
13. Zhiltsov S.S. The role of water resources of Central Asian transboundary rivers in the region development. In: sustainable development: society, ecology, economy. Materials of the XV International Scientific Conference in 4 parts. Edited by A.V. Semenov, N.G. Malyshev. (Moscow. 2019). Moscow: Witte; 2019. Pp. 71-90. (In Russ.)
14. Iskandarkhonova B.A. Legal Regulation of the Transboundary River Use in Central Asia. *Moscow Journal of International Law*. 2007;3:140-153.
15. Water Resources Management in Central Asia. Editors: Zonn I.S., Zhiltsov S.S., Kostianoy A.G., Semenov A.S. 2020. Springer. 197 p.
16. Petrov G. The Conflict of Interests Between Hydropower Generation and Irrigation in Central Asia. Its Causes and Rectification. *Central Asia and the Caucasus*. 2010; 3:59-72.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена А. Маркова, Кандидат филологических наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6;
abellen@yandex.ru

Elena A. Markova, Candidate of Philological sciences, Peoples' Friendship University, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia;
abellen@yandex.ru

Русский язык в Центральной Азии: современное состояние и перспективы

Александр Н. Евдокимов¹, Татьяна А. Давыдова², Дмитрий А. Савкин³

Байкальский институт БРИКС, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия; Шаньдунский университет, Цзинань, КНР,

¹iskander2@mail.ru, ²davydovata@istu.edu, ³d.savkin@mail.ru

Аннотация: в статье выявляется тенденция массовой потери носителей русского языка в постсоветской Центральной Азии, подробно анализируются политики и объективные тенденции в этих государствах, приводящие к выявленной тенденции. Авторы отмечают нарастающие тенденции замещения русского языка во внутригосударственных процессах коммуникации национальными языками, снижение роли русского языка как межгосударственного языка-посредника в Центральной Азии, а также реакцию России на указанные процессы. Отмечается тенденция увеличения числа изучающих внешних по отношению к региону языков – китайского, английского и турецкого, и наращивание влияния внешних игроков. Помимо этого, авторы дают прогноз политико-социальным процессам, которые, как ожидается, возникнут в результате снижения роли русского языка в регионе, включая анклавизацию и отток русскоязычного населения из этих стран.

Ключевые слова: Россия, русский язык, Центральная Азия, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, языковая политика, мягкая сила, региональная политика, культурная дипломатия

Для цитирования: Евдокимов А.Н., Давыдова Т.А., Савкин Д.А. Русский Язык в Центральной Азии: современное состояние и перспективы. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(3):373-388. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-373-388>

Статья поступила 21.05.2020

Принята в печать 27.06.2020

Опубликована 03.09.2020

Russian language in Central Asia: current status and prospects

Alexander N. Evdokimov¹, Tatyana A. Davydova², Dmitry A. Savkin³

*Baikal School of BRICS, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia;
Shandong University, Jinan, P.R.C.,*

¹iskander2@mail.ru, ²davydovata@istu.edu, ³d.savkin@mail.ru

Abstract: the article reveals the trend of mass loss of native speakers of the Russian language in post-Soviet Central Asia. Authors analyze the policies and objective trends in those states in detail, leading to the identified problem. The authors outline the growing trends in the replacement of the Russian language in domestic processes of communication with national languages, the diminishing role of the Russian language as an interstate intermediary language in Central Asia, as well as Russia's reaction to these processes. Central Asia now show an increasing number of students learning other foreign languages such as Chinese, English and Turkish. As a result authors are forecasting the increase of external players influence. In addition, are analyzing political and social effects that are expected to arise as a result of the diminishing role of the Russian language in the region, including future occurrence of Russian-speakers' enclaves and an outflow of the Russian-speaking population from these countries.

Keywords: Russia, Russian language, Central Asia, Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, language politics, regional policy, soft power, language diplomacy

For citation: Evdokimov A.N., Davydova T.A., Savkin D.A. Russian language in Central Asia: current status and prospects. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(3):373-388. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-373-388>

Received 21.05.2020

Revised 27.06.2020

Published 03.09.2020

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XX–XXI вв. русский язык, прочно вошедший в состав мировых языков и получивший закрепленный статус одного из рабочих языков ООН, столкнулся с чрезвычайно острой проблемой массовой потери своих носителей за весьма короткий временной отрезок. Данная ситуация, при которой территория распространения русского языка непрерывно сокращается, что в свою очередь приводит к значительному ослаблению культурно-политического влияния русского языка на мировой арене, вызывает серьезную озабоченность не только у ученых-лингвистов, но и у представителей российской власти. Подобную точку зрения 24 декабря 2015 г. на пресс-конференции в МИА «Россия сегодня» выразил председатель комитета ГД по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественни-

ками Л. Слуцкий: «Ни один язык, к сожалению, за последние несколько столетий не исчезал так быстро, как русский. Я уже не раз приводил эту статистику: сейчас по-русски говорят 270 млн человек, а в 1989 г. говорили 370 млн. И это ничтожный по историческим меркам отрезок времени» [1].

Более точные статистические данные, а также прогноз в отношении количества русскоязычного населения Земли приводятся в работе «Русский язык на рубеже XX–XXI вв.» заместителя директора по научной работе Центра социологических исследований Министерства образования и науки России А. Л. Арефьева [2] (таб.1).

Таким образом, графически тенденция по распространению русского языка в мире может быть выражена следующим образом на рис. 1 [3].

Таблица 1.

Годы	Общемировая численность населения, млн чел.	Численность населения Российской империи, СССР, РФ, млн чел.	Доля в общемировой численности населения, %	Число владевших русским языком, млн чел.	Доля в общемировой численности населения, %
1900	1650	138,0	8,4	105	6,4
1914	1782	182,2	10,2	140	7,9
1940	2342	205,0	8,8	200	7,6
1980	4434	265,0	6,0	280	6,3
1990	5263	286,0	5,4	312	5,9
2004	6400	146,0	2,3	278	4,3
2010	6820	142,7	2,1	260	3,8
2015	7200	139,0	1,9	243	3,4
2025	7800	129,0	1,7	215	2,8
2050	9350	110,0	1,2	130	1,4

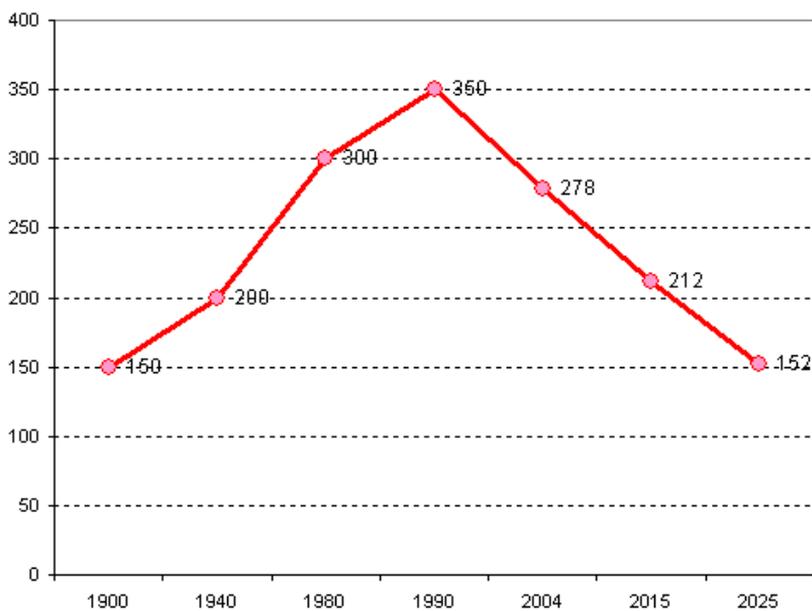

Рис. 1.

А. Л. Арефьев особо подчеркивает факт утраты русским языком своих позиций во всех регионах Земли и на территории самой России, что связано с массовой убылью русскоязычного населения и заменой в странах бывшего СССР русского языка на местные языки [4].

По состоянию на 2019 год, по данным сайта Ethnologue, поддерживаемого институтом SIL international, русский язык используется в 19 странах, насчитывает 154 млн носителей, что позволяет ему занимать восьмое место в списке самых распространенных языков мира [5].

Статус государственного русский язык имеет в России, Белорусии, частично признанной Южной Осетии, непризнанной Приднестровской Молдавской республике, непризнанных ДНР и ЛНР; статус официального языка — в Казахстане, Киргизии, частично признанной Абхазии; некоторыми официальными функциями обладает в Таджикистане (язык межнационального общения с возможностью использования в законотворчестве) и Узбекистане (в органах ЗАГС).

С точки зрения научного и культурного влияния необходимо отметить факт активного взаимодействия русского языка с другими языками в сфере перевода (7 место в мире по количеству переводов на русский и 4 место в мире по количеству переводов с русского, по данным Русской службы новостей ООН) [6], а также в сфере Интернета, где русский язык, по данным исследования W3Tech, в 2013 г. вышел на 2 место по использованию [7].

УТРАТА ПОЗИЦИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Одним из мировых регионов, где произошла наиболее масштабная потеря числа носителей русского языка, является Центральная Азия, представленная пятью ре-

спубликами бывшего СССР. Историю распространения русского языка на данной территории можно разделить на три крупных этапа:

- 7) времена Российской империи, когда была присоединена часть центральноазиатских территорий, а русский язык стал активно распространяться по региону;
- 8) советская эпоха, когда распространение и комплексное влияние русского языка достигли своего максимума при полном вытеснении с данной территории фарси и арабского языков;
- 9) эпоха независимости новых государств, при которой русский язык понес тяжелейшие потери в статусе, количестве носителей и территории распространения.

По мнению эксперта М. В. Старчака, вина за подобное положение вещей во много лежит на самой России, выбравшей в первые годы своего существования западные ориентиры, оттолкнувшей от себя бывшие республики и долгое время не вспоминавшей о них [8]. Подобную точку зрения выразил депутат парламента Киргизии Дастан Бекешев в интервью ИА Regnum: «К сожалению, русский язык может со временем и вовсе утратить свою значимость. В этом, я считаю, в какой-то мере виновата сама Россия как культурное ядро русскоговорящего мира... В тех странах, где русский язык был когда-то распространен, он постепенно исчезает, потому что Российская Федерация мало приложила усилий для того, чтобы создать тесные культурные связи с этими странами» [9].

По некоторым данным, русская диаспора в Центральной Азии насчитывает приблизительно 5 млн человек. Точное количество русскоговорящего населения назвать крайне затруднительно, так как большая часть статистических материалов основывается на данных переписей и опросов населения, при проведении которых респондент само-

стоятельно определяет уровень владения тем или иным языком. А. Л. Арефьев приводит следующие данные по количеству владеющих русским языком в центральноазиатских государствах по состоянию на 2012 г.: Казахстан — 84 %, Киргизия — 49 %, Узбекистан — 41 %, Таджикистан — 33 %, Туркменистан — 18 % населения [2].

Таким образом, центральноазиатский регион с точки зрения распространения русского языка может быть разделен на 2 зоны:

- 1) Казахстан, где, несмотря на целенаправленную политику поддержки казахского языка, доля русскоговорящего населения выросла при сокращении самого русского населения на 40 %;
- 2) Остальные республики бывшего СССР, где позиции русского языка сильно пошатнулись.

С географической точки зрения тенденция выглядит закономерным образом: чем дальше от России, тем меньше степень распространения русского языка [10].

Все бывшие центральноазиатские республики после распада СССР прошли через ситуацию массового миграционного оттока до критического уровня русскоязычного населения, спровоцированного политикой новых независимых государств в отношении этнических русских и их языка, в результате чего тенденция к сужению пространства русского языка становится труднообратимой, а воспроизводство русской культурной и информационной среды в Таджикистане и Узбекистане стоит под вопросом. Лишь Казахстану путем либерализации языковой политики удалось свести к минимуму миграционный отток славянского населения [10].

Вторым общим процессом, характерным для всех центральноазиатских республик, является не естественная, а форсированная дерусификация — вытеснение русского языка на периферию, замена русскоязыч-

ных наименований, фамилий и т. д. на местные, попытка замены кириллического алфавита на латиницу и т. п.

ТРИЕДИНСТВО ЯЗЫКОВ В КАЗАХСТАНЕ

Рассмотрим подробнее ситуацию в Казахстане, где русский язык является вторым по числу носителей и первым по уровню распространения и владению.

Согласно ч. 2, ст. 7 Конституции Республики Казахстан от 1995 г. русский язык обладает статусом официального языка: «в государственных органах и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык» [11]. Постановление Конституционного совета гласит: «Казахский и русский языки употребляются в равной степени, одинаково, независимо от каких-либо обстоятельств» [12]. Тем не менее, «Государственная программа функционирования и развития языков на 2001–2010 гг.» предусматривала поэтапный переход делопроизводства, ведения учетно-статистической, финансовой и технической документации на государственном языке». К 2006 г. подобный переход был осуществлен в 5 областях, но возник ряд серьезных трудностей [13], в результате которых министр образования и науки Республики Казахстан Ж. Туймебаев в 2010 г. вынужден был дать пояснения: «Вся государственная документация у нас ведется на государственном — казахском и международном — русском языках. Никакого вытеснения не предполагается. В недавнем своем выступлении глава государства это подчеркнул, а также сообщил, что русский будет сохранять все функции языка международного общения. Было отмечено также, что слухи и предположения о каком-то наступлении на русский неверны» [14].

Особенность функционирования русского языка в Казахстане заключается в том, что большинство людей, говорящих на этом

языке, не являются этнически русскими (шала-казахи, говорящие, только по-русски; казахи-билингвы, другие этносы).

В системе образования Казахстана наблюдается четкая тенденция к переходу на казахский язык. Так, с 2002 г. по 2006 г. количество русских школ сократилось на 30 %. В 2000 г. в вузах на русском языке обучалось 68 % студентов, в 2016 г. — 34,3 %. По данным в работе А. Л. Арефьева, общее количество обучающихся на русском языке сократилось на 69 % с 2 224 000 до 690 000 человек [2].

18 октября 2016 г. бывший президент Казахстана Н. Назарбаев заявил: «К 2025 году мы переведем на казахский язык обучение полностью» [15]. Очевидно, что, если данная цель будет достигнута, Казахстан столкнется с новым массовым миграционным оттоком молодого русскоязычного населения, которое по некоторым подсчетам составляет четверть всего населения Казахстана, что неизбежно спровоцирует негативные процессы во всех сферах жизни республики.

Общая концепция языковой политики Казахстана была выражена 10 лет назад министром культуры Республики Мухтаром Кул-Муххамедом: «Реализация поставленных задач позволит достичь к 2020 г. уверенных результатов: доля казахстанцев, владеющих государственным языком, возрастет с 60 % до 95 %; доля казахстанцев, владеющих русским языком, составит не менее 90 %, сейчас это 89 %; доля казахстанцев, владеющих английским языком, составит порядка 20 %» [16]. Для достижения заявленных целей правительством Казахстана был поддержан проект «Триединство языков», выразивший идею активного функционирования на территории республики казахского, русского и английского языков [17]. Данный проект не был однозначно воспринят в обществе. Например, он был поддержан деканом филологического фа-

культета Казахского национального университета Кансеитом Абдезулы как один из главных приоритетов государственной политики [18], оценен как «правильный» директором центра по изучению Центральной Азии и Казахстана университета Сизтла (США) Уильямом Фиерманом, однако, указавшим на низкую востребованность казахского языка как государственного среди населения республики [19]. С другой стороны, деятели культуры, литературы, главные редакторы газет и журналов, представители интеллигенции, руководители общественных организаций Казахстана на протяжении существования этого проекта неоднократно выражали опасение, что при проведении подобной языковой политики казахский язык постепенно утратит свои позиции, а русский и английский языки займут господствующую и прогрессивную роль [20].

В последние годы языковая ситуация в Казахстане осложнилась появлением китайского языка, стремящегося занять свою нишу в качестве языка международного общения.

ТЕНДЕНЦИИ К ДЕРУСИФИКАЦИИ В КИРГИЗИИ

В Киргизии, как и в Казахстане, русский язык обладает согласно ст. 10 Конституции Республики Киргизия от 2010 г. [21] статусом официального языка и является вторым языком по числу владеющих и третьим по числу носителей (этнические русские проживают в основном на севере республики). Кроме этого, русский выполняет функцию языка межнационального общения и является, по мнению С. Маркедонова, важным инструментом, способствующим удержанию единства страны с сильными региональными различиями Севера и Юга [22].

По данным А. Л. Арефьева на 2012 г., русским языком владело 49 % населения республики: для 482 243 человек он являлся родным, а для 2 109 393 вторым языком [2].

Как и в Казахстане, русский язык в Киргизии сохраняет позиции в экономической и общественной жизни страны, СМИ и книгопечатании. Кроме этого, наблюдается сходная с казахстанской ситуацией, когда большинство русскоговорящих в Киргизии не являются этнически русскими, а также отмечается проявления политики дерусификации — вытеснения русского языка на периферию, как это уже было сделано с узбекским языком.

В 2013 г. вступили в силу изменения в законах о государственном и официальном языках, согласно которым нормативные правовые акты органов местного самоуправления в большинстве муниципалитетов принимаются только на киргизском [23].

Резкая общественная негативная реакция вынудила Отдел информационной политики Аппарата Правительства Республики распространить заявление с разъяснением: «С принятием отдельных изменений и дополнений в соответствующие законы и регламенты во всех органах государственной власти делопроизводство будет вестись на киргизском языке с параллельным переводом на русский. Разница лишь в том, что сейчас все документы (проекты распоряжений, постановлений, указов и иных нормативных правовых актов) сначала готовятся на официальном языке, а лишь потом переводятся на государственный язык. Тем не менее, все нормативно-правовые акты в изданиях и средствах массовой информации будут публиковаться, как на государственном языке, так и на официальном языке» [24].

В сфере образования Киргизия сохранила возможность получить полный цикл образовательных услуг на русском языке, однако из-за массового миграционного оттока носителей русского языка, нехватки профессиональных преподавательских кадров получение качественного и полного обра-

зования представляется затруднительным, особенно в южных регионах страны.

Президент ассоциации «Союз образовательных учреждений Кыргызстана» Г. Д. Ибрагимов прокомментировала данную ситуацию следующим образом: «В основном русским языком владеет сегодня только старшее поколение, большей частью проживающее в Бишкеке. 80 % населения в Кыргызстане — это сельское население, проживающее в горных районах, и фактически сегодня Кыргызстан стремительно теряет русский язык. Мы не сохраняем русский язык, а стремительно его теряем» [25].

В республике складывается ситуация, когда спрос на русский язык значительно превосходит предложение. Престиж русского языка поддерживается не только возможностью получить качественное образование, но ситуацией с чрезвычайно большим количеством трудовых мигрантов, желающих найти работу на территории России, что приводит к резкому увеличению количества желающих обучаться русскому языку в зрелом возрасте. Отсюда наблюдается острый дефицит курсов русского языка особенно в южных районах республики.

По данным А. Л. Арефьева, количество русских школ увеличилось с 2002 г. по 2012 г. с 143 до 203 (на 9,14 %), количество обучающихся на русском языке выросло на 14 %. В системе дошкольного образования 65 % учреждений работают на русском языке, в среднем звене — 17,9 %, в высшем образовании — 90 % [2].

Тем не менее, несмотря на высокую востребованность русского языка официальными властями демонстрируют тенденцию к дерусификации и в системе образования. Так, в 2011 году, президент Киргизии Роза Отунбаева предложила в отдаленной перспективе перевести все государственное образование на киргизский язык [26], что привело к разгоревшейся в обществе

дискуссии по языковому вопросу, приобретавшей временами весьма острый характер.

В 2016 г. глава партии «Асаба» Салмоорбек Дыйканов предложил перейти на киргизский язык в сфере высшего образования, чтобы не подвергать психологическому стрессу студентов, приехавших в центр из сельских районов и не владеющих в достаточной мере русским языком [10].

Необходимо отметить успешную работу фонда «Русский мир» на территории республики Киргизия. Работа трех центров с курсами русского языка, выделение грантов для русскоязычных СМИ, проведение курсов повышения квалификации для местных преподавателей русского языка, обеспечение учебных заведений необходимой литературой, проведения различных развлекательных мероприятий несомненно способствует сохранению престижа русского языка среди киргизского населения.

РУССКИЙ ЯЗЫК, КАК ЯЗЫК МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ И ТАДЖИКИСТАНЕ

История активного функционирования русского языка на территории Узбекистана начинается после присоединения Ташкента в 1860-х гг. и представляет собой этап длительного развития и становления, в результате которого русский язык неоднократно менял свой статус. В статье 1 действующей редакции закона «О государственном языке Республики Узбекистан» русский язык указан в качестве языка межнационального общения народов СССР [27].

По данным А. Л. Арефьева, русским языком владеет 41 % населения республики, разговорным русским владеет, по опросам населения, от 50 % до 80 %. Количество русских групп в колледжах и лицеях соответственно 50 % и 90 % [2]. Русский язык обязателен к изучению во всех вузах страны, а также является основным язы-

ком делопроизводства в крупных городах. Количество обучающихся на русском языке сократилось в Узбекистане на 65 % с 636 000 до 221 000 человек [2], что во многом объясняется процессом форсированной дерусификации, не отвечающей интересам населения, так как узбеки сейчас занимают первое место по численности среди трудовых мигрантов, работающих на территории России [28]. Из-за объективных языковых трудностей спрос на русский язык начинает расти, в то время как количество часов преподавания русского языка (особенно в сельских школах) резко сокращается в пользу английского языка, на поддержку которого правительство Узбекистана выделяет значительный объем финансовых ресурсов [10]. Проблема латинизации узбекского алфавита также ведет к разрыву связей между параллельно развивавшимися языками.

В последние годы в Таджикистане русский язык имеет статус языка межнационального общения, подтвержденный в 2011 г. из-за возникших трений в российско-таджикских отношениях после принятия в 2009 г. «Закона о государственном языке», согласно которому общаться с органами государственной власти разрешалось только на таджикском языке, а у русского языка не предусматривался статус языка межнационального общения. Русский язык используется в республике при осуществлении законодательной деятельности [29].

По данным А. Л. Арефьева, русским языком на 2012 г. владело 33 % населения Таджикистана. Сейчас русский язык первый и родной для 3 % населения, но широко распространен как второй язык среди всех народов, населяющих республику [2].

Из-за массового миграционного оттока этнических русских объем использования русского языка в бытовой сфере существенно снизился. Процесс дерусификации протекает весьма активно, вопрос о необходимости

латинизации алфавита все еще представляется таджикским властям необходимым.

Тем не менее, в Таджикистане поддерживается сложившаяся еще в советское время система школьного и высшего образования на русском языке: в 2014 г. насчитывалось 26 русских школ и 132 смешанных школы [30].

В постсоветское время в функционировании русского языка в Таджикистане можно выделить 2 этапа:

- 1) 1990-е гг. — резкое сокращение сферы русскоязычного образования;
- 2) 2000-е гг. — некоторое расширение сферы русскоязычного образования из-за высокого спроса со стороны населения (трудовые мигранты).

В 2007 г. в республике было 44 315 школьников (2,6 %) и 33 495 студентов (28 %), обучавшихся на русском языке. В 2010 г. по специальности «Русский язык» обучалось 4036 студентов. С 2005 г. все кандидатские и докторские диссертации защищаются на русском языке [31].

В целом, по оценке А.Л. Арефьева, количество обучающихся на русском языке в Таджикистане сократилось на 61 % с 120 000 до 47 000 человек [2].

ВЫТЭСНЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ИЗ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ТУРКМЕНИСТАНА

Самые большие потери русский язык понес на территории Туркменистана в результате проведения жесткой политики дерусификации, начатой бывшим президентом С. Ниязовым. К сожалению, на настоящий момент наблюдается явная нехватка достоверных данных, касающихся положения русского языка в данной республике. Тем не менее, все известные факты позволят заключить, что русский язык практически уничтожен на территории Туркменистана.

В 1996 г. русский язык был лишен статуса языка межнационального общения. В 2002 г.

все 49 русско-туркменских школ были преобразованы в туркменские, образование в вузах ведется исключительно на туркменском языке при явной нехватке учебной литературы и пособий. Письменность полностью переведена на латиницу [32].

Таким образом, можно утверждать, что образование на русском языке на территории Туркменистана фактически ликвидировано (сокращено на 95 %). По данным А.Л. Арефьева, русским языком владеет 18 % населения республики [2].

В 2004 г. Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию о «Положении в области прав человека в Туркменистане», в тексте которой выражалась глубокая обеспокоенность «прекращением трансляции в Туркменистане русскоязычных программ радио, ... продолжающейся дискриминацией правительством Туркменистана этнических меньшинств в области образования и занятости» [33].

Подводя итог положению русского языка в центральноазиатских республиках бывшего СССР, необходимо отметить, что несмотря на все серьезные негативные факторы русский язык все еще остается и довольно долгое время будет оставаться общим языком (*lingua franca*) этого региона. Вместе с тем, утрата русским языком своей позиции ведущего культурного фактора в Центральной Азии привела к возникновению некоего вакуума, заполнить который стремятся другие активные игроки, имеющие интересы в данном регионе.

УКРЕПЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ВНЕШНИХ ЯЗЫКОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

На место России и русского языка сначала пришли исламские страны со своими идеями образования мусульман: Турция, Иран, Пакистан, Саудовская Аравия. Особую активность при первоначальной поддержке США проявила Турция, способствовавшая

созданию в Казахстане, Киргизии, Туркменистане сети анатолийских лицеев с турецким и английским языками преподавания, а также введению преподавания турецкого языка в нескольких десятках школ. Турция организовала в Центральной Азии культурные центры, поддерживает обмен студентами, частично спонсируя их, активно продвигает идею латинизации алфавитов, демонстрируя свой опыт в переходе на латинизированную письменность в качестве успешно образца. Наиболее сильны позиции Турции в Туркменистане, единственной страной, где нет турецких учебных заведений, является Узбекистан [34].

С середины 1990-х гг. в Центральную Азию активно устремляются США и в меньшей степени страны Европы. Представители США разворачивают широкомасштабную кампанию, включающую в себя открытие американских вузов (Казахско-американский университет, Американский университет в Бишкеке и т. д.) в центральноазиатских республиках, пропаганду американской идеологии, преимуществ американского образования. Обучение ведется на английском языке и пользуется определенной степенью популярности в среде молодежи, имеющей возможность и желающей эмигрировать в страны Запада. Кроме этого, американская кампания предусматривает выделение грантов на обучение на территории США, предоставление выгодных кредитов, обмен студентами, визиты профессоров, общественных деятелей и идеологов. В результате, тысячи молодых людей из Центральной Азии прошли бесплатное обучение в США [8]. Тем не менее, большинство специалистов полагает, что английский язык никогда не сможет заменить русский в данном регионе, так как он не востребован широкими слоями населения и обслуживает весьма узкую социальную группу [34].

В 1999 г. в регион пришла Япония, организовавшая несколько культурных центров, проводящих различные мероприятия и выделяющих гранты на изучение японского языка [8]. В целом, японская сторона не демонстрирует особой активности в продвижении японского языка в данном регионе в качестве ведущего культурного фактора.

С 2000-х гг. одним из важных игроков в Центральной Азии становится Китай, открывающий центры по изучению китайского языка в Узбекистане и Казахстане с возможностью продолжения учебы в Китае. Многие гуманитарные и образовательные программы Китая в данном регионе реализуются в рамках ШОС, что приводит к популяризации китайского языка и культуры в Центральной Азии. В отличие от России, Китай сделал сферу образования в рамках ШОС одной из приоритетных целей, председатель КНР предложил создать программу стипендий для обучения в китайских вузах. Кроме того, Китай, исповедуя принцип «мягкой силы», проводит программу лояльности, максимально мягкую по сравнению с более активными и агрессивными действиями других игроков [8] [34].

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Позиция России и ее языковая политика в Центральной Азии выражена невнятно. С одной стороны, в наличии имеется четко выраженное стремление широких народных масс Центральной Азии изучать русский язык, с другой, можно отметить относительно слабые, спорадические действия российской стороны.

По мнению, М. Старчака, можно выделить целый ряд проблем [8]:

- 1) филиалы российских вузов и совместные вузы в центральноазиатских республи-

ках страдают от нехватки средств, профессорско-преподавательского состава, необходимых учебников и т. д. в отличие от превосходно оборудованных американских вузов. «Мы недостаточно поддерживаем «Русский мир», в то время, как наши... «стратегические друзья» принимают меры к его коллапсу» [1];

- 2) возможности поступить в университеты на территории России определяются активностью самих этих университетов в центральной Азии, но не систематической государственной политикой;
- 3) обучение на возмездной основе является, скорее, исключением из-за крайне ограниченных финансовых возможностей абитуриентов, что приводит к предпочтению ими грантов других стран;
- 4) отсутствие единой мощной образовательной системы (фонд «Русский мир», «финансируясь по остаточному принципу» [1], так и не смог стать основой подобной системы) и т. д.

Такое положение вещей вызывает критику российских экспертов: «Есть, увы, ощущение, что Россотрудничество действует с опозданием, так как многие из республик бывшего СССР, являвшихся некогда важной частью «русского мира», быстрыми шагами его покидают» [35].

В ноябре 2015 г. президент В. В. Путин подписал «Концепцию государственной поддержки и продвижения общего образования на русском языке в международном образовательном пространстве». Эта концепция, по мнению специалистов, должна стать одним из главных компонентов «мягкой

силы» России. Позже, 25 декабря того же года спикер Госдумы РФ Сергей Нарышкин на канале «Россия 24» заявил: «Российское государство будет делать все возможное для того, чтобы поддержать распространение русского языка, русской литературы за пределами нашей страны. Это и программы гуманитарного сотрудничества, программы преподавания на русском языке в высших учебных заведениях, поддержка организационная, методическая, отчасти финансовая по мере возможности, поддержка русских школ за пределами РФ» [36].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная проблема российской языковой политики за рубежом, по мнению научного сотрудника вашингтонского Центра стратегических исследований С. Маркедонова, заключается в следующем: «... у самой России после распада СССР не появилось качественной стратегии по развитию «русского вопроса» и русского языка как его составной части... Именно прагматики для обоснованного продвижения русского языка за пределами России катастрофически не хватает. То есть не разговоров о «великой культуре» прошлого, а проектов, нацеленных на решение задач настоящего и будущего» [22].

Остается надеяться, что Российская Федерация близка к выработке эффективной концепции использования русского языка в качестве ведущего компонента «мягкой силы» и намерена делать серьезные шаги, направленные на повышение востребованности и престижа русского языка в мире.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Слуцкий: Россия слабо поддерживает русский язык в экс-республиках СССР. URL: <http://ria.ru/20151224/1348180208.html> (дата обращения: 01.05.2020).
2. Арефьев А. Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга; 2012. С. 387.

3. Арефьев А. Л. Будет ли русский язык в числе мировых лидеров в будущем? Демоскоп Weekly. 2006. №251–252. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema05.php> (дата обращения: 01.05.2020).
4. Арефьев А. Л. Современное состояние и тенденции распространения русского язык в мире. Москва: Институт социально-политических исследований РАН; 2017. С. 320.
5. Список языков по количеству носителей. URL: <https://www.ethnologue.com/> (дата обращения: 01.05.2020).
6. Английский, французский, немецкий и русский языки — самые переводимые в мире. URL: <https://news.un.org/ru/story/2012/04/1200431> (дата обращения: 01.05.2020).
7. Russian is now the second most used language on the web. URL: https://w3techs.com/blog/entry/russian_is_now_the_second_most_used_language_on_the_web (дата обращения: 01.05.2020).
8. Старчак М. В. Российское образование на русском языке как фактор влияния России в Центральной Азии: что происходит и что делать. URL: <https://www.russkiymir.ru/publications/190915/> (дата обращения: 01.05.2020).
9. Киргизский депутат: «В том, что русский язык утрачивает значимость, виновата Россия». URL: <https://regnum.ru/news/polit/1614571.html> (дата обращения: 01.05.2020).
10. Шустов А. Дерусификация набирает обороты. Английский язык в Центральной Азии вытеснит русский? URL: http://www.stoletie.ru/vzglyad/derusifikacija_nabirajet_oboroty_934.htm (дата обращения: 01.05.2020).
11. Конституция Республики Казахстан. Статья 7, часть 2. URL: <https://kodeksy-kz.com/ka/konstitutsiya/7.htm> 2019. (дата обращения: 01.05.2020).
12. Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 8 мая 1997 года №10/2 «Об обращении Президента Республики Казахстан о соответствии Конституции Республики Казахстан представленного на подпись Президенту Республики Казахстан Закона Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан», принятого Парламентом Республики Казахстан 12 марта 1997 года». Конституционный Совет Республики Казахстан. 1997. URL: <http://ksrk.gov.kz/solutions/np-ks-rk-ot-08051997-g-no102-o-yazykakh-v-respublike-kazakhstan-prinyatogo-parlamentom> (дата обращения: 01.05.2020).
13. Вдовина Н. В. Русский язык в Казахстане. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Перспективы». 2008. URL: http://www.perspektivy.info/rus/rassey/russkiy_yazik_v_kazakhstane.htm (дата обращения: 01.05.2020).
14. Новоселова Е. Русский — без словаря. Слухи о вытеснении русского языка в Казахстане сильно преувеличены. 2009. №229. URL: <https://rg.ru/2009/12/02/russkiy.html> (дата обращения: 01.05.2020).
15. Короткова Е. К 2025 году обучение в Казахстане будет вестись на государственном языке. URL: <http://www.news-asia.ru/view/5395> (дата обращения: 01.05.2020).
16. К 2020 году доля казахстанцев, владеющих государственным языком, возрастет до 95 % — министр культуры РК. URL: <https://www.inform.kz/ru/k-2020-godu-dolya-kazahstancsev-vladyuschih-gosudarstvennym-yazykom-vozrastet-do-95-ministr-kul-tury-rk-a2289735> (дата обращения: 01.05.2020).
17. В Казахстане на госуровне принят «культурный проект «Триединство языков». URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1185221100> (дата обращения: 01.05.2020).
18. Триединство языков в Казахстане является одним из главных приоритетов государственной политики — декан филфака

- КазНУ. URL: <https://www.zakon.kz/111595-triedinstvo-jazykov-v-kazakhstan.html> (дата обращения: 01.05.2020).
19. Идея триединства языков в Казахстане правильна и будет способствовать развитию страны — мнение американского ученого. URL: <https://www.zakon.kz/111622-ideja-triedinstva-jazykov-v-kazakhstan.html> (дата обращения: 01.05.2020).
20. Заявление председателя общественного движения «Государственный язык» Мухтара Шаханова о доктрине «Национального единства» («Казахстанская нация»), берущей свою основу от «американской нации». URL: <http://www.zonakz.net/articles/27350> (дата обращения: 01.05.2020).
21. Конституция Кыргызской Республики (принята референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 года) (с изменениями от 28.12.2016 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30778565#pos=4;-157 (дата обращения: 01.05.2020).
22. Маркедонов С. Русский язык в Центральной Азии: статус и реалии. URL: <https://blogs.voanews.com/russian/new-eurasia/2013/07/04/> (дата обращения: 01.05.2020).
23. Хопёрская Л. Л. Российские соотечественники в Центральной Азии — демографический ресурс, отрезанный ломоть или хранители Русского мира? URL: http://www.osu.ru/sites/niisu/docs/etnopanorama_2012_3-4.pdf (дата обращения: 01.05.2020).
24. Сотрудники Аппарата Правительства Киргизии начали обучать государственному языку. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1363338120> (дата обращения: 01.05.2020).
25. Ибрагимова Г.Д. Актуальные подходы к формированию русскоязычной среды в Киргизии // Нужен ли русский язык новым независимым государствам? URL: <https://web.archive.org/web/20150211222551/http://www.fundeh.org/files/publications/24/rusyaz.pdf> (дата обращения: 01.05.2020).
26. Отунбаева предложила отказаться от обучения на русском языке в Киргизии. URL: <https://web.archive.org/web/20110619194010/http://www.novayagazeta.ru/news/1549998.html> (дата обращения: 01.05.2020).
27. «О внесении изменений и дополнений в Закон «О государственном языке Республики Узбекистан» от 21.12.1995 г. № 167-І. Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <http://www.lex.uz/acts/108915> (дата обращения: 01.05.2020).
28. Кравчук-Рудомёткина Е. Русский язык нужен Узбекистану хотя бы для обеспечения трудовой миграции. URL: <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/novosti-sng/uzbekistan/entry1008165818.html> (дата обращения: 01.05.2020).
29. В Таджикистане русскому языку вернули прежний статус. URL: <https://lenta.ru/news/2011/06/09/russian/> (дата обращения: 01.05.2020).
30. Русские школы стали востребованными. URL: http://www.topjtj.com/m/news/2014/08/20/russkie_shkoly_stali_vostrebovannymi (дата обращения: 01.05.2020).
31. Усмонов Р.А. Таджикистан: история языковой независимости. *Белые пятна российской и мировой истории*. 2014;5:82-83.
32. Кудоярова Т.В. Русский язык в современной образовательной среде Туркменистана. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность*. 2010;3:70-71.
33. Резолюция 59-й сессии ГА ООН № А/RES/59/206. Генеральная ассамблея ООН. 2004. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/59/206> (дата обращения: 01.05.2020).
34. Князев А.А. Статус русскоязычия в Центральной Азии .... URL: <https://www.liveinternet.ru/users/2503040/post122935319/> (дата обращения: 01.05.2020).
35. Соков К. На юге СНГ «русский мир» становится азиатским. URL: <https://www.>

ritmeurasia.org/news--2015-11-21--na-juge-sng-russkij-mir-stanovitsja-aziatskim-20653 (дата обращения: 01.05.2020).

REFERENCES:

1. Slutsky: Russia slightly supports Russian language in Post-Soviet States Слутский. URL: <http://ria.ru/20151224/1348180208.html> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
2. Arefyev A.L. Russian language at the edge of XX-XXI centuries. Moscow: Centre of social prognosis and marketing; 2012. p. 387.
3. Arefyev A.L. Would Russian language be among the future leaders? URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema05.php> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
4. Arefyev A.L. Current state and trends of the spread of Russian language in the World. Moscow: Institute of socio-political studies of RAS; 2017. p. 320.
5. The list of languages with number of speakers. URL: <https://www.ethnologue.com/> [Accessed: 01.05.2020].
6. English, French, German and Russian languages are the most translated in the World. URL: <https://news.un.org/ru/story/2012/04/1200431> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
7. Russian is now the second most used language on the web. URL: https://w3techs.com/blog/entry/russian_is_now_the_second_most_used_language_on_the_web [Accessed: 01.05.2020].
8. Starchak M.V. Russian education in Russian language is a factor of influence of Russia in Central Asia: what is happening, and what should be done. URL: <https://www.russkiymir.ru/publications/190915/> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
9. Kyrgyzstan's member of the parliament: «It's Russian fault that Russian language loses its significance». URL: <https://regnum.ru/news/polit/1614571.html> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
10. Shustov A. Derussification gains momentum. Will English language substitute Russian in Central Asia? URL: http://www.stoletie.ru/vzglyad/derusifikacija_nabirajet_oboroty_934.htm [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
11. Constitution of Kazakhstan. Article 7, part 2. URL: <https://kodeksy-kz.com/ka/konstitutsiya/7.htm> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
12. About the languages in Kazakhstan/ Constitutional Council of Kazakhstan. 1997. URL: <http://ksrk.gov.kz/solutions/np-ks-rk-ot-08051997-g-no102-o-yazykakh-v-respublike-kazakhstan-prinyatogo-parlamentom> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
13. Vdovina N.V. Russian language in Kazakhstan // Network edition of the center of research and analysis of Fund Historical Perspectives. 2008. URL: http://www.perspektivy.info/rus/rassey/russkiy_yazik_v_kazakhstan.htm [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
14. Novoselova E. Russian without vocabulary. Rumors of crowding Russian language out of Kazakhstan are over exaggerated. URL: <https://rg.ru/2009/12/02/russkiy.html> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
15. Korotkova E. The education in Kazakhstan delivered in national language will be implemented in 2025. URL: <http://www.news-asia.ru/view/5395> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
16. The interview of Kazakhstan's Minister of Culture. URL: https://www.inform.kz/ru/k-2020-godu-dolya-kazahstancsev-vladeyuschih-gosudarstvennym-yazykom-vozzrastet-do-95-ministr-kul-tury-rk_a2289735 [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
17. Kazakhstan's Government accepted cultural projects "Language trinity". URL: <https://>

- centrasia.org/newsA.php?st=1185221100 [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
18. Language trinity is one of the priorities of state policy. URL: <https://www.zakon.kz/111595-triedinstvo-jazykov-v-kazakhstan.html> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
19. The idea about language trinity in Kazakhstan is right and will contribute to the development of the country. URL: <https://www.zakon.kz/111622-ideja-triedinstva-jazykov-v-kazakhstan.html> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
20. The Statement of chairman of social movement “National language” Muchtar Shakhonov about Language Trinity doctrine. URL: <http://www.zonakz.net/articles/27350> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
21. Constitution of Republic of Kyrgyzstan URL: https://online.zakon.kz/document/?-doc_id=30778565#pos=4;-157 [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
22. Markedonov S. Russian language in Central Asia. URL: <https://blogs.voanews.com/russian/new-eurasia/2013/07/04/> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
23. Khoperskaya L.L. Russian compatriots in Central Asia is a demographic resource, cut chunk or keepers of Russian world? URL: http://www.osu.ru/sites/niisu/docs/etnopanorama_2012_3-4.pdf [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
24. The officials of Presidential Administration started to learn national language. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1363338120> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
25. Ibragimova G.D. Ибрагимова Г.Д. Actual approaches to the formation of the Russian-speaking environment in Kyrgyzstan. URL: <https://web.archive.org/web/20150211222551/http://www.fundeh.org/files/publications/24/rusyaz.pdf> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
26. Otunbaeva proposed to give up education in Russian language in Kyrgyzstan. URL: [www.novayagazeta.ru/news/1549998.html](https://web.archive.org/web/20110619194010/http://www.novayagazeta.ru/news/1549998.html) [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
27. Uzbekistan’s Law “About National Language” URL: <http://www.lex.uz/acts/108915> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
28. Kravchuk-Rudometkina E. Uzbekistan at least needs Russian language for trade migration purposes. URL: <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/novosti-sng/uzbekistan/entry1008165818.html> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
29. Russian language was granted the same status as before in Tajikistan. URL: <https://lenta.ru/news/2011/06/09/russian/> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
30. Russian schools appeared to be needed. URL: http://www.toptj.com/m/news/2014/08/20/russkie_shkoly_stali_vostrebovannymi [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
31. Usmonov R.A. Tajikistan: the history of language independence. *White spots of Russian and Global history*. 2014;5:82-83. (In Russ.).
32. Kudoyarova T.V. Russian language in contemporary educational environment of Turkmenistan. *Vestnik of RUD university*. 2010;3:70-71. (In Russ.).
33. UN GA resolution № A/RES/59/206 URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/59/206> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
34. Knyazev A.A. Status of Russian speaking in Central Asia. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/2503040/post122935319/> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
35. Sokov K. “Ruskiy Mir” becomes Asian in the south. URL: <https://www.ritim Eurasia.org/news-2015-11-21--na-juge-sng-russkij-mir-stanovitsja-aziatskim-20653> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).
36. Naryshkin: the authorities will do everything to spread Russian language in the World. URL: <https://ria.ru/20151225/1348619013.html> [Accessed: 01.05.2020] (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Александр Н. Евдокимов, кандидат филологических наук, Байкальский институт БРИКС. Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия; Шаньдунский университет, Цзинань, КНР; 664074, Россия, Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83; 250100, КНР, Провинция Шаньдун, Цзинань, ул. Шанда Нанлу, 27; iskander2@mail.ru

Татьяна А. Давыдова, кандидат филологических наук, Байкальский институт БРИКС. Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия; Шаньдунский университет, Цзинань, КНР; 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д.83; 250100, КНР, Провинция Шаньдун, Цзинань, ул. Шанда Нанлу, 27; davydovata@istu.edu

Дмитрий А. Савкин, кандидат политических наук, Байкальский институт БРИКС. Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия; Шаньдунский университет, Цзинань, КНР; 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д.83; 250100, КНР, Провинция Шаньдун, Цзинань, ул. Шанда Нанлу, 27; d.savkin@mail.ru

Alexander N. Evdokimov, Candidate of Philological sciences, Baikal School of BRICS, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia; Shandong University, Jinan, P.R. China; bld. 83, Lermontov Str., Irkutsk, Russia 664074; bld. 27, Shanda Nanlu Str., Jinan, P.R.China, 250100; iskander2@mail.ru

Tatyana A. Davydova, Candidate of Philological sciences, Baikal School of BRICS, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia; Shandong University, Jinan, P.R. China; bld. 83, Lermontov Str., Irkutsk, Russia 664074; bld. 27, Shanda Nanlu Str., Jinan, P.R.China, 250100; davydovata@istu.edu

Dmitry A. Savkin, Candidate of Political Science, Baikal School of BRICS, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia; Shandong University, Jinan, P.R. China; bld. 83, Lermontov Str., Irkutsk, Russia 664074; bld. 27, Shanda Nanlu Str., Jinan, P.R.China, 250100; d.savkin@mail.ru

<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-389-406>

Эволюция внешней политики России в отношении стран Балтии на современном этапе

Семен С. Бойков

*Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,
boykov_semyon@mail.ru*

Аннотация. В статье представлен анализ развития внешней политики России в отношении стран Балтии с 1990 по настоящее время. Автор выделяет четыре основных этапа её эволюции. Делается вывод, что главными проблемами российско-прибалтийского диалога оставались дискриминация русскоязычного населения, вопросы исторической памяти, снижение российского транзита через Прибалтику и обеспечение безопасности. Отношения со странами Балтии практически сразу приобрели конфликтный характер, однако на рубеже 1990-2000-х годов Россия не оставляла попытку сформулировать позитивную повестку дня для их развития. Главным элементом стратегии стало укрепление доверия и политических отношений посредством усиления экономического сотрудничества и связей с гражданским обществом. Для этого Россия в 1990-2000-е годы активно развивала трансграничные связи, с конца 2000-х годов началась реализация программ приграничного сотрудничества России и Евросоюза, с середины 2000-х годов усилилась работа с соотечественниками. Однако ставка России не оправдалась, и с 2014 года на фоне украинского конфликта её отношения с Эстонией, Латвией и Литвой значительно ухудшились. Перспективы их улучшения пока остаются неясны. Автор приходит к выводу, что в последние годы Россия демонстрирует «усталость» от стран Балтии. Несмотря на то, что в течение десятилетий после распада СССР Россия планомерно трансформировала внешнюю политику в направлении Прибалтики, ей так и не удалось в полной мере достичь своих целей. Так, в странах Балтии по-прежнему сохраняется дискриминация русскоязычного населения, стороны так и не пришли к единой трактовке истории Второй мировой войны, а примат экономических связей над политическими противоречиями так и не взял верх. Несмотря на возрастающую отчужденность между Россией и странами Балтии, РФ продолжает развивать с ними отношения, но на уровне приграничных регионов, городов, а также гражданского общества. Подобные связи носят неполитический характер и ориентированы исключительно на решение конкретных задач.

Ключевые слова: внешняя политика России, Эстония, Латвия, Литва, Прибалтика, страны Балтии

Для цитирования: Бойков С. С. Эволюция внешней политики России в отношении стран Балтии на современном этапе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(3):389-406. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-389-406>

Статья поступила 29.06.2020

Принята в печать 25.07.2020

Опубликована 03.09.2020

Evolution of Russian foreign policy towards the Baltic States at the present Stage

Semyon S. Boykov

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
boykov_semyon@mail.ru

Abstract: The article gives an analysis of Russia's foreign policy in relation to the Baltic States from 1990 to 2019. The author identifies four main stages of its evolution. It is concluded that the main problems of the Russian-Baltic dialogue are discrimination of the Russian-speaking minority, issues of historical memory, a decrease of the Russian transit and security. The relations between Russia and the Baltic states has become conflict almost after dissolution of the USSR. However, in 1990-2000-ies, Russia still tried to formulate a positive agenda for the relations with the Baltics. The main motive of its strategy was to build trust and political relations on the basis of economic cooperation and civil society. Since 1990-s Russia has been developing cross-border cooperation programs. Since late 2000-s Russia has been also developing cross-border programs with the EU. However, Russia's hopes were not justified. Its relations with Latvia, Estonia and Lithuania have worsened since 2014 after the Ukrainian conflict. Prospects for their improvement are still unclear. The author comes to the conclusion that Russia is "tired" from the Baltic States. Despite the fact that Russia has been systematically transforming its foreign policy after the dissolution of the USSR, it has not fully achieved its goals. There is still discrimination of the Russian minority. Russia and the Baltics have not come to a single interpretation of the Second World War history. Political contradictions prevail over economic ties. Despite the growing estrangement between Russia and the Baltic States, Russia keeps developing them concentrating on trans-border and civil society cooperation. Such relations are non-political and they are focused on solving specific problems.

Keywords: Russian foreign policy, Estonia, Latvia, Lithuania, The Baltics, the Baltic States

For citation: Boykov S.S. Evolution of Russian foreign policy towards the Baltic States at the present Stage. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(3):389-406. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-389-406>

Received 29.06.2020

Revised 25.07.2020

Published 03.09.2020

ВВЕДЕНИЕ

Отношения России с Эстонией, Латвией и Литвой всегда характеризовались высокой степенью напряжённости. Несмотря на географическую близость, общую историю, культурные связи и очевидное наличие потенциала для экономического сотрудничества, они на протяжении десятилетий не смогли найти общий язык для урегулирования ключевых политических проблем — вопросов исторической памяти, роли и статуса русских Прибалтики, территориальные споры и т. д.

Стороны пытались выстроить неконфликтные взаимовыгодные отношения. Россия и Прибалтика предлагали друг другу соответствующие концепции. Россия опиралась на тезис примата экономических отношений над политическими и наращивала инвестиции в страны Балтии, предполагая, что их объём и масштаб будут служить убедительным аргументом в пользу сохранения прибалтийскими государствами широких отношений с российским соседом. Страны Балтии же популяризировали тезис о том, что в силу своей бывшей близости с Россией они могут представлять собой естественный «мост» (имеется в виду связующее звено) в отношениях между Россией и Западом [1]. Цель данной статьи — проследить эволюцию развития российского внешнеполитического подхода в отношении Эстонии, Латвии и Литвы за последние 30 лет и определить его особенности на современном этапе.

ПРЕДШЕСТВУЮЩИЙ ЭТАП (1990-1991)

Отсчёт отношений России и прибалтийских государств начался в 1990–1991 годы, когда Советский Союз уже практически распался и становилось ясно, что будущее межгосударственных связей стоит за национальными правительствами союзных республик. В этот момент российские

лидеры ставили цель снизить роль союзного Центра и повысить значимость местных правительств.

В июле 1990 году в Юрмале состоялись первые контакты руководства РСФСР и представителей Прибалтики. Участники встречи решили незамедлительно начать подготовку двусторонних переговоров для выработки договоров, регулирующих экономические, научно-технические, социальные, культурные, межнациональные и другие отношения между республиками, включая соглашения по вопросам гражданства.

Первым серьёзным актом построения новых отношений можно считать визит 13 января 1991 года председателя президиума Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина в Таллин, где он сделал заявление о признании суверенитета трёх прибалтийских республик. Ельцин также подписал Договоры об основах межгосударственных отношений РСФСР с Эстонией [2] и Латвией [3]. В этих документах отмечалось, что РСФСР признаёт ЭССР и ЛССР самостоятельными субъектами международного права. Несмотря на то, что документы носили символический характер, они имели сильный политический эффект. 24 августа 1991 года после неудавшегося «путча» ГКЧП правительство РСФСР поддержало постановление ЭССР и ЛССР о государственном суверенитете. После этого СССР 6 сентября 1991 года официально признал независимость прибалтийских республик. 4 октября Россия установила дипломатические отношения с Латвией, 9 октября — с Литвой, 24 октября — с Эстонией.

После обретения независимости руководство стран Балтии принялось активно формировать новую политику исторической памяти, основанную на принципе «континуитета». Она была направлена на легитимацию власти посредством «исторической преемственности» с первыми

прибалтийскими республиками, существовавшими в 1920–1940-е годы [4]. Продвижение исторического нарратива о «советской оккупации» Прибалтики в 1940 году, согласно которому она была насильно присоединена к Советскому Союзу, позволило, с одной стороны, принять законодательство, прямо дискриминирующее русское меньшинство, а с другой стороны, демонизировать СССР. Это означало, что большинство русских людей, переселившихся в Эстонию, Латвию и Литву после 1940 года, были объявлены «окупантами», изменения границ между республиками стали считать недействительными, а СССР обвинили в развязывании наряду с Германией Второй мировой войны.

Эти назревали ещё в советский период, однако советские лидеры не придавали им большого значения. «Распад СССР стал рубежом, который ознаменовал переход российско-балтийских отношений в новое качество. Здесь и сказалась недальновидность и политический просчет российского руководства, для которого неожиданностью стало появление в отношениях с балтийскими государствами таких острых проблем, как необходимость форсированного вывода войск, статус русского населения, линия границ. Как выяснилось немного позднее, договоры о межгосударственных отношениях, заключенные совсем в другую эпоху, были мало приспособлены для их решения» [5].

ЭТАП ВЫСТРАИВАНИЯ НОВЫХ ОТНОШЕНИЙ (1991-1999)

Отношения России и государств Прибалтики в 1990-е годы развивались на фоне вывода бывших советских войск с территории Латвии, Литвы и Эстонии, расширение НАТО и Евросоюза, проблема дискриминации русскоговорящих жителей, а также вопроса заключения пограничных договоров.

После обретения независимости страны Балтии приступили к строительству этнократических государств. Их внутренняя политика базировалась на усилении роли титульных наций в общественно-политической жизни республик. В Латвии и Эстонии возник институт «безгражданства», при котором значительная часть русских Прибалтики стала обладателем «серых паспортов», что лишало их права голоса на парламентских выборах. В Литве все жители республики получили паспорта по «нулевому варианту», т. е. без сдачи специальных экзаменов.

В мае 1992 года министр обороны П. С. Грачёв доложил на первом заседании Совета Безопасности РФ, что вывод войск из стран Балтии может быть начат не ранее завершения в 1994 году вывода Западной группы войск из Германии [6]. Изначально планировалось, что войска будут выведены до 1999 года. Под давлением Запада России пришлось сократить срок на 5 лет — до 1994 года.

Вывод войск Россия связывала с условиями соблюдения прав русскоязычных жителей Прибалтики. Так, в сентябре 1992 года и. о. премьер-министра РФ Е. Т. Гайдар заявил, что политика России в отношении государств Балтии будет строиться «с учетом того, как там решается проблема прав человека» [7]. 29 октября 1992 года президент России Б. Н. Ельцин подписал распоряжение о «Координации и упорядочении переговорного процесса с Латвийской Республикой, Литовской Республикой и Эстонской Республикой», предусматривающее временную приостановку вывода российских войск из стран Балтии «в связи с нарушением в этих странах прав русскоязычного населения» [8]. 6 ноября 1992 года президент России направил генеральному секретарю ООН Б. Бутросу-Гали послание, в котором предложил включить вопрос о массовых нарушениях прав и сво-

бод человека в Прибалтике в повестку дня 47-й сессии ГА ООН. В конечном итоге готовность защищать права национальных меньшинств в Прибалтике было упомянуто в Концепции внешней политики России, утверждённой в апреле 1993 года [9].

Уже на первоначальном этапе взаимодействия с прибалтийскими республиками в России поощряли шаги, направленные на не дискриминацию русскоязычного населения. Поскольку в Литве был принят «нулевой вариант» гражданства (выдача гражданства для всех жителей страны — прим. автора) и там не было «серопаспортников», вывод войск оттуда был осуществлён на год раньше, чем в Эстонии и Латвии — в августе 1993 года. Переговоры с Ригой и Таллином шли тяжелее. Главным камнем преткновения стал вопрос социальных гарантий для военных пенсионеров и членов их семей. Несмотря на то, что цель была достигнута — Россия в кратчайшие сроки вывела войска с территории Прибалтики — ей не удалось решить проблему дискриминации русскоязычного населения. Возможно, была упущена последняя возможность влияния на руководство Латвии и Эстонии.

Победа Б. Н. Ельцина на президентских выборах 1996 года продемонстрировала, что Россия продолжит развиваться по капиталистическому пути и «реставрации» СССР не предвидится. Параллельно с 1996 года, началась активная фаза по подготовке стран Балтии к вступлению в НАТО и Евросоюз. Кремль стремился найти ответ на этот вызов, пытаясь развивать с Прибалтикой политические отношения посредством укрепления экономических и межрегиональных хозяйственных связей.

В феврале 1997 года МИД РФ представил документ под названием «Долговременная линия России в отношении стран Балтии», в котором впервые предлагалась идея дифференцированного подхода к отношениям

с прибалтийскими республиками в зависимости от степени дискриминации русскоязычного населения [10]. Россия выдвинула предложение создать региональный «пояс добрососедства» посредством «любых гарантий безопасности» балтийским странам в обмен на их нейтралитет и невступление в НАТО. Однако, как считал член экспертного совета по делам соотечественников при Комитете по внешним связям Санкт-Петербурга А. И. Розенбанд, Россия опоздала с этими инициативами. «С ними надо было выступать раньше, увязав вывод российских войск с нейтралитетом прибалтийских республик и правами русскоязычного населения, а не после того как на мадридском саммите НАТО в июле 1997 года Латвию, Литву и Эстонию включили в план расширения Североатлантического альянса» [11].

Тем не менее, до конца 1990-х – начала 2000-х годов ведущие российские исследователи и научные центры не оставляли попыток разработать рекомендации по эффективному сотрудничеству России со странами Балтии на основе «позитивной повестки дня» и взаимных интересов. Ярким примером могут служить доклады Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), опубликованные в 1997 [12] и 1999 годах [13]. В 1997 году директор «Московского центра Карнеги» Д. В. Тренин опубликовал доклад «Балтийский шанс: страны Балтии, Россия и Запад в складывающейся Большой Европе» [14]. В 2001 г. вышла монография профессора Дипломатической академии МИД России Т. Н. Мозель «Балтия, Россия и Запад в поисках модели безопасности в Европе» [15].

В России считали, что, если развивать крепкие экономические отношения со странами Балтии, ей удастся наладить и политический диалог. Считалось, что Эстония, Латвия и Литва рано или поздно осознают,

что в силу географических, культурных, языковых факторов им выгодно сотрудничать с Россией. В октябре 1997 года были подписаны Договор о российско-литовской государственной границе [16] и Договор о разграничении исключительной экономической зоны и континентального шельфа в Балтийском море [17]. В августе 1997 года Россия парафировала пограничные соглашения с Латвией, а в марте 1999 года — с Эстонией. В 1999 году Россия заключила с Литвой соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений [18], а также соглашение об избежании двойного налогообложения [19]. В 1997–1999 годы были образованы три сворегиона («Неман», «Балтика», «Сауле»), в котором участвуют районы Калининградской области и уезды Латвии и Литвы [20].

При этом важную роль в экономическом сотрудничестве России и Прибалтики играл российский транзит. В 1990-е годы РФ не располагала достаточной инфраструктурой для перевалки своих грузов через собственные порты. Соответственно ей приходилось пользоваться услугами прибалтийских портов. Как отмечает аналитик Центра общественно-политических исследований «Русская Балтика» А. А. Носович, в отличие от крупной советской промышленности логистическая сфера в 1990-е годы не вызвала у властей стран Балтии осознанного желания её уничтожить. По его мнению, связано это было с тем, что «отсутствие собственной полноценной портовой инфраструктуры на Балтике делало Россию заложницей балтийских республик» [21]. Помимо политической составляющей, транзит и экономическое значение. «Неоспоримо, что в конце 90-х и в начале 2000-х годов доля этой области экономики вместе со связанными видами деятельности действительно доходила до 20 % ВВП» [22].

К концу 1990-х годов России не удалось выстроить отношения со странами Балтии, в основе которых лежала бы позитивная повестка дня. Российско-прибалтийским отношениям мешали неурегулированные вопросы, препятствующие движению вперёд. Россия предлагала выстраивать отношения на основе экономического сотрудничества, однако политические проблемы всё равно выходили на первый план.

ЭТАП ПОСТРОЕНИЯ ПРАГМАТИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ (2000-2014)

Приход к власти В. В. Путина в 2000 году обусловил начало следующего этапа в политике России в отношении государств Балтии. Новую внешнеполитическую линию Москвы можно обозначить как «энергетическую дипломатию» в целях преодоления зависимости от портов стран Балтии при экспорте энергоресурсов, в первую очередь нефти.

В 2000 году была принята очередная Концепция внешней политики РФ, в которой Россия выразила надежды на «хорошие перспективы» отношений с Прибалтикой. В ней отмечалось, что Россия выступает за поворот отношений с Эстонией, Латвией и Литвой «в русло добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества». «Непременным условием этого является уважение данными государствами российских интересов, в том числе в стержневом вопросе о соблюдении прав русскоязычного населения» [23]. Иными словами, Россия вновь связала перспективы улучшения политических и экономических отношений с положением русской общины в Прибалтике. Так, в июне 2002 года Госдума РФ приняла заявление, в котором предложила российскому правительству рассматривать вопросы развития торгово-экономического сотрудничества с Латвией в «прямой зависимости от практических шагов её

руководства по прекращению дискриминационной политики в отношении русского населения» [24].

Россия с конца 1990-х – начала 2000-х годов начала активно строить собственные грузовые порты. В 2001 году был открыт порт в Усть-Луга. Тогда же в декабре 2001 года были сданы в эксплуатацию первые два причала в Приморске. Вторая и третья очередь были сданы в 2004 и 2006 годах. Также, была осуществлена модернизация причалов в Выборге, используемые для перевалки лесных и химических грузов. В порту Высоцк в 2004–2005 годы были введены в эксплуатацию первая и вторая очередь терминалов по транзиту светлых и тёмных нефтепродуктов.

В 2010 году начал строиться газопровод «Северный поток», а также система нефтепроводов БТС-II (Балтийская трубопроводная система). Уже к 2011–2012 годам все работы были завершены. Однако следует отметить, что свертыванию экономического присутствия России в Прибалтике и Евросоюзе в целом способствовало появление в 2009 году «Третьего энергетического пакета», обеспечивающего либерализацию газового и электрического рынков ЕС.

Также, Россия осознавала опасность расширения НАТО на восток. Страны Балтии вступили в НАТО в условиях нерешённости целого набора проблем в их отношениях с Россией [25]. В частности, на территории балтийских государств не действовали ограничения на обычные вооружения, поскольку они не присоединились к ДОВСЕ. В Латвии и Эстонии сохранялась дискриминация русскоязычного населения, а в контексте жизнеобеспечения Калининградской области не были урегулированы проблемы договорного оформления воинского транзита через Литву.

Однако Россия была ни в силах противостоять расширению НАТО. Единственным

инструментом политического давления на альянс могло быть затягивание подписания пограничных соглашений с Эстонией и Латвией, поскольку по уставу НАТО страны-кандидаты не должны иметь неурегулированных территориальных вопросов со своими соседями. Тем не менее, в 2004 году страны Балтии стали членами НАТО. Пограничные договоры России с Эстонией и Латвией были подписаны в 2005 [26] и 2007 году [27] соответственно.

Предполагалось, что после вступления в НАТО, прибалтийские республики будут чувствовать себя в безопасности, поскольку они станут членами сильнейшего в мире военно-политического блока. Статья 5 устава НАТО гласит, что атака на одного члена означает нападение на всех участников альянса. Однако этот расчёт не оправдался, и расширение НАТО на восток лишь приблизило военную инфраструктуру альянса к границам России.

Вхождение Эстонии, Латвии и Литвы в НАТО и Евросоюз изменило характер отношений России с этими странами. С 2004 года прибалтийские республики перестали принимать самостоятельные внешнеполитические решения, и на смену им пришла «блоковая дисциплина». Однако несмотря на то, что прибалтийские страны получили членство в евро-атлантических структурах, это серьёзно не повлияло на положение русскоязычного населения и, соответственно, на российско-прибалтийские отношения.

Ключевой вехой стали события «Бронзовой ночи» 2007 года. В ночь с 26 на 27 апреля власти Эстонии демонтировали и перенесли памятник воину-освободителю «Бронзового солдата» с холма Тынисмяги на Военное кладбище в Таллине. В глазах правящих элит монумент символизировал период «советской оккупации». Для местных русских «Бронзовый

солдат» оставался олицетворением освобождения от немецкой оккупации Эстонии в 1944 году. Перенос памятника повлек за собой массовые волнения и выступления несогласных в столице и других городах Эстонии, закончившиеся разгоном протестующих. В результате столкновений с полицией даже погиб один гражданин РФ. Всего во время апрельских беспорядков на улицах города пострадали 44 человека. Комитет Госдумы по международным делам в ответ на события в Таллине потребовал от российского правительства незамедлительных мер в торгово-экономических отношениях с Эстонией. Депутаты предложили прекратить экспорт угля и импорт рыбы и молочных продуктов. Глава МИД РФ С. В. Лавров заявил, что «этому кощунству нет оправданий» [28].

События «Бронзовой ночи» повлияли как на политическую атмосферу российско-эстонских отношений, так и на её экономическую составляющую. В результате предпринятых Россией мер объём перевозки грузов в 2007 году по сравнению с тем же периодом 2006 года сократился на 35 %, объём перевозки сырой нефти упал на 34 %, бензина — на 50 %, а каменного угля — более чем на 60 % [29]. Как отмечал президент Российской ассоциации прибалтийских исследований Н.М. Межевич, произошло перераспределение российских грузопотоков в пользу портов Латвии и Литвы [30]. Общий объём прямых потерь для экономики Эстонии из-за истории с «Бронзовым солдатом» оценивается в размере от 320 млн до 440 млн евро [31].

Тем не менее, подобные действия России существенно не повлияли на внутреннюю политику элит в отношении местных русских. «Попытки российского руководства использовать для давления на Прибалтийские государства меры экономического воздействия в виде строительства собствен-

ных портовых мощностей на Балтике стали иметь определенный предел, поскольку РФ приходится строить отношения не отдельно с Латвией, Литвой или Эстонией, а с ЕС или НАТО в целом» [32, с. 91].

Продолжающаяся дискриминация прав русскоязычного населения заставила Россию пересмотреть политику в отношении русской общины в Прибалтике. Москва решила поддерживать местные объединения российских соотечественников, создав соответствующие координационные советы при посольствах РФ. Их целью стало обобщение и формулирование для России гуманитарных проблем и озабоченностей российских соотечественников стран Балтии. В 2007 году в Таллине был образован Координационный совет российских соотечественников Эстонии, в Риге — Координационный совет организаций российских соотечественников Латвии и в Вильнюсе — Координационный совет общественных организаций российских соотечественников Литвы. Как правило, членами советов являются граждане из числа местных жителей Эстонии, Латвии и Литвы. Таким образом, эти структуры нельзя назвать полностью российскими, но и нельзя недооценивать степень влияния России на их деятельность.

Президентство Д. А. Медведева (2008–2012 годы) не изменило общий вектор развития российско-прибалтийских отношений. Москва при Д. А. Медведеве по-прежнему рассчитывала на стабилизацию политических отношений посредством усиления экономических связей, и особую роль в этом должно было сыграть приграничное сотрудничество и «мягкая сила».

В июле 2008 года была опубликована новая Концепция внешней политики. В ней указывалось, что «Российская Федерация настроена на взаимодействие с Латвией, Литвой и Эстонией в духе добрососед-

ства, на основе обоюдного учета интересов. Принципиальное значение для России сохраняли вопросы соблюдения прав русскоязычного населения в соответствии с принципами и нормами общеевропейского и международного права, а также вопросы жизнеобеспечения Калининградской области» [33].

С конца 2000-х годов по итогам расширения Евросоюза началась история приграничного сотрудничества России и ЕС. В 2009 году Россия и Еврокомиссия подписали пять соглашений о финансировании и реализации программ приграничного сотрудничества на период 2009–2013 годов: «Коларктик», «Карелия», «Юго-Восточная Финляндия — Россия», «Россия — Латвия — Эстония», «Россия — Литва — Польша» [34]. Их цель заключалась в сглаживании региональных диспропорций как между северо-западными регионами России, так и новыми странами-членами ЕС. Общий бюджет программ составил около 437 млн евро, из которых Россия выделила 103,7 млн евро. В 2010 году соглашения были ратифицированы и вступили в силу.

С 2010-х годов Россия стала активнее задумываться о применении инструментов «мягкой силы» для сохранения и усиления своего влияния в Прибалтике. Как отмечал ведущий научный сотрудник Института Европы РАН В. В. Воротников, в 2010-е годы в России началась систематизация и теоретическое осмысление ресурсного потенциала «мягкой силы», в связи с чем были приложены определенные усилия по созданию механизмов её проецирования на международно-политическую среду, в том числе и на регион государств Балтии [35].

Первые шаги были сделаны на историческом поле. Осенью 2008 года был учреждён фонд «Историческая память», целью которого стало содействие объективным научным исследованиям российской

и восточноевропейской истории XX века. С 2010 года под патронажем фонда стал выпускаться «Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований», в котором отражается российский взгляд на исторические события, в том числе касающиеся прошлого Эстонии, Латвии и Литвы. Примечательно, что в ноябре 2011 года состоялась первая встреча инициированной президентами России и Латвии российско-латвийской комиссии историков. Однако вместо того, чтобы стать инструментом научного диалога, она превратилась в площадку, где латвийские историки озвучивали идеологизированные официальные штампы о «советских оккупантах» и «легионерах СС как борцах за свободу Латвии».

В октябре 2011 года в Санкт-Петербурге состоялся первый международный Балтийский форум соотечественников. Конференция проходила при поддержке правительства Ленинградской области. Темой форума стали актуальные проблемы формирования русскоязычного информационного пространства в Балтийском регионе, а также задачи формирования положительного образа России в Балтийском регионе [36].

В 2000-е годы Россия предприняла попытку трансформации отношений со странами Балтии, переложив их в экономическую плоскость. Россия по-прежнему выступала за защиту прав русскоязычного населения, а также исторической памяти. Методом давления на местные элиты стало снижение российского транзита через Прибалтику. Однако возможности России были ограничены, поскольку Эстония, Латвия и Литва стали членами Евросоюза и НАТО. К началу 2010-х годов Россия прибегла к использованию инструментов «мягкой силы», переориентируясь с межгосударственных отношений на построение отношений с гражданским обществом, в том числе с российскими соотечественниками.

ЭТАП УХУДШЕНИЯ РОССИЙСКО-ПРИБАЛТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (2014-2020)

Возвращение президента В. В. Путина в президентское кресло обусловило продолжение предыдущей политики России: снижение транзитной зависимости и поддержка русскоязычного населения, в том числе российских соотечественников. Ухудшение отношений России и Запада в связи украинским конфликтом, начавшимся в 2014 году, лишь обострило старые противоречия с прибалтийскими республиками и усилило разрыв как политических, так и экономических связей.

Ранее, в феврале 2012 года Путин ясно дал понять, что, если он будет избран президентом на новый срок, он намерен проводить более активную внешнюю политику. Так, в одной из своих программных статей он заявил, что Россия не будет мириться с «позорным статусом «неграждан» [37]. Он также отметил, что Москва будет добиваться выполнения властями Латвии и Эстонии «многочисленных рекомендаций авторитетных международных организаций относительно соблюдения общепризнанных прав национальных меньшинств». Таким образом, Путин сместил акценты: теперь России важно не столько выстраивание добрососедских отношений с Прибалтикой, сколько работать с гражданским обществом и усиливать свою «мягкую силу».

В Концепции внешней политики РФ 2013 года страны Балтии перестали фигурировать. Вместо этого Россия поставила перед собой цель «защищать права и законные интересы соотечественников, проживающих за рубежом, на основе международного права и международных договоров Российской Федерации, рассматривая многомиллионную русскую диаспору в качестве партнера, в том числе в деле расширения и укрепления пространства русского

языка и культуры» [38]. Подобное же положение было позже представлено и в Концепции внешней политики РФ 2016 года.

Идея поддержки русскоязычного населения за рубежом и защиты «русского мира» была реализована и в контексте украинского конфликта. Возвращение Крыма и поддержка русских на Донбассе можно рассматривать как одно из проявлений этой политики. Действия России на Украине в 2014 году стали реакцией на государственный переворот и приход к власти в стране националистических антироссийских сил, поддержанных на Западе. В Прибалтике Россию наоборот обвинили в преднамеренной агрессии и реваншизме, что во многом связано, во-первых, с ее историческим опытом (присоединение к СССР), а во-вторых, с наличием в Эстонии, Латвии и Литве русскоязычного населения лояльного России. Это стало одним из наиболее серьезных факторов резкого ухудшения российско-прибалтийских отношений.

С 2014 года в странах Балтии и на Западе в целом усилилась антироссийская риторика. В большинстве крупных СМИ, ориентированных в том числе на русскоязычную аудиторию, Россия стала называться «агрессором», а присоединение Крыма — «незаконной аннексией». Россия в этих условиях прибегла к созданию новых информационных агентств, представляющих зарубежной аудитории российскую точку зрения на происходящие события. Так, осенью 2014 года было создано международное агентство Sputnik. Затем был создан русскоязычный портал Baltnews с национальными доменами в Эстонии, Латвии и Литве. Оба принадлежат международной медиагруппе МИА «Россия сегодня». В 2018 году Baltnews стал полноценным российским информационным агентством. В Эстонии, Латвии и Литве российские государственные СМИ считаются «пропаган-

дистскими», что ведет к дискриминации журналистов из России.

На фоне неблагоприятной внешнеполитической конъюнктуры в Прибалтике усилилось наступление на права русскоязычных граждан, которых стали ещё сильнее подозревать в лояльности России и её «враждебной политике». Это, в частности, отразилось в дальнейшей ликвидации образования на русском языке, преследовании политических заключённых, героизации тех, кто воевал в годы Второй мировой войны на стороне нацисткой Германии, и антироссийской риторике политических элит.

В этих условиях Россия продолжала сокращение транзитных перевозок через Прибалтику и расширение использования собственных мощностей. Только за первое полугодие 2019 года перевалка российских грузов в портах Прибалтики (преимущественно Латвии) сократилась на 12 %, до 16,8 млн т. [39]. Минимизируется российский экспорт нефти, падает перевалка угля (на 20 % упала отгрузка антрацита). Наибольшее снижение показали наливные и насыпные грузы. Планомерное падение объёмов перевозок касается и железнодорожного транзита. Тем не менее, Россия всё ещё остаётся зависимой от Прибалтики в плане транспортировки удобрений и руды, что связано с нехваткой специализированных глубоководных терминалов и удобной логистики.

По мнению старшего научного сотрудника Центра европейских исследований ИМЭМО РАН В.А. Оленченко, российская концепция поддержания двусторонних отношений с Эстонией, Латвией и Литвой потерпела фиаско. «Концепция примата экономических отношений пришла к очевидной неэффективности в 2014 году после введения Евросоюзом антироссийских санкций. В качестве утешительного момента можно отметить, что несостоятельность

концепции примата экономических отношений касалась не только стран Балтии, но и в целом отношений с Западом» [1].

Ухудшение политических отношений России и стран Балтии повлияло на реализацию насущных вопросов. Так, России и Эстонии не удалось ратифицировать пограничный договор, вновь заключённый в феврале 2014 года [40]. Введение взаимных санкций снизило объёмы двусторонней торговли. Однако Россия и Евросоюз поддержали реализацию новой программы приграничного сотрудничества на период с 2014 по 2020 годы. В последнее время стороны обсуждают создание третьей подобной программы на 2021–2027 годы.

В последние годы всё более значимую роль в политических отношениях России и стран Балтии стали играть контакты между крупными городами. Отношения между мэриями Москвы, Санкт-Петербурга с одной стороны и Таллина, Риги — с другой приобрели в последние годы фактически государственную значимость. При этом, по словам вице-губернатора Санкт-Петербурга В. Н. Княгинина, «на городском уровне легче и проще взаимодействовать, чем, может, на государственном. Это не значит, что межгородское взаимодействие выходит на передний план. Оно просто имеет возможность позитивно развиваться» [41].

На фоне осложнений межгосударственных отношений на первый план вышли личные связи между политиками. Например, в апреле 2019 года президент России В. В. Путин принял в Кремле свою эстонскую коллегу Керсти Кальюлайд. Президент Эстонии стала первым представителем стран Балтии, встретившимся с российским лидером после событий 2014 года. Главы государств обсудили вопросы двустороннего сотрудничества, и по итогам встречи Россия согласилась поддержать кандидатуру Эстонии на место

непостоянного члена Совета Безопасности ООН в 2020–2021 годы [42]. Тем не менее, встреча двух президентов не оказала существенное влияние на уровень двусторонних отношений России и Эстонии. При этом Россия продемонстрировала, что открыта для диалога с прибалтийскими соседями.

Конфликт на Украине усилил существующие противоречия между Россией и Прибалтикой, заставив Москву сильнее реагировать на новые вызовы. Западные СМИ и прибалтийские элиты стали чаще и жестче критиковать Россию, что заставило её ответить, создав в Прибалтике собственные информационные агентства, продвигающие российскую позицию. Санкционный режим и антироссийская риторика способствовали дальнейшему снижению транзита через Прибалтику. Тем не менее, Россия поддерживает связи с Эстонией, Латвией и Литвой там, где это не противоречит её государственным интересам — межрегиональное экономическое сотрудничество, муниципальная дипломатия, туризм, образовательные обмены и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эволюцию внешней политики России в отношении стран Балтии можно разделить на четыре основных этапа: период, когда отношения только зарождались (1990–1991), время, когда Россия стремилась выстроить новые межгосударственные отношения (1991–1999), «прагматичный» этап (2000–2014), а также «посткрымский» период (2014–настоящее время).

Период существования СССР характеризуется началом двустороннего диалога РСФСР с прибалтийскими республиками. Российское руководство признало суверенитет Эстонии, Латвии и Литвы, не урегулировав на изначальном этапе главные вопросы — проблему гражданства, территориальные претензии, тему «совет-

ской оккупации», борьбу с русским языком. В 1990–1991 годы российский лидер Б. Н. Ельцин был заинтересован в усилении роли РСФСР, и он, видимо, не предполагал, что после распада СССР именно России придётся решать эти вопросы. Вероятно, он рассчитывал, что ей в итоге хватит авторитета и возможностей повлиять на положение дел в Прибалтике. Но на практике оказалось, что интересы России оказались попораны.

В 1990-е годы Россия в спешке выводила бывшие советские войска, и поэтому ей не удалось связать вывод воинского контингента из Прибалтики с прекращением дискриминации русскоязычного населения. В результате Россия лишилась серьезного рычага давления на страны Балтии. При этом в Российской Федерации считали, что география и старые хозяйственные связи помогут наладить политические отношения, однако этот расчёт не оправдался. Россия частично зависела от транзита через Эстонию, Латвию и Литву, и её ориентация на построение отношений с западными странами ослабляла её жёсткую позицию по Прибалтике. К концу 1990-х годов Москва фактически смирилась с перспективой расширения Евросоюза и НАТО на восток, фактически не оказывая этому никакого сопротивления.

С приходом к власти В. В. Путина в 2000 году Россия изменила стратегию отношений со странами Балтии. Она поставила цель создать собственные портовые мощности, чтобы с одной стороны, развивать отечественную промышленность, а с другой стороны снижать транзитную зависимость от Прибалтики. Вступление Эстонии, Латвии и Литвы в НАТО и ЕС лишь усилило экономический и политический разрыв с Россией. При этом она по-прежнему связывала перспективу улучшения отношений со снижением уровня дискриминации

русских в Прибалтике. Инцидент с «Бронзовым солдатом» в Таллине в 2007 году продемонстрировал, что Россия готова применять «невоенные рычаги» внешней политики, но членство Эстонии, Латвии и Литвы в НАТО и ЕС естественным образом ограничивает её возможности. Тем не менее, до 2014 года Россия продолжала фокусироваться на позитивной повестке дня — развитии экономических, межрегиональных, гуманитарных и муниципальных связей.

Украинский конфликт 2014 года нанёс серьёзный удар по российско-прибалтийским отношениям. В Прибалтике не приветствовали «Русскую весну», вследствие чего в Литве, Латвии и Эстонии усилилась антироссийская риторика. России в этих условиях стало сложнее применять инструменты «мягкой силы». Москва осознаёт, что улучшение отношений со странами Балтии невозможно, пока они не будут налажены с коллективным Западом. Теперь её цель больше не построить «добрососедские отношения» со странами Балтии, а стараться сохранить связи, наработанные за предыдущие 25 лет. Россия перестала рассматривать Прибалтику как отдельное направление внешней политики, решив сфокусироваться на поддержке русских соотечественников и приграничном сотрудничестве. Она также продолжает курс на снижение транзита, оставляя прибалтийские порты и железные дороги без дополнительного заработка.

В последние годы Россия демонстрирует явную «усталость» от стран Балтии, поскольку ей так и не удалось сдвинуть с мёртвой точки ключевые проблемы межгосударственных отношений: по-прежнему сохраняется дискриминация русскоязычного населения, стороны так и не пришли к единой трактовке истории Второй мировой войны, не урегулированы территориальные вопросы, в частности, с Эстонией. Систематическая антироссийская риторика и обвинения России в «агрессии» лишь ухудшают общий фон российско-прибалтийский отношений.

Снижение уровня экономических связей неизбежно ведёт к ухудшению политических отношений. Политика России в отношении Эстонии, Латвии и Литвы отражает её общий подход к отношениям с Евросоюзом и НАТО — сотрудничество там, где это возможно. Тем не менее, России следует задуматься о выработке новой концептуальной стратегии в отношении стран Балтии, которая учитывала бы как предыдущий опыт российско-прибалтийского взаимодействия, так и те задачи, которые стоят перед Россией на современном этапе. Пока же приходится констатировать, что на первое место выходят отношения на уровне приграничных регионов, муниципалитетов, а также гражданского общества. Подобные связи носят неполитический характер и ориентированы исключительно на решение конкретных задач.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Оленченко В.А. Россия и страны Балтии: контуры концепции двусторонних отношений. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1733> (дата обращения: 01.04.2020)
2. Договор об основах межгосударственных отношений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Эстонской Республики. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901980> (дата обращения: 01.04.2020)
3. Договор об основах межгосударственных отношений Российской Советской

- Федеративной Социалистической Республики и Латвийской Республики. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901876386> (дата обращения: 01.04.2020)
4. Никифоров И.В. Принцип «Континуитета» как основа современной политики исторической памяти в Эстонии. *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. 2015;1(6):155-159.
  5. Россия и Прибалтика. Доклад Совета по внешней и оборонной политике. 1997. URL: http://www.svop.ru/public/docs_1997_10_28_1351674573.pdf (дата обращения: 01.04.2020)
  6. Хроника второй российской республики. Декабрь 1991 - декабрь 1992 гг. URL: <http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/d91-d92.htm> (дата обращения: 01.04.2020)
  7. Москва пока не намерена принимать санкции против Прибалтики. URL: <http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-30-sentyabrya-1992-goda> (дата обращения: 01.04.2020)
  8. Распоряжение президента РФ от 29 октября 1992 г. №637-рп «О координации и упорядочении переговорного процесса с Латвийской Республикой, Литовской Республикой и Эстонской Республикой». URL: <http://base.garant.ru/6310629/#friends> (дата обращения: 01.04.2020)
  9. Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в четырёх томах. Том IV. Документы / Ред.-сост. Т.А. Шаклеина. Москва: МГИМО (У), РАМИ, АНО «ИНО-Центр Информация. Наука. Образование»; 2002. 527 с.
  10. Воронников В.В. Внешняя политика государств Балтии в начале XXI века: Научное издание. Москва: Издательство «Аспект Пресс»; 2015. 272 с.
  11. Розенбанд А.И. Россия – Латвия: «перезагрузка» отношений? URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/rossija_latvija_perezagruzka_otnoshenij_2011-12-07.htm (дата обращения: 01.04.2020)
  12. Россия и Прибалтика. Доклад Совета по внешней и оборонной политике. 28.10.1997. <http://svop.ru/public/pub1997/1240/> (дата обращения: 01.04.2020)
  13. Россия и Прибалтика II. Совет по внешней и оборонной политике. 13.10.1999. URL: <http://svop.ru/meeting/y1999/1501/> (дата обращения: 01.04.2020)
  14. Тренин Д.В. Балтийский шанс: Страны Балтии, Россия и Запад в складывающейся Большой Европе. Москва: Московский Центр Карнеги; ноябрь 1997.
  15. Мозель Т.Н. Балтия, Россия и Запад в поисках модели безопасности в Европе. Москва: Научная книга; 2001. 302 с.
  16. Договор между Российской Федерацией и Литовской Республикой о российско-литовской государственной границе. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901792698> (дата обращения: 01.04.2020)
  17. Договор между Российской Федерацией и Литовской Республикой о разграничении исключительной экономической зоны и континентального шельфа в Балтийском море. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901792699> (дата обращения: 01.04.2020)
  18. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Литовской Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901851391> (дата обращения: 01.04.2020)
  19. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Литовской Республики об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы и капитал. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54050/ (дата обращения: 01.04.2020)

20. Кузнецов А.В., Четверикова А.С. Проблемы российско-прибалтийских экономических связей. *Мировая экономика и международные отношения*. 2009;7:73-81.
21. Носович А.А. Как Прибалтика потеряла российский транзит. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/ekonomika-i-biznes/270416-tranzit/> (дата обращения: 01.04.2020)
22. Межевич Н.М. Государства Прибалтики 2.0. Четверть века «вторых республик». Москва: Ассоциация издателей «Русская книга»; 2016. с. 272.
23. Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html (дата обращения: 01.04.2020)
24. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации о заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О дискриминационной политике латвийских властей в отношении русского населения Латвийской Республики» 07.06.2002. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102059861&backlink=1&nd=102076451&rdk=> (дата обращения: 01.04.2020)
25. Расширение НАТО затрагивает интересы России. URL: <https://ria.ru/20040329/556661.html> (дата обращения: 01.04.2020)
26. Договор между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о российско-эстонской государственной границе. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901941535> (дата обращения: 01.04.2020)
27. Договор между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о российско-латвийской государственной границе. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902041667> (дата обращения: 01.04.2020)
28. МИД РФ: Действиям Эстонии нет оправданий // Ведомости, 27.04.2007. URL: <https://www.vedomosti.ru/library/articles/2007/04/27/mid-rf-dejstviyam-jestonii-net-opravdanij> (дата обращения: 01.04.2020)
29. История конфликта Эстонии и России: перенос «Бронзового солдата». URL: <http://www.zagolovki.ru/daytheme/soldat/29Dec2007> (дата обращения: 01.04.2020)
30. Межевич Н.М. Экономические аспекты российско-прибалтийских отношений в 2007-2008 годах. *Балтийский регион*. 2009;1:87-90.
31. Больше не топчутся. Год назад в центре Таллина был демонтирован Бронзовый солдат. URL: <https://lenta.ru/articles/2008/04/28/soldier/> (дата обращения: 01.04.2020)
32. Пашковский П.И. Особенности интеграционной политики Российской Федерации в отношении государств Балтии (1992-2009 годы). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2009;4:88-92.
33. Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 01.04.2020)
34. Программы приграничного сотрудничества Россия – ЕС. URL: <http://old.economy.gov.ru/minec/activity/sections/mps/programs/index> (дата обращения: 01.04.2020)
35. Воротников В.В. Иванова Н.А. «Мягкая сила» России в странах Прибалтики в исследовательском фокусе: традиции, противостояние, конкуренция. *Балтийский регион*. 2019;11(3):107-124.
36. В Санкт-Петербурге состоится Международный Балтийский форум соотечественников. URL: https://ruvek.ru/news/v_sankt-peterburge_sostoitsya_mezhdunarodnyy_baltiyskiy_forum_sootechestvennikov_7609/ (дата обращения: 01.04.2020)
37. Путин В.В. Россия и меняющийся мир. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 01.04.2020)

38. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.) (утратила силу). 18.02.2013 URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 01.04.2020)
39. Россия сократила транзит через порты Прибалтики на 12 %. URL: <https://eurasia.expert/rossiya-sokratila-tranzit-cherez-porty-pribaltiki-na-12/> (дата обращения: 01.04.2020)
40. Договор между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о российско-эстонской государственной границе. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499082047> (дата обращения: 01.04.2020)
41. Вице-губернатор Санкт-Петербурга: при санкциях сотрудничество с Таллином особенно важно. URL: https://baltnews.ee/ekonomika_online_novosti/20191008/1018076724/Vitse-gubernator-Sankt-Peterburga-pri-sanktsiyakh-sotrudnichestvo-s-Tallinom-osobenno-vazhno.html (дата обращения: 01.04.2020)
42. Посол РФ в Таллине: «Мы поддержали прием Эстонии в непостоянные члены Совбеза ООН». URL: https://baltnews.ee/tallinn_news/20190708/1017829038/rossiya-podderzhala-estoniyu-posol.html (дата обращения: 01.04.2020)

REFERENCES:

- Olenchenko V.A. Russia and the Baltic States: contours of the bilateral relations concept. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1733> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
- Treaty on Fundamentals of Interstate Relations between the Republic of Estonia and the Russian Soviet Federative Socialist Republic. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901980> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
- Treaty on Fundamentals of Interstate Relations between the Republic of Latvia and the Russian Soviet Federative Socialist Republic. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901876386> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
- Nikiforov I.V. The “Continuity” principle as the basis of modern historical memory politics in Estonia. *Journal of Russian and East European Historical Studies*. 2015;1(6):155-159.
- Russia and the Baltic states. Report of the Council on External and Defense. URL: http://www.svip.ru/public/docs_1997_10_28_1351674573.pdf [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
- Chronicle of the second Russian republic. December 1991 - December 1992. URL: <http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/d91-d92.htm> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
- Moscow does not intend to impose sanctions on the Baltic States. URL: <http://www.yeltsin-center.ru/digest/release/den-za-dnem-30-sentyabrya-1992-goda> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
- Executive order of the Russian President from 29th of October 1992, №637-рп “Agreement on coordination and strengthening the negotiation process with the Republic of Latvia, the Republic of Lithuania and the Republic of Estonia”. URL: <http://base.garant.ru/6310629/#friends> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
- Foreign policy and security of modern Russia. 1991-2002. An anthology in four volumes. Volume IV. Documents / Ed. T.A. Shackleina. Moscow: MGIMO (U), RAMI, ANO “INO-Center Information. The science. Education; 2002. 527 p. (In Russ.)
- Vorotnikov V.V. The foreign policy of the Baltic states at the beginning of the XXI century: Scientific publication. Moscow: Aspect Press; 2015. 272 p.

11. Rosenband A.I. Russia - Latvia: "reset" of relations? URL: http://www.perspektivy.info/eng/desk/rossija_latvija_perezagruzka_otnoshenij_2011-12-07.htm [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
12. Russia and the Baltic States. Report of the Council for Foreign and Defense Policy. Council for Foreign and Defense Policy, 10.28.1997. URL: <http://svop.ru/public/pub1997/1240/> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
13. Russia and the Baltic States II. Report of the Council for Foreign and Defense Policy. 13.10.1999. URL: <http://svop.ru/meeting/y1999/1501/> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
14. Trenin D.V. Baltic Chance: The Baltic States, Russia, and the West in the Emerging Greater Europe. Moscow: Moscow Carnegie Center; 1997. (In Russ.)
15. Kuznetsov A.V., Chetverikova A.S. Problems of Russian-Baltic economic relations. *World Economy and International Relations*. 2009;7:73-81. (In Russ.)
16. Treaty between the Russian Federation and the Republic of Lithuania on the Russian-Lithuanian state border. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901792698> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
17. Treaty between the Republic of Lithuania and the Russian Federation on the Delimitation of the Exclusive Economic Zone and the Continental Shelf in the Baltic Sea. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901792699> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
18. Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Republic of Lithuania on the promotion and reciprocal protection of the investments. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901851391> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
19. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Lithuania for the avoidance of double taxation and the prevention of fiscal evasion with respect to taxes on income and on capital. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54050/ [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
20. Kuznetsov A.V., Chetverikova A.S. Problems of Russian-Baltic economic relations. *World Economy and International Relations*. 2009;7:73-81.
21. Nosovich A.A. How the Baltic States lost Russian transit. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/ekonomika-i-biznes/270416-tranzit/> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
22. Mezhevich N.M. Baltic States 2.0. A quarter of a century of "second republics". Moscow: Association of book publishers "Russian book"; 2016. 272 p. (In Russ.)
23. The concept of foreign policy of the Russian Federation. 07/11/2000. URL: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
24. Decision of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on the statement of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation "On the discriminatory policy of the Latvian authorities in relation to the Russian population of the Latvian Republic" 07.06.2002. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102059861&backlink=1&nd=102076451&rdk=> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
25. The expansion of NATO affects the interests of Russia again. URL: <https://ria.ru/20040329/556661.html> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
26. The border agreement of the Republic of Estonia and the Russian Federation. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901941535> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
27. The border agreement of the Republic of Latvia and the Russian Federation. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902041667> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
28. The Russian Foreign Ministry: There are no excuses for Estonia's actions. URL: <https://www.vedomosti.ru/library/articles/2007/04/27/>

- [mid-rf-dejstviyam-jestonii-net-opravdanij](#) [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
29. The history of the conflict between Estonia and Russia: the transfer of the Bronze Soldier. URL: <http://www.zagolovki.ru/daytheme/soldat/29Dec2007> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
  30. Mezhevich N.M. Economic aspects of Russian-Baltic relations in 2007-2008. Baltic region. 2009;1:87-90.
  31. No longer trample down. Bronze soldier was dismantled in the center of Tallinn A year ago. URL: <https://lenta.ru/articles/2008/04/28/soldier/> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
  32. Pashkovsky P.I. Features of the integration policy of the Russian Federation in relation to the Baltic states (1992-2009). Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University. 2009;4:88-92. (In Russ.)
  33. The concept of foreign policy of the Russian Federation. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
  34. Russia-EU Cross-Border Cooperation Programs. URL: <http://old.economy.gov.ru/minec/activity/sections/mps/programs/index> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
  35. Vorotnikov V.V. Ivanova N.A. The “soft power” of Russia in the Baltic countries in the research focus: traditions, confrontation, competition. *Baltic Region*. 2019;11(3):107-124.
  36. The International Baltic Forum of Compatriots will be held in St. Petersburg. URL: https://ruvek.ru/news/v_sankt_peterburge_sostoitsya_mezhdunarodnyy_baltiyskiy_forum_sotchestvennikov_7609/ [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
  37. Putin V.V. Russia and the changing world. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
  38. The concept of foreign policy of the Russian Federation (approved by President of the Russian Federation V.V. Putin on February 12, 2013) (expired), 02/18/2013 URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptCk6B6Z29/content/id/122186 [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
  39. Russia reduced transit through the ports of the Baltic states by 12 %. URL: <http://eurasia.expert/rossiya-sokratila-tranzit-cherez-porty-pribaltiki-na-12/> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
  40. The border agreement of the Republic of Estonia and the Russian Federation. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499082047> [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
  41. Vice-governor of St. Petersburg: cooperation with Tallinn is especially important under sanctions. URL: https://baltnews.ee/ekonomika_online_novosti/20191008/1018076724/Vitse-gubernator-Sankt-Peterburga-pri-sanktsiyakh-sotrudnichestvo-s-Tallinom-osobenno-vazhno.html [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)
  42. Ambassador of the Russian Federation in Tallinn: “We supported the admission of Estonia to non-permanent members of the UN Security Council”. URL: https://baltnews.ee/tallinn_news/20190708/1017829038/rossiya-podderzhala-estoniyu-posol.html [Accessed: 01.04.2020] (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Семен С. Бойков, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2; boykov_semyon@mail.ru

Semyon S. Boykov, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia; boykov_semyon@mail.ru

